

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Современная **ЕВРОПА**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

3 (110) май-июнь 2022 г.

ШЕФ-РЕДАКТОР

член-корр. РАН Ал.А. ГРОМЫКО

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОВЕТ

ГРИНБЕРГ Р.С. (Россия), ГРУШКО А.В. (Россия),
ЖУРКИН В.В. (Россия), КАРРЕР Д'АНКОС ЭЛЕН (Франция),
НЕКИПЕЛОВ А.Д. (Россия), НИВА ЖОРЖ (Швейцария),
РОГОВ С.М. (Россия), ФАРА ДЖАН МАРИЯ (Италия),
ФРАНКО МАРК (Бельгия), ЧУБАРЬЯН А.О. (Россия)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Н. ЛУНКИН

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

К.А. ГОДОВАНЮК

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

С.А. ЗАБЕЛИН

РЕДАКТОРЫ: Т.Н. СТЕПАШИНА, О.К. ШИМАНСКАЯ, Р.О. ОРЕСТОВ, А.А. РОЖИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АРБАТОВ А.Г., АЛЛИСОН Р. (Британия), БЕЛОВ В.Б., БОРКО Ю.А.,
БЕРГМАНН В. (Германия), БУТОРИНА О.В., ВОДОПЬЯНОВА Е.В.,
ДАНИЛОВ Д.А., ЗОЛОТАРЁВ П.С., КАВЕШНИКОВ Н.Ю., МИРОНЕНКО В.И.,
НОСОВ М.Г., ПОТЕМКИНА О.Ю., РИЧЧЕРИ М. (Италия),
РУБИНСКИЙ Ю.И., СМЕРНОВ В.А., ФЛОГАИТИС С. (Греция),
ШВЕЙЦЕР В.Я., ШИШЕЛИНА Л.Н.

МОСКВА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Contemporary EUROPE

SOCIAL AND POLITICAL RESEARCH JOURNAL

EST. JANUARY 2000

CONTENTS

GREMINGER T., WASHINGTON R. Reinvigorating Cooperative Security in a Polarised World
• **BABYNINA L., OSKOLKOV P.** Northern Ireland Conflict in the Brexit Context: Political Challenges of Identity • **ALEKSEENKOVA E., CHIKHACHEV A.** The Quirinal Treaty: Bilateral Agreement on the EU's Future? • **ZHILTSOV S.** The Arctic Vector of the Foreign Policy of the European Union • **ANTOPOL'SKII A., EFREMENKO D.** Political Aspects of the Development of the Infrastructure of Digital Social Sciences and Humanities in the European Union • **HAVRYLIUK D.** The Specifics of the Phenomenon of Absenteeism as a Consequence of a Crisis of Confidence in Political Institutions in Ukraine • **GRACHEVA M.** German Imports after the Coronavirus Crisis • **KOTOV A.** Current Challenges for German Business in the Russian Market • **SOKOLOV A., DAVYDOV A.** From Opposition into Government: Free Democrats Political Dynamics at the Bundestag 2021 Elections • **KRIVOLAPOV O.** The Influence of the NATO Regional Missile Defense on the European Security • **LESHENYUK O.** Strengthening the Regional System of Collective Security within the Framework of the CSTO • **MUDROV S.** Church, State and Society in Ukraine: Three Years after the Tomos • **SHIMANSKAYA O.** Maria 2.0. Feminist Movement in the Catholic Church in Germany: a New Challenge? • **OBICHKINA E.** How to Understand Russia: a View from the Failed Future • **EREMIN D.** The High Representative Institution as a Challenge to the Development of Modern Bosnia and Herzegovina • **FEDOROV S.** More than just "The Ambassador in Paris" (*about the Memoirs of the Russian Ambassador to France Alexander Orlov*) • **TRESHCHENKOV E.** Identity, United States and Other Factors of Russia-EU Relations

INHALT

GREMINGER T., WASHINGTON R. Wiederbelebung der kooperativen Sicherheit in der polarisierten Welt • **BABYNINA L., OSKOLKOV P.** Nordirischer Konflikt angesichts des Brexits: politische Herausforderungen der Identität • **ALEKSEENKOVA E., TSCHIHATSCHEV A.** Quirinal-Vertrag – bilateral Vereinbarung für die Zukunft der EU • **ZHILTSOV S.** Arktischer Vektor der EU-Politik • **ANTOPOLSKI A., EFREMENKO D.** Politische Aspekte der Ausbau der Infrastruktur der digitalen Sozial- und Humanwissenschaften in der EU • **GAVRILUK D.** Besonderheit der Absentismus als Folgen der Vertrauenskrise in Bezug auf politischen Institutionen in der Ukraine • **GRACHEVA M.** Deutsche Import nach der Coronakrise • **KOTOV A.** Aktuelle Herausforderungen für den deutschen Geschäft auf dem russischen Markt • **SOKOLOV A., DAWYDOV A.** Aus der Opposition in der Regierung: politische Dynamik der Freien Demokraten auf dem Bundestagswahl 2021 • **KRIVOLAPOV O.** Einfluss des Raketenabwehrs der NATO auf der europäischen Sicherheit • **LESHENYUK O.** Verstärkung des Systems der regionalen kollektiven Sicherheit im Rahmen von OVKS • **MUDROV S.** Kirche, Staat und Gesellschaft in der Ukraine: drei Jahren nach Tomos • **SCHIMANSKAYA O.** Mary 2.0 Frauenbewegung in der Katholischen Kirche in Deutschland: neue Herausforderung? • **OBICHKINA E.** Erzählung des Russlands: Blick aus der fehlgeschlagenen Zukunft • **EREMIN D.** Institut des Hohen Beauftragten als Herausforderung für Entwicklung der modernen Bosnien und Herzegowina • **FEDOROV S.** Mehr als der „Botschafter in Paris“ (über die Erinnerungen des russischen Botschafters in Frankreich Alexander Orlov) • **TRESHCHENKOV E.** Identität, Vereinigte Staaten und andere Faktoren der Beziehungen zwischen Russland und Europäische Union

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

<i>Greninger T., Washington R.</i> Reinvigorating Cooperative Security in a Polarised World	5
--	---

ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЦЕСС: СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

<i>Бабынина Л.О., Осколков П.В.</i> Североирландский конфликт в контексте брекзита: политические вызовы идентичности	18
--	----

<i>Алексеевкова Е.С., Чихачев А.Ю.</i> Квиринальский трактат – двусторонний договор о будущем ЕС?	33
--	----

<i>Жильцов С.С.</i> Арктический вектор политики ЕС	49
--	----

<i>Антопольский А.Б., Ефременко Д.В.</i> Политические аспекты развития инфраструктуры цифровой социогуманитаристики в ЕС ...	62
---	----

<i>Гаврилюк Д.Ю.</i> Специфика феномена абсентеизма как следствие кризиса доверия к политическим институтам Украины	76
--	----

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

<i>Грачева М.В.</i> Германский импорт после коронавирусного кризиса	92
---	----

<i>Котов А.В.</i> Актуальные вызовы немецкого бизнеса на российском рынке	104
--	-----

ПАРТИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

<i>Соколов А.П., Давыдов А.Д.</i> Из оппозиции в правительство: политическая динамика «свободных демократов» на выборах в Бундестаг 2021 г.	117
--	-----

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

<i>Криволапов О.О.</i> Влияние региональной ПРО НАТО на европейскую безопасность	132
---	-----

<i>Лешенюк О.Н.</i> Укрепление региональной системы коллективной безопасности в рамках ОДКБ	145
--	-----

ОБЩЕСТВО И РЕЛИГИЯ

Мудров С.А. Церковь, государство и общество на Украине: три года после Томоса	157
---	-----

Шиманская О.К. Мария 2.0. феминистское движение в католической церкви Германии: новый вызов?	171
--	-----

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

Обичкина Е.О. Объяснение России: взгляд из несостоявшегося будущего	185
---	-----

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Ерёмин Д.П. Институт Высокого представителя как вызов развитию современной Боснии и Герцеговины	199
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Фёдоров С.М. Больше, чем просто «Посол в Париже» (о воспоминаниях российского посла во Франции Александра Орлова)	210
--	-----

Трещенков Е.Ю. Идентичность, Соединенные Штаты и другие факторы отношений России и Европейского союза	215
---	-----

IN MEMORIAM

Памяти Р.О. Орестова	219
-----------------------------------	-----

*Точка зрения авторов публикуемых материалов
может не совпадать с мнением редколлегии журнала.*

*Подписка на наш журнал производится
в отделениях связи по каталогу “Роспечать”, индекс 79701,
и объединённому каталогу “Пресса России”, индекс 14492,
а также непосредственно в редакции.*

УДК 327

REINVIGORATING COOPERATIVE SECURITY IN A POLARISED WORLD¹

© 2022 **Thomas GREMINGER***

*Ambassador, PhD in History, Economics and Political Science, Director,
Director's Office, Geneva Centre for Security Policy.
Chemin Eugene-Rigot 2D, 1211 Geneva.*

***E-mail:** t.greminger@gcsp.ch

© 2022 **Rose WASHINGTON****

*MA in Governance, Development and Public Policy; BA in Political Science with minor
in Psychology, Project Officer, Director's Office, Geneva Centre for Security Policy.
Chemin Eugene-Rigot 2D, 1211 Geneva.*

****E-mail:** r.washington@gcsp.ch

Поступила в редакцию 22.02.2022

После доработки 28.02.2022

Принята к публикации 15.03.2022

Abstract: European security is at a critical juncture that could spin into conflict if left unattended. Deteriorating levels of mutual trust, eroding arms control frameworks, belligerent rhetoric, heightened transnational threats, and the danger of accidents and incidents are shaping our current polarised environment. While today's security threats urgently call for collaborative solutions, multilateral initiatives are increasingly questioned and weakened. As a result, Europe is captured in a gridlock that can only be resolved through dialogue, reengaging, and reforming multilateral institutions. Therefore, this paper aims to critically assess Europe's current security environment

¹ Статья бывшего генерального секретаря Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе Томаса Гремингера, директора Женевского центра политики безопасности (GCSP), и Роуз Вашингтон (GCSP) посвящена проблеме обеспечения кооперативной безопасности в Европе в связи с растущими транснациональными рисками, конфликтами и деградацией системы контроля над вооружениями. Особое внимание уделено роли ОБСЕ в этом процессе. Статья была подготовлена в начале 2022 г., однако её концептуальные положения сохраняют свою актуальность и могут быть востребованы в обозримом будущем. (Прим. ред.) [The article by former Secretary General of the Organization for Security and Cooperation in Europe Thomas Greminger, Director of the Geneva Center for Security Policy (GCSP), and Rose Washington (GCSP) explores the problem of cooperative security in Europe in the light of growing transnational risks, conflicts and the degradation of the arms control system. Particular attention is paid to the role of the OSCE. Although the article was prepared at the beginning of 2022, its conceptual provisions remain relevant and might be in demand in the foreseeable future. (Editorial note)]

and propose effective pathways to mitigate risks and restore peace. Against this background, the authors argue that cooperative security is Europe's best option to sustainably counter the ever-growing security threats and prevent devastating conflicts or unintended escalation between states. From this perspective, this article stresses the need to identify common interests and challenges and anchor European security in jointly agreed principles to maintain and sustain peace in Europe. In this vein, it highlights the vital importance of a mutual understanding of fundamental security principles, as the current standoff between Russia and the West around Ukraine exemplifies. Beyond, it gives momentum to the renewal of cooperative security in the run-up to the 50th anniversary of the Helsinki Final Act in 2025.

Key words: Cooperative security, multilateralism, OSCE, European security, transnational security threats, Helsinki Final Act.

DOI: 10.31857/S0201708322030019

EDN: GEQJJG

Introduction

Cooperative security is a timely endeavour given the growing polarisation between the key Euro-Atlantic and Eurasian security players, the disarray of arms control regimes, and the increasing risk of military incidents. Moreover, low levels of trust and the crisis of multilateral institutions are amplifying Europe's fragile security climate.

On the one hand, an erosion of the complex network of arms control mechanisms undermines global security. To exemplify, this includes the end of the Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty (INF), the non-implementation of the Conventional Arms Control Treaty in Europe (CFE), the withdrawal of the USA and Russia from the Open Skies Agreement, and the blocked revision of the Vienna Document¹ (VD). The INF treaty legally bound the U.S. and USSR to eliminate and abandon ground-launched intermediate ballistic and cruise missiles ranging between 500 and 5500 km [Immenkamp, 2019]. With the end of the INF agreement, Europe's security backbone is destabilising. In addition, the CFE, the Open Skies Agreement², and the VD constitute Europe's overarching arms control framework. The CFE establishes an equilibrium of conventional forces; the Open Skies Treaty provides transparency mechanisms via aerial monitoring; and the VD manifests military confidence and security-building measures (CSBM) [Schmitt, 2018]. More optimistically, the United States and Russia agreed in February 2021 to extend the New Strategic Arms Reduction Treaty (New START) by five years. Despite this, the system that has provided us with relative peace and stability in Europe for the last three decades is eroding.

On the other hand, low levels of trust and an increased risk of accidents and incidents jeopardise international security. Incidents at sea, in the air, or on land could lead

¹ Vienna Document 2011 on Confidence- and Security-Building Measures. Organization for Security and Co-operation in Europe. 30.11.2011. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/a/4/86597.pdf>. (дата обращения: 09.02.2022)

² Treaty on Open Skies. Organization for Security and Co-operation in Europe. 24.03.1992. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/1/5/14127.pdf>. (дата обращения: 09.02.2022)

to unintended escalations. Charap's research [Charap, 2020] highlights potential conflict drivers, revealing that such ambiguous incidents can cause friction and escalation. Especially in times of heightened tension, information on intention is unclear due to insufficient communication channels between key actors. Jervis' ground-breaking research [Jervis, 1976] emphasises the critical role of decision-makers' perceptions and misperceptions in international relations. Specifically, he highlights that the roots of many conflicts lie in the actors' diverging perceptions. Particularly in polarised or hostile environments, incidents are more likely to escalate in the absence of trust and dialogues between actors. As Jervis underlines [Jervis, 1976: 321], humankind is hesitant to believe that actions impacting them in a fast sequence could have occurred by chance. In this view, he states, «when two events are appropriately coincidental in time, space and sequence, an unavoidable and indivisible experience of causality occurs». In other words, security actors are more likely to perceive an incident or accident as planned instead of coincidental. This effect is reinforced if the involved parties are in conflict due to the limited information exchange. The fog of war is made thicker due to fake news and intentional misinformation. Because of perceived threat or insecurity, one side will seek to strengthen its security. This triggers a similar response by the other side, leading to a potentially dangerous tit-for-tat escalation. Therefore, it is imperative to de-escalate and de-militarise the situation, open communication channels, and put in place measures to increase confidence and predictability.

In a globalised world, nearly all security threats are transnational. Individual states can no longer contain these threats independently; a multilateral approach is essential. Examples include efforts to combat terrorism and violent extremism, state and non-state threats in cyberspace, human trafficking, weapons, or technological changes (particularly Artificial Intelligence). Simultaneously, rapid technological advances in security bring along opportunities and risks as benevolent and malicious actors instrumentalise new and powerful tools. Rickli and Krieg [Krieg, Rickli, 2019] highlight the rise of *surrogate warfare*, characterising inter-state conflicts in the 21st century. The authors portray this phenomenon as the actors' partial or complete delegation of warfare's strategic, operational or tactical elements to human or technological substitutes aiming to minimise costs. These involve the usage of armed drones, private sector actors and cyber propaganda, among others. While surrogate warfare might facilitate the state's security provision in transnational conflicts, it can significantly contribute to the unpredictability, obscurity, uncontrollability, and spread of conflict [Krieg, Rickli, 2019]. Considering the obfuscated conflict actors, the high complexity and uncertainty can further mistrust between states and increase security risks. The OSCE's participating states designed 16 confidence-building measures (CBM) to address cyber security challenges and prevent interstate cyber incidents through unintended escalation¹. Hence, close collaboration between states and other relevant stakeholders is critical.

Consequently, this presents us with the paradoxical situation in which security actors contest multilateral cooperation and spaces for dialogues are shrinking while the im-

¹ Council Decision No. 1202. Organization for Security and Co-operation in Europe. 10.03.2016. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/d/a/227281.pdf>. (дата обращения: 09.01.2022)

portance of collaboration and exchange is dramatically increasing. The OSCE resembles this paradox as the confrontational climate and heightened security challenges amplify the organisations' significant relevance [Tiilikainen, OSCE Network, 2015], albeit faced with critical voices and a lack of trust [Kortunov, 2021]. Simultaneously, polarisation constraints possibilities of exploring solutions as stakeholders mainly use dialogue platforms for public diplomacy. A lack of personal contacts exacerbated this as a result of COVID-19. Subsequently, public policy and issuing harsh statements online replaced discreet dialogues and quiet diplomacy [Greminger *et al.*, 2021]. Moreover, due to a lack of high-level political engagement, excessive attention is paid to business processes such as conference agendas, budgets, or personnel instead of addressing Europe's fundamental security challenges resulting in important dysfunctionalities of the organisation [Greminger *et al.*, 2021; Greminger, 2022].

With the COVID-19 pandemic, humankind has experienced how rapidly basic assumptions can change. In this context, preparing for potentially transformative events such as cyber-attacks (and blackouts), manufactured or natural disasters, space incidents, and conflicts is pivotal. Global cooperation is needed to tackle these modern security challenges which transcend borders. Given their complex and transnational nature, even the most powerful states cannot address these issues independently. As UN Secretary-General [UN Secretary-General, 2004:11] accentuated at the U.N. High-Level Panel on Threats, Challenges, and Change, today's threats recognise no national boundaries, are connected, and must be addressed at the global and regional as well as the national levels. No state, no matter how powerful, can by its own efforts alone make itself invulnerable to today's threats.

The COVID-19 crisis also demonstrates the importance of information-sharing and collaboration against common threats [Sachs, 2020]. Conversely, it also revealed the proliferation of fake news and its weaponisation, underlining the need for accurate information, evidence-based policy and effective communication campaigns [Greminger *et al.*, 2021].

While today's security risks urgently call for collaborative solutions, multilateral initiatives are increasingly questioned and weakened. States tend to seek national solutions due to a lack of trust in other states or inter-governmental organisations. As a result, Europe is captured in an impasse that can only be resolved through dialogue, reengaging, and reforming multilateral institutions. This paper aims to critically assess Europe's current security environment and propose effective pathways to mitigate risks and restore peace. Against this background, cooperative security is Europe's best option to sustainably counter the ever-growing security threats and prevent devastating conflicts or unintended escalation between states. This article forms seven chapters, unpacking the complex security landscape and the underlying mechanisms sustaining this argument. Chapter two begins by exploring the roots of the current security conditions and laying out the theoretical dimensions of this research. Chapter three sheds light on cooperative security as the proposed solution to conflict prevention. Chapters four and five then look at multilateralism and ways of renewing cooperative security in the face of the prevalent challenges. Chapter six provides directions and potential future pathways. Lastly, chapter seven concludes with a summary of the main findings and recommendations.

Need for dialogue

The contemporary polarised and complex security environment brings with it the need for dialogue to manage risks and cooperatively tackle common problems. Admittedly, this might seem self-evident, but relationships between Russia and the West have been at a low ebb for almost a decade, suggesting even dialogue is a delicate endeavour. However, it is crucial to foster dialogue with both proponents and opponents to prevent conflicts and address common challenges. In this fragile environment, identifying converging interests between different stakeholders and building areas of collaboration that enable effectively addressing global security challenges becomes essential. For instance, exploring what Friedrich Ebert Stiftung calls (FES) *Islands of Cooperation* [FLEET, 2018] or what the EU has referred to in the past as *Areas of Selective Engagement* [Fischer, Timofeev, 2018]. One example of possible fora for engagement is the Structured Dialogue in the context of the OSCE. Established in December 2016 at OSCE's Ministerial Council in Hamburg, this platform aspires to stimulate discussions on restoring arms control and enhancing CSBMs¹. It became a crucial space for information flow on perceived risks, military capacity, and de-escalation measures. Despite its vital role in fostering dialogue, lacking political attention led to the state's negligence thereof. Accordingly, revitalising safe spaces for structured dialogue is central to conflict prevention.

The process of constructive engagement itself can build confidence, overcome fears, and build trust. When explaining why misperceptions are more likely to occur between conflicting parties, Jervis [Jervis, 1976: 329] stresses that «(...) actors who are cooperating usually have detailed information about each other, and the greater the information, the greater the differentiation and diversity that will be perceived». Using a systematic game approach to analyse trust in international relations, Kydd [Kydd, 2005] observes that «distrust can be self-perpetuating». Equally, he also notes that cooperative gestures that stimulate chains of mutually beneficial behaviour can gradually strengthen trust. Cooperation can lead to reassurance² and establishing trust [Kydd, 2005]. Analysing the psychological mechanisms under threat conditions and the Cold War, Osgood [Osgood, 1962] identified the roots of the arms race between the United States and the Soviet Union in mutual mistrust. He proposed the Gradual Reciprocation in Tension-reduction (GRIT) strategy to overcome this gridlock. The GRIT approach suggests a series of unilateral cooperative initiatives created to enhance the opponent's security without undermining one's own. Doing so aims to inform the adversary's perceptions and build levels of trust. Yet, the hardest part is often to take the first step: in a tense environment where both sides post aggressively, conciliatory gestures can be interpreted as weakness. Alt-

¹ From Lisbon to Hamburg: Declaration on the Twentieth Anniversary of the OSCE Framework for Arms Control. Organization for Security and Co-operation in Europe. 9.12.2016. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/3/e/289496.pdf>. (дата обращения: 09.01.2022)

² Kydd explains that «reassurance can be defined as the process of building trust. It involves convincing the other side that you prefer to reciprocate cooperation, so that it is safe for them to cooperate» [Kydd, 2005: 184].

though dialogues are crucial, verbal reassurance does not suffice to build trust. Instead, they need to be accompanied by costly signals testifying efforts of trustworthy reciprocal cooperation [Kydd, 2005]. Hence, dialogue is essential but must be followed by credible and reciprocal actions.

Cooperative Security

During crises, the conventional state strategy is to harden its security measures and strengthen its defences. However, while the logic is to enhance one's security, such action may increase tensions since the other side feels threatened and bolsters its position accordingly. Therefore, the challenge is to enhance one's security, but in a way that does not jeopardise the security of other states. That is the essence of cooperative security.

Grounded on the empirical findings above, cooperative security is an effective alternative to an escalating series of incrementally precarious tit-for-tat reprisals. Exiting this impasse requires Europe to re-centre its security policy around cooperative security. In contrast to defensive security mechanisms, cooperative security seeks collaborative solutions. Grounded on the premise that complex security issues require «security *with* each other, rather than *from* each other» [Vetschera, 2007: 39], cooperative security aims to enhance bilateral and multilateral inter-state relations. In essence, it fosters consultation in place of confrontation, reassurance as opposed to deterrence, transparency instead of secrecy, and prevention in lieu of coercion. The Schuman Declaration of 1950 exemplifies a case of cooperative security. French foreign minister Robert Schuman put forward the creation of a European Coal and Steel Community on 9 May 1950. Eager to prevent another world war, Schuman [Schuman, 2010: 147] concluded, «the solidarity in production thus established will make it plain that any war between France and Germany becomes not merely unthinkable, but materially impossible». Despite complex relations within the EU, 70 years of peace between its member states [Biti, Leerssen, Liska, 2021; Wallensteen, 2021] testify to the preventive power of multilateral collaboration.

Indeed, the more interconnected the world becomes, the more we realise that our security is indivisible. Humankind depends on each other for energy, trade, information technology, regulating flows of people, money and illicit goods. Collaboration is crucial to managing threats and challenges that know no borders, like pandemics, climate change, and terrorism. The European Union illustrates that cooperation is possible. However, Europe exceeds the European Union's borders, including the Balkans, the Caucasus, Turkey, and Russia. So, the question might arise: How can so many countries with diverging perspectives and national interests collaborate? As illuminated in the previous chapter, dialogue and exchange can enhance trust and cooperation between actors. Nevertheless, for this process to unfold, a joint interest in security combined with commonly defined and agreed rules and principles must govern the relations to establish fairness and predictability [Greminger *et al.*, 2021]. Cooperative security is about conceptualising security together. On these grounds, it encourages states to jointly identify and prevent threats rather than counter them through deterrence or force. Cooperative security presents an inclusive approach to building consensus while respecting the principle of sovereign equality.

While cooperative security may be needed more than ever to reduce tensions in a Europe that looks closer to war than at any time since the Second World War and to get states to work together on a broad set of interconnected and complex challenges that defy borders, how can it be achieved in practice?

Cooperative security can foster dialogue and collaboration among diverse security actors with diverging agendas. As OSCE's Secretary-General, searching for consensus among its members inherently surfaced difficulties and underlined that shaping cooperative security extensively relies on dialogue. As outlined above, dialogue is imperative for conflict prevention precisely under diverging positions. It enables security actors to identify red lines, maintain communication channels, and increase transparency in relations. Though this logical inference may seem too simplistic, it is also worth recalling NATO's Harmel doctrine from the late 1960s based on the pillars of *deterrence* and *détente* during the Cold War ushering the Conference on Security and Co-Operation in Europe's (CSCE) Helsinki process. More recent efforts from think tanks further illuminate the path towards cooperation by providing expertise and uncovering public perceptions on European security issues. To illustrate, the Cooperative Security Initiative (CSI), constituted by 18 experts from OSCE regions, aims to foster cooperation and cultivate new ideas to reinforce multilateralism through the OSCE in Europe¹. In pursuance of a safer Europe, the CSI stimulates discussion and action to mitigate security risks and increase multilateral cooperation. Hence, cooperative security allows for consensus-building despite hardened relations.

Furthermore, cooperative security facilitates actions based on jointly defined principles and rules. For instance, as tensions were rising in Ukraine in early 2014, one of the authors (T. Greminger) acted as chair of OSCE's Permanent Council in Vienna. Despite major divisions between OSCE's participating countries Russia, Ukraine, the EU, and the US, the stakeholders reached a consensus on de-escalation measures and deploying an OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine (SMM)². After almost three weeks of negotiations with various impasses, all 57 OSCE participating states agreed, by consensus, to create the SMM. The stakeholders' firm political support was instrumental in overcoming negotiation hurdles and producing unanimity. A few weeks after adopting Permanent Council Decision No.1117 to deploy the SMM³, monitoring teams were established in ten locations across Ukraine⁴ [OSCE, 2021]. While initially 100 monitors were installed, the mission continuously expanded, comprising 1,287 mission members

¹ Cooperative Security Initiative. 2022. URL: <https://www.cooperative-security-initiative.org/de/info/>. (дата обращения: 09.02.2022)

² OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine was established in 2014. On 7th of March 2022 SMM completed evacuation of international staff from the area of operations in Ukraine, DPR and LPR. SMM mandate expired on March 31, 2022. (*Editorial note*)

³ Decision No. 1117 Deployment of an OSCE Monitoring Mission to Ukraine. Organization for Security and Co-operation in Europe. 21.03.2014. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/d/6/116747.pdf>. (дата обращения: 10.01.2022)

⁴ Initially, first monitoring teams were in Chernivtsi, Dnipropetrovsk (renamed Dnipro in May 2016), Donetsk, Ivano-Frankivsk, Kharkiv, Kherson, Kyiv, Lviv, Luhansk and Odesa along with SMM's headquarters in Kyiv.

from 47 OSCE states as of 10 January 2022 [OSCE, 2022]. Since SMM's deployment, the international community mission has kept the mission under scrutiny to appease the tensions. Thus, affirming that action under adverse conditions is possible with cooperative security.

Reengaging and reforming multilateral institutions

As Secretary-General of the OSCE, one of the authors (T. Greminger) has witnessed first-hand how the politicisation of administrative issues, the pursuit of narrow agendas to the detriment of consensus, and public policy in place of quiet diplomacy [Kemp, Ignatieff, 2001], can lead to gridlock. As a result, the room for manoeuvre of multilateral institutions is further restrained, which causes national decision-makers to either neglect or ignore these bodies.

Numerous scholars have examined the reasons behind the crisis of multilateralism [Brunnée, 2018; Greminger *et al.*, 2021; Lavallée, 2021; Meyer, Sales Marques, Telò, 2021; Szpak, 2021]. Most researchers provide an endogenous explanation of its crisis, identifying its roots in a lack of legitimacy [Soares de Lima, Albuquerque, 2020; Zürn in Meyer, Sales Marques, Telò, 2021]. Another strand of literature emphasises exogenous explanatory factors contributing to multilateral institutions' decay. According to this line of argumentation, rising regional and global actors (such as Russia and China) are challenging multilateral institutions' composition, while their rising influence is pushing the international order toward *multipolarity* [Grant, 2012].

More recent attention has focused on their critical role in addressing the global COVID-19 pandemic [Cameron, 2020; Sachs, 2020; Carayannis, Weiss, 2021; Hösli *et al.*, 2021]. Cameron [Cameron, 2020] underlines the importance of the EU and Asia to collaboratively consolidate and strengthen multilateral institutions in light of the absent U.S. leadership in mitigating this crisis. The author particularly highlights that economic recovery strongly depends on a cooperative strategy. In the same vein, according to Sachs [Sachs, 2020], an effective multilateral system should replace unilateral leadership as only inter-state collaboration would allow us to combat the pandemic. Sachs [Sachs, 2020: 5] urges that «defending, protecting, preserving, and supporting the multilateral system should be imperative of our times». Hence, reforming multilateral organisations and reengaging their member states is decisive in breaking the vicious cycle and enhancing its capacity to address global security needs.

Linking bilateral and multilateral processes

While effective multilateralism is essential to deal with emerging threats and challenges, it will take time to restore confidence in the ability of inter-governmental organisations to cope with these threats and challenges. There are also a wider range of actors – beyond regional or international organisations – that can play a role in enhancing peace and security, including the private sector, civil society, think tanks and scientists.

The challenge will be to hold dialogues at different levels while eventually channeling them into a common direction. For example, in light of the crisis between Russia

and the West, bilateral conversations between Washington and Moscow in the Strategic Stability Dialogue are crucial. Western European countries also have a stake in the process, which requires engagement between Russia, the EU, and NATO. However, these organisations do not include countries in wider Europe, such as the Western Balkans, South Caucasus, Central Asia, Belarus, Moldova and Ukraine. In this context, the OSCE, with its inclusive membership and comprehensive approach to security, plays a key role. Smaller negotiating formats, like the Normandy Four (comprising France, Germany, the Russian Federation and Ukraine), can also be critical in offering political impulses. However, despite the variety of platforms, it is often argued that the time is not ripe for dialogue. My first response would be: what are we waiting for, war? Suppose a more cooperative approach to security is impossible within these frameworks; a track two approach could allow to explore possibilities, make proposals, sketch out a process design, and identify common interests. This was the logic behind the CSI and reflects the Geneva Centre for Security Policy's (GCSP) efforts to continue encouraging the formulation of a cooperative security agenda.

The way forward

Grounded on these empirical findings, it is recommended to design a process to foster dialogue on European security considering the current polarised environment.

Such a process could revitalise the dialogue platform for cooperative security par excellence, the OSCE. As previously highlighted, we need to strengthen the instruments at our disposal and promote multilateral fora facing a crisis of confidence ¹. Against this background, ensuring that the OSCE can act effectively again should be at the heart of this process. While this may seem straightforward, it inevitably requires the participating states' political will. Therefore, OSCE's member states should rally behind a plan focusing on capacitating the organisation and implementing institutional reforms to enhance its effectiveness. Effective change can be accelerated in close collaboration with the chairpersonship and the secretariat by centring on previously identified reform priorities and recommendations [see e.g., Greminger, 2022]. For instance, furthering the implementation of the *Fit4Purpose* reform agenda introduced during my tenure as OSCE's Secretary-General could be an initial step to increase the organisation's efficiency and efficacy. OSCE's current Secretary-General Helga Schmid also put this idea at the forefront by confirming her commitment to reform the management structure and building on some of the reforms one of the authors (T. Greminger) suggested during his tenure². In this spirit, a group of exceptionally committed participating states could drive the ef-

¹ Ambassador Thomas Greminger says, "The presentation of the new OSCE is a strong signal". Federal Department of Foreign Affairs. 31.01.2022. URL: <https://www.eda.admin.ch/eda/de/home/das-eda/aktuell/newsuebersicht/2022/01/aktionsplan-osze-2025.html>. (дата обращения: 14.01.2022)

² Helga Schmid states "I want to create informal channels of dialogue". Security and Human Rights Monitor. 26.10.2021. URL: <https://www.shrmonitor.org/i-want-to-create-informal-channels-of-dialogue/>. (дата обращения: 30.01.2022)

forts of enhancing the OSCE's European security contribution. In its action plan 2022–2025, Switzerland has made a solid commitment to revitalising the OSCE by strengthening its capacity to act [FDFA, 2022]. Now more than ever, the commitment of OSCE's participating states is required to strengthen the most inclusive platform for co-operative security.

In a second phase, such dialogue could tackle the fundamental issue of cooperative security: creating a shared understanding of what the Helsinki principles mean in the 21st century. In the *spirit of Helsinki*, various European security actors recognise the importance of reviving the ten principles, concluded in Helsinki on 1 August 1975 by High Representatives of the CSCE's participating states¹. From CSCE's 35 participating states to the evolvement into the OSCE with 57 member states, the Helsinki Final Act remains a core foundation of the organisation fostering peaceful relations among its member states and sustaining European security. The run-up to the 50th anniversary of the Helsinki Final Act in 2025 provides a unique opportunity to strengthen the OSCE and implement the Helsinki principles. As the president of the Republic of Finland Sauli Niinistö² succinctly puts it, «The core components of the original Helsinki spirit are equally topical as they were in 1975: a willingness of adversaries and competitors to engage in dialogue despite their differences; a broad and cooperative concept of security, one that includes the human dimension and the interest of individual freedoms and rights, democracy, and the rule of law; and a commitment to arms control, transparency, and confidence-building. All of these elements are in great demand in the present».

The current standoff between Russia and the West around Ukraine illustrates the relevance of achieving a common interpretation of fundamental security principles. At the core of the crisis lies the need to reconcile two fundamental principles of European security reaffirmed by the Charter for European Security adopted by the Istanbul Summit³ and the Astana Commemorative Declaration of 2010⁴: *equal security* and *indivisible security*, i.e. each state has the right to freely choose its security arrangements including its alliances, but at the same time faces the obligation not to expand its own security to the detriment of another state. Applying these principles to those states situated in-between the Russian Federation and the OSCE as, for instance, Ukraine, Georgia, Moldova or Armenia, represents a serious dilemma that can only be resolved by dialogue and diplomacy. The current lack of a unanimous interpretation around these principles plays out in the political arena, threatening European security. Therefore, it becomes evident that a

¹ Helsinki Final Act 1975. Organization for Security and Co-operation in Europe. 01.08.1975. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/5/c/39501.pdf>. (дата обращения: 9.02.2022)

² Sauli Niinistö highlights “It’s Time to Revive the Helsinki Spirit”, Foreign Policy. 8.07.2021. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/07/08/its-time-to-revive-the-helsinki-spirit/>. (дата обращения: 30.01.2022)

³ Istanbul Charter for European Security 1999. Organization for Security and Co-operation in Europe. 19.11.1999. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/6/5/39569.pdf>. (дата обращения: 18.02.2022)

⁴ Astana Commemorative Declaration Towards a Security Community. Astana Commemorative Declaration of 2010. 3.12.2010. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/b/6/74985.pdf>. (дата обращения: 21.02.2022)

shared understanding of the Helsinki principles among security actors is indispensable in maintaining peace.

In practical terms, the OSCE could serve as a platform to resume dialogue among like-minded and non-like-minded members and jointly re-interpret the Helsinki principles in the current security context. In addition, the GCSP launched a track 1.5 diplomatic dialogue process to bring together experts from the OSCE area and wider Europe to foster trust and explore joint venues towards global security. Therefore, non-governmental organisations such as the GCSP can constitute safe spaces where fresh ideas and constructive approaches are born to rebuild trust and revive the *spirit of Helsinki*. An active civil society engagement in shaping and driving momentum towards the Helsinki Final Act's 50th Anniversary should be at the core of this process.

Conclusion

This article highlighted the need to revitalise cooperative security due to the increasing transnational risks, incidents, and deteriorating arms control systems. Global threats such as the COVID-19 pandemic, climate change, cyber threats, human trafficking, and irregular migration exceed national borders and require cross-border solutions. Augmenting incidents and accidents at sea, in the air, or on land accelerate the risk of unintended escalation. Arms control systems have dissolved, including the INF, CFE, and the Open Skies Agreement, previously safeguarding international security. At the same time, we are currently faced with a paradox, resulting in gridlock. While the alarming security situation urgently calls for global cooperation, multilateral institutions are increasingly being challenged and weakened. In other words, we are at a critical juncture in European security. Therefore, re-establishing cooperative security to restore European security is an urgent endeavour.

Grounded on Jervis' theoretical findings [Jervis, 1976], this article emphasised the vital importance of fostering dialogue in the contemporary heightened security environment to rebuild trust and mitigate risks. Against this background, this paper argued that cooperative security could pave the way towards enhanced mutual trust and European security despite these adverse circumstances. In essence, three fundamental characteristics of cooperative security sustain this argument: (1) it is inclusive while respecting sovereign equality; (2) it allows for consensus-building despite hardened relations; (3) it can produce action beyond dialogue. Considering that cooperative security can alleviate the current gridlock, reviving the OSCE as an inclusive platform is crucial. To do so, this paper recommended capacitating the organisation by implementing proposed reforms. As a second step, jointly re-interpreting and reviving the Helsinki principles in light of the 50th anniversary of the Helsinki Final Act in 2025 could foster relations and mutual trust while contributing to a safer future for Europe and its neighbours. Fifty years ago, 35 states signed the Helsinki Final Act contributing to the end of the Cold War and ushering the CSCE under threatening security conditions. In the wake of its anniversary, it now lies in our hands to jointly revive its principles and shape a more cooperative and secure Europe.

REFERENCES

- Biti V., Leerssen J. and Liska V. (2021) *The Idea of Europe: The Clash of Projections*. BRILL. doi:10.1163/9789004449442.
- Brunnée J. (2018) 'Multilateralism in Crisis', *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*, 112, pp. 335–339. doi:10.1017/amp.2019.35.
- Cameron F. (2020) 'EU-Asia should defend multilateralism', *Asia Europe Journal*, 18(2), pp. 217–221. doi:10.1007/s10308-020-00574-3.
- Carayannis T., Weiss T.G. (2021) 'The "Third" UN: Imagining Post-COVID-19 Multilateralism', *Global Policy*, 12(1), pp. 5–14. doi:10.1111/1758-5899.12919.
- Charap S. (2020) *A new approach to conventional arms control in Europe: addressing the security challenges of the 21st century*. Santa Monica: Rand Corporation.
- FDFA (2022) 'OSCE Action Plan 2022–2025'. Schweizerische Eidgenossenschaft, Federal Department of Foreign Affairs (FDFA). URL: https://www.eda.admin.ch/dam/eda/en/documents/aussenpolitik/internationale-organisationen/aktionsplan-osze-2022-2025_en.pdf (accessed: 14 January 2022).
- Fischer S., Timofeev I. (2018) *Selective Engagement between the EU and Russia*. Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам».
- FLEET (2018) *Islands of cooperation*. Vienna. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/wien/14228.pdf> (accessed: 3 January 2022).
- Grant C. (2012) *Russia, China and global governance*. London: Centre for European Reform.
- Greminger T. et al. (2021) *Multilateralism in Transition: Challenges and Opportunities for the OSCE* [application/pdf]. ETH Zurich, p. 96 p. doi:10.3929/ETHZ-B-000489477.
- Greminger T. (2022) 'Making the OSCE More Effective: Practical Recommendations from a Former Secretary General', in Institute for Peace Research and Security Policy at the University of Hamburg (ed.) *OSCE Insights 2021*. Nomos Verlagsgesellschaft mbH & Co. KG, pp. 1–13. doi:10.5771/9783748911456-01.
- Hösli M. et al. (eds) (2021) *The future of multilateralism: global cooperation and international organizations*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Immenkamp B. (2019) 'The end of the INF Treaty? A pillar of European security architecture at risk'. European Parliament. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633175/EPRS_BRI\(2019\)633175_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/633175/EPRS_BRI(2019)633175_EN.pdf) (accessed: 10 January 2022).
- Jervis R. (1976) *Perception and misperception in international politics*. Princeton, N.J: Princeton University Press.
- Kemp W.A., Ignatieff M. (eds) (2001) *Quiet diplomacy in action: the OSCE High Commissioner on National Minorities*. The Hague: Kluwer Law International.
- Kortunov A. (2021) 'To Stay or Not to Stay? Seven Concerns Russia Has about the OSCE', *Russian International Affairs Council*, 17 May. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/to-stay-or-not-to-stay-seven-concerns-russia-has-about-the-osce/> (accessed: 9 January 2022).
- Krieg A., Rickli J.-M. (2019) *Surrogate warfare: the transformation of war in the twenty-first century*. Washington, DC: Georgetown University Press.

Kydd A.H. (2005) *Trust and mistrust in international relations*. Princeton, N.J: Princeton University Press.

Lavallée C. (2021) 'The European Union's two-fold multilateralism in crisis mode: Towards a global response to COVID-19', *International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis*, 76(1), pp. 17–29. doi:10.1177/0020702020987858.

Meyer T., Sales Marques J.L. de and Telò M. (eds) (2021) *Towards a new multilateralism: cultural divergence and political convergence?* Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge.

OSCE (2021) 'A Peaceful Presence - The First Five Years of the OSCE Special Monitoring Mission to Ukraine'. Organization for Security and Co-operation in Europe. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/4/6/491220_0.pdf. (accessed: 30 January 2022).

OSCE (2022) *Status Report as of 10 January 2022*. Organization for Security and Co-operation in Europe. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/0/1/510458.pdf> (accessed: 30 January 2022).

Osgood C.E. (1962) *An alternative to war or surrender*. Oxford, England: Univer. Illinois Press (An alternative to war or surrender.), p. 183.

Sachs J.D. (2020) 'COVID-19 and Multilateralism', *Horizons: Journal of International Relations and Sustainable Development*, (16), pp. 30–39.

Schuman R., Giuliani J.-D. (2010) *Pour l'Europe*. 5e éd. Paris Chêne-Bourg: Fondation Robert Schuman les Éd. Nagel (Écrits politiques).

Soares de Lima M.R. and Albuquerque M. (2020) *Global Reorganization and the Crisis of Multilateralism*. Policy Paper 3/5. Rio de Janeiro: Brazilian Center for International Relations and Konrad Adenauer Stiftung. URL: <https://www.cebri.org/en/doc/113/global-reorganization-and-the-crisis-of-multilateralism> (accessed: 7 January 2022).

Szpak A. (2021) 'Crisis of Multilateralism and Cities' Helping Hand', *New Global Studies*, 0(0). doi:10.1515/ngs-2021-0029.

Tiilikainen T. and OSCE Network (eds) (2015) *Reviving co-operative security in Europe through the OSCE*. Helsinki: The Finnish Institute of International Affairs.

UN Secretary-General (2004) *The Secretary-General's High-level Panel Report on Threats, Challenges and Change, A more secure world: our shared responsibility*. A/59/565. New York: United Nations General Assembly.

Vetschera H. (2007) 'Cooperative Security - the Concept and its Application in South Eastern Europe', in *Approaching or Avoiding Cooperative Security? The Western Balkans in the Aftermath of the Kosovo Settlement Proposal and the Riga Summit*. Study Group Information – Austrian National Defence Academy in co-operation with the PfP Consortium of Defense Academies and Security Studies Institutes, p. 170.

Wallensteen P. (2021) 'Conditions for Quality Peace: A Regional Approach', in Wallensteen, P., *Peter Wallensteen: A Pioneer in Making Peace Researchable*. Cham: Springer International Publishing (Pioneers in Arts, Humanities, Science, Engineering, Practice), pp. 437–462. doi:10.1007/978-3-030-62848-2_22.

УДК: 321.8; 327.7

СЕВЕРОИРЛАНДСКИЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ БРЕКЗИТА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

© 2022 **БАБЫНИНА Людмила Олеговна***

Кандидат политических наук

Отдел исследований европейской интеграции

Институт Европы РАН, 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.

***E-mail:** *lbabyнина@yandex.ru*

© 2022 **ОСКОЛКОВ Петр Викторович****

Кандидат политических наук

Отдел исследований европейской интеграции

Центр этнополитических исследований

Институт Европы РАН, 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.

****E-mail:** *petroskolkov@yandex.ru*

Поступила в редакцию 09.02.2022

После доработки 11.03.2022

Принята к публикации 15.03.2022

Аннотация. В статье рассматриваются последствия выхода Соединённого Королевства из Евросоюза в отношении статуса Северной Ирландии и межобщинных отношений в регионе. Проведя анализ природы конфликта, авторы пришли к выводу, что в нём доминируют не этнические или конфессиональные, а политические аспекты. Значительную роль в сложном процессе мирного урегулирования сыграл Евросоюз, при этом на практике были реализованы правила европеизации, поскольку Соединенное Королевство и Республика Ирландия находились в ЕС, его Едином рынке и Таможенном союзе, и принципы многоуровневого управления, фактически предусмотренные в Белфастском соглашении. В итоге брекзит привёл к нарушению сформировавшегося после Соглашения Страстной пятницы хрупкого консенсуса и вновь поставил на повестку дня вопрос объединения острова под республиканским знаменем. Достигнутое соглашение между ЕС и Соединенным Королевством обеспечивает отсутствие видимой границы на острове Ирландия, что работает в пользу ирландской/республиканской общины,

но отделяет в регуляторном плане регион от остальной части страны. Такое положение дел вызывает недовольство у юнионистов. Исходя из политической природы конфликта, авторы анализируют актуальную динамику межобщинных противоречий в Северной Ирландии и возможности разрешения вызванных брекзитом управленческих противоречий. Учитывая, что отношение как к брекзиту в целом, так и к политическому будущему Ирландии определяется во многом общинной принадлежностью, велики риски дальнейшей дестабилизации обстановки в регионе и увеличения конфликтного потенциала.

Ключевые слова: Северная Ирландия, брекзит, Протокол по Ирландии/Северной Ирландии, Европейский союз, этничность, конфликт в Северной Ирландии, политическая идентичность.

DOI: 10.31857/S0201708322030020

EDN: GERQGA

Проблема «разделённых обществ» традиционно находится в центре внимания политической науки; ещё более она актуализируется в контексте значимых социально-политических и административных перемен. В классической работе, посвящённой определяющим факторам социально-политического развития, С.М. Липсет и С. Роккан выделяют четыре основных разлома (кливажа), структурирующих политическое пространство европейских стран: центр vs. периферия, государство vs. церковь, рабочие vs. собственники, городские vs. сельские территории [Lipset & Rokkan, 1967]. Модель справедливо считается практически универсальной для европейских партийно-политических систем [см.: Мелешкина, 2004]. Тем не менее к указанным линиям разлома в ряде государств и регионов добавляются дополнительные, прежде всего этнические и конфессиональные; какие именно размежевания окажутся наиболее актуальными, зачастую зависит от политической конъюнктуры и управленческого ресурса [Posner, 2016]. Одним из наиболее ярких примеров подобных регионов является Северная Ирландия (СИ), или шесть северных графств Ольстера. После длительной и кровопролитной Смуты проблема мирного урегулирования в СИ казалась решенной после вступления в силу Белфастского соглашения (Соглашение Страстной пятницы). Однако выход Соединенного Королевства из ЕС и предоставление региону особого статуса в рамках страны привели межобщинные противоречия к обострению.

К пониманию природы конфликта в Северной Ирландии

Изучая североирландское общество, исследователь неизбежно сталкивается с тем, что конфликт, уже не одно столетие определяющий социально-политическое развитие Ольстера, чаще всего классифицируется как (меж)этнический [см., к примеру: Coakley, 2003; Byrne & Carter, 1996; Ruane & Todd, 2017]. Однако доминирующие линии раскола в указанном социуме – не этнические *sensu stricto*, в понимании общности происхождения, языка и культуры, а конфессиональные. Основной разлом проходит не между условными ирландцами и англичанами, а между католиками и протестантами (последние, впрочем, тоже неоднородны и включают в себя,

как минимум, англикан и пресвитериан). Этот конфессиональный разлом определяет и линии политического противостояния: основная масса католиков относит себя к «националистам», условно выступающим за политическое воссоединение Северной Ирландии с остальной частью острова (хотя на практике ирредентизм поддерживают не все представители этой группы), и голосует за Социал-демократическую и лейбористскую партию (СДЛП) и Шинн Фейн (ШФ). Напротив, большинство протестантов – «юнионисты» (или «лоялисты»), выступающие за верность британской короне и голосующие за Демократическую юнионистскую партию (ДЮП) и Ольстерскую юнионистскую партию (ОЮП). Именно этническая принадлежность не играет здесь определяющей роли: согласно результатам исследования К. Бирна и И. О’Мэлли, среди сторонников «националистических» партий 17% имеет неирландское (то есть не-гэльское) происхождение. В то же время, примерно 10% сторонников юнионистов как раз относятся к этническим ирландцам [Byrne & O’Malley, 2013: 135]. Согласно переписи населения Северной Ирландии от 2001 г., из 648 103 человек, владеющих ирландским гэльским в регионе, 48 509 не были католиками¹.

Таким образом, этнические (в узком смысле), политические и конфессиональные разломы в Северной Ирландии не создают кластеров, идентичных по своему охвату. Условная североирландская идентичность подразделяется на множество других (суб)идентитарных категорий, формирующих многоуровневую структуру и своеобразные «кластеры статусов». Примечательно, что категория «этничность» в последних переписях населения (2001 и 2011) трактовалась, скорее, как раса: среди предложенных вариантов ответа были «белый», «азиат», «чёрный», но не было вариантов «ирландец» или «англичанин». В то же время, таким категориям, как владение языком, вероисповедание и гражданство, уделялось должное внимание. Из этих наблюдений можно сделать вывод, что этническая принадлежность для Северной Ирландии значения не имеет. Здесь мы сталкиваемся с этнизацией конфессиональной принадлежности, воспринимаемой большинством исследователей североирландской проблематики как что-то само собой разумеющееся. Так, П. Догерти и М. Пул пишут: «Несомненно, что две основные группы в Северной Ирландии – это католики и протестанты, этнические по своей сути, но определяемые конфессионально» [Doherty & Pool, 2002: 80]. Подобная этнизация религии началась ещё с XVII в. во время «Плантации Ольстера», то есть организованного заселения ольстерских графств выходцами из Англии и Шотландии. Именно тогда конфессиональная принадлежность стала определять род занятий, доступ к образованию, социальное положение и, в конечном счёте, ассоциироваться с определённой этничностью².

¹ См.: Northern Ireland Statistics and Research Agency. URL: <https://www.nisra.gov.uk/publications/2001-census-key-statistics> (дата обращения: 04.03.2022). К сожалению, подобных данных, сочетающих конфессиональную принадлежность и владение языком, в более поздних переписях авторам обнаружить не удалось.

² Сходные ситуации наблюдаются в Руанде (где этническая принадлежность тутси и хуту была косвенно увязана с социальным положением) и в ряде государств бывшей Югославии (где этнизировалась конфессиональная принадлежность); как мы видим, в Ольстере этнизационные тенденции затронули и то, и другое. Примечательно, что во всех упомянутых случаях этнизация послужила одним из факторов эскалации вооружённого насилия.

Может показаться, что мы отождествляем этничность сугубо с языковой и культурной принадлежностью. Действительно, Ф. Барт писал об этничности как о «социальной организации культурных различий», но она всё же несводима к культуре. Как отмечал британский социолог Р. Дженкинс, «этничность подразумевает отличия и сходства, которые членами группы определяются как значимые», и в таком контексте религия (католицизм/протестантизм в случае Северной Ирландии) может и должна стать «важным измерением этнической идентичности» [Jenkins, 2008: 114]. Стать измерением – может, но может ли она подменить саму этничность?

Если мы примем максимально расширенное понимание этнической группы как «группы, члены которой разделяют чувство общности, (...) определяемой расой, религией или национальным происхождением» [Boal et al., 1976: 79], то конфессиональные группы можно считать этническими. Так мы отбираем исключительное право считаться *этническими* у групп, объединённых языком, культурой и представлением об общем происхождении. Столь щедро расширяя границы, мы рискуем столкнуться с концептной натяжкой или же вернуться к древнегреческому пониманию этноса как любой группы людей (и даже животных), отличной от более крупной группы. Чтобы ввести «этнотворческий» процесс в определённые рамки, ряд исследователей (Дж. Ротшильд, К. Чандра, А. Вебер и др.) предложили считать этническими те группы, которые обладают представлением о возможности естественного самовоспроизводства, т.е. статус члена группы мыслится как передаваемый по наследству. Если мы принимаем этот критерий, то процесс *этнизации* может привести к формированию представления о свойствах и составе группы как о непреложных и неизменяемых. Однако конфессиональная и политическая идентичности намного более подвижны, чем «собственно этническая» (которая, впрочем, тоже поддаётся изменениям, зачастую вопреки базовым установкам самой группы) – и отчасти именно на их подвижности и возможностях деактуализации основываются надежды на разрешение конфликтной ситуации.

Выход из терминологической ловушки нам подсказывает оговорка, сделанная упомянутым Р. Дженкинсом: «Большинство участников рассматривает [североирландский] конфликт, прежде всего, не как религиозный, а как политический и националистический. (...) Католики и протестанты – этнические идентичности, лишь частично подразумевающие религиозную принадлежность» [Jenkins, 2008: 124]. Таким образом, говоря, что в Северной Ирландии протестанты противостоят католикам, мы имеем в виду не только и не столько их конфессиональные различия, но политические цели.

Суммируя, мы считаем нецелесообразным называть конфликт сугубо *этническим* из-за размывания таким образом самого понятия «этничность», подразумевающего наследование группового членства; столь же нерелевантным представляется обозначение конфликта как *конфессионального*, в силу неконфессиональной наполненности групповых обозначений. Поэтому единственное обозначение, в полной мере соответствующее сути конфликта в Северной Ирландии, – *политический*.

Мирный процесс в Северной Ирландии

По мнению А. Брюса, Белфастское соглашение¹ ставило своей первоочередной целью внедрить в Северной Ирландии консоциативную модель А. Лейпхарта [Bruce, 2013: 14], подразумевающую, прежде всего, широкую автономию общественных сегментов. Однако консоциация на деле служит не цели преодоления расколов, а, скорее, их консервации и обеспечению мирного сосуществования сегментов, застывших в институционализированном формате. Несмотря на очевидные плюсы в виде (временного) урегулирования противоречий, консоциативная модель препятствует формированию групп и политических сил, не относящихся ни к одному из сегментов [Максимова, 2021], а значит, не способствует полному разрешению конфликта. Таким образом, конфликт замораживается и оказывается уязвим перед внешними и внутренними шоками. Подобным шоком, активизировавшим межсегментные (межобщинные) противоречия, и стал брекзит.

Белфастское соглашение предполагало также определенную степень разделения суверенитета в Северной Ирландии, основываясь на интегративной модели, существующей в ЕС и предполагающей разделение и перераспределение полномочий и суверенитета между различными уровнями власти и функциональными областями [Agnew, 2019: 6; Hayward, 2020: 273]. К. Хейворд отмечает, что в Северной Ирландии суверенитет имеет ряд специфических особенностей. Во-первых, он может быть разделенным, во-вторых, может быть изменен, в-третьих, в рамках одного суверенитета возможно признание различных идентичностей [Hayward, 2020: 275]. Действительно, в Белфастском соглашении предусмотрена возможность изменения статуса Северной Ирландии, а именно возможность объединения региона с Республикой Ирландия, если состоится референдум по данному вопросу, результат которого будет положительным. Таким образом, суверенитет региона может быть изменен законным мирным образом. Еще одним вызовом для суверенитета британского государства в отношении Северной Ирландии стала также предусмотренная Соглашением Страстной пятницы возможность для жителей региона выбирать не только гражданство (британское, ирландское или оба сразу), но и, в определенной степени, идентичность – маркером которой является выбранное гражданство. Согласно результатам переписи 2011 г.², около 20% жителей СИ имели гражданство только Республики Ирландия³. Наличие значительной части населения с ирландским гражданством в регионе также можно рассматривать как вызов британскому суверенитету.

С другой стороны, процессы деволюции в Соединенном Королевстве и учреждение институтов, предусмотренных Белфастским соглашением, создали в Северной Ирландии реально функционирующую систему многоуровневого управления

¹ The Belfast agreement. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/the-belfast-agreement> (дата обращения: 04.03.2022)

² Публикация данных переписи 2021 ожидается в июле 2022 г.

³ Census 2011 Key Statistics for Northern Ireland. December 2012. p. 16. URL: <https://www.nisra.gov.uk/sites/nisra.gov.uk/files/publications/2011-census-results-key-statistics-northern-ireland-report-11-december-2012.pdf> (дата обращения: 04.03.2022)

регионом, которая, совместно с процессами европеизации, позволила максимально снизить существовавшую до 1990-х гг. напряженность. Сложившаяся в Северной Ирландии система многоуровневого управления отражала классическое разделение на вертикальный и горизонтальный компоненты [Hooghe, Marks, 2010]. Первый был обеспечен членством Соединенного Королевства в ЕС, а второй – реализацией положений Соглашения Страстной пятницы. Вертикальное разделение полномочий существовало между наднациональным, национальным и региональным уровнями. При этом присутствовало и непосредственное взаимодействие между региональным и наднациональным уровнями через представительство Северной Ирландии в Брюсселе, которое, впрочем, по мнению Мерфи, не способствовало ослаблению влиянию британского государства в регионе [Murphy, 2011]. Горизонтальные связи были обеспечены созданием и эффективной работой министерского совета Север–Юг и его исполнительных органов, кросс-региональным сотрудничеством и взаимодействием на уровне государств (Соединенное Королевство – Республика Ирландия), а также работой парламентских ассамблей. Кроме того, вся структура институтов СИ и их взаимодействие на разных уровнях очевидно подвергалось воздействию процессов европеизации, что задавало общую рамку и во многом нивелировало существующие в регионе противоречия. Мерфи полагает также, что европеизация двусторонних отношений между Великобританией и Ирландией сыграла свою роль в развитии мирного процесса в Северной Ирландии через институционализацию норм и практики ЕС [Murphy, 2019].

Постепенно сложилась сложная система тесных хозяйственных и политических связей между двумя частями острова Ирландия. Общая рамка членства в ЕС и в Едином внутреннем рынке, а также функционирование Общей зоны передвижения между Соединенным Королевством и Республикой Ирландия позволили не только убрать физическую границу на острове, но создать эффективно функционирующий хозяйственный механизм. Возможности политического взаимодействия на различных уровнях, заложенные в Белфастском соглашении, возможно, не были реализованы в полной мере, особенно в отношении взаимодействия политических структур двух общин в Северной Ирландии; тем не менее они были использованы для налаживания многоуровневого диалога. Показательно, что даже лидеры ДЮП сотрудничали с чиновниками и политиками Республики Ирландия на регулярной основе. В первую очередь такие связи были сосредоточены на областях, представляющих взаимный интерес, в том числе на сфере сельского хозяйства [Murphy & Evershed, 2019].

Европейский союз занимал активную позицию в регионе. Во-первых, были реализованы специальные программы – PEACE, ориентированная на поддержание мирного процесса в Северной Ирландии, и INTERREG, поощрявшая развитие внутри- и межрегиональных связей. Обе программы были направлены на развитие трансграничного сотрудничества, устранение препятствий для создания реального единого рынка, изменение статуса ирландской границы от заградительного барьера к объединяющему мосту за счет продвижения мобильности, контактов, общения и сотрудничества через нее [McCall, 2018]. В рамках Общей сельскохозяйственной политики ЕС СИ получала значительные дотации для фермеров и средства на раз-

витие отрасли. Значимость данных программ подтверждает, что даже евроскептически настроенная ДЮП признавала их пользу и готова была к прагматическому сотрудничеству с институтами ЕС [Murphy & Evershed, 2019].

Влияние брексита на положение дел в Северной Ирландии

Брексит – одно из важнейших политических событий, если не важнейшее, в Соединённом Королевстве за последние десятилетия. К уже существующим в северо-ирландском обществе устойчивым линиям разлома он добавил новые. Напомним, 55,8% жителей региона проголосовали против выхода Королевства из Европейского союза¹. Причем, за выход из ЕС большинство голосовало в тех избирательных округах (за исключением Восточного Лондондерри), в которых на общенациональных выборах 2017 и 2019 гг. одерживали победы представители Демократической юнионистской партии². Результаты референдума 2016 г. показывают, что не все голосующие за юнионистов поддерживали выход страны из ЕС, и не все сторонники националистов голосовали за сохранение членства в ЕС. Однако, опираясь на данные исследования политических предпочтений различных групп и общин в Северной Ирландии, проведенного Дж. Гарри³, можно сделать вывод, что националисты/католики – сторонники Шинн Фейн и СДЛП демонстрировали большую заинтересованность в сохранении членства Соединённого Королевства в ЕС, чем юнионисты/протестанты – сторонники ДЮП и ОЮП в выходе страны из Союза (см. Табл. 1). По мнению Мерфи и Ивершед, жестко негативная позиция ДЮП в отношении членства в ЕС в период подготовки референдума 2016 г. и после него во многом обусловлена тем, что «ирландский национализм в последние годы был абсолютно проевропейским» (это относится и к СДЛП, и ШФ) [Murphy & Evershed, 2019]. Данные Дж. Гарри подтверждают этот тезис. Таким образом, новое противоречие – между сторонниками и противниками членства Соединённого Королевства в ЕС – добавилось к уже имевшимся.

Еще более острым стал для общин вопрос об ирландской границе, который тесно связан с институциональным и политическим статусом региона. По мнению К. Хейворд, принадлежность к одной из общин (протестанты/британцы/юнионисты и католики/ирландцы/националисты) определяет отношение к проблеме ирландской границы [Hayward, 2020]. Националисты рассматривали брексит как угрозу функционированию Соглашения Страстной пятницы и возможность восстановления границы на острове. После решения правительства Терезы Мэй в 2017 г. реализо-

¹ BBC.com UE Referendum Results. URL:

https://www.bbc.co.uk/news/politics/eu_referendum/results (дата обращения: 04.03.2022)

² Сравнить результаты можно по данным BBC.com. URL:

https://www.bbc.co.uk/news/politics/eu_referendum/results;

https://www.bbc.com/news/election/2019/results/northern_ireland (дата обращения: 04.03.2022)

³ Garry J. The EU referendum Vote in Northern Ireland: Implications for our understanding of citizens' political views and behaviour. URL: <https://www.qub.ac.uk/brexit/Brexitfilestore/Fileupload,728121,en.pdf> (дата обращения: 04.03.2022)

вать «жесткий»¹ выход из Европейского союза опасения, связанные с поддержанием мирного процесса в Северной Ирландии, стали весьма актуальными.

Таблица 1

Голосование «за» и «против» выхода Соединенного Королевства из ЕС в соответствии с конфессиональной принадлежностью и политическими предпочтениями избирателей (%)

	Остаться в ЕС	Покинуть ЕС
Партийная аффилиация		
ДЮП	25	75
ОЮП	42	58
Альянс	83	17
Шинн Фейн	84	16
СДЛП	95	5
Представление о политическом будущем Северной Ирландии		
юнионисты	34	66
националисты	88	12
неопределившиеся	70	30
Конфессиональная принадлежность		
Католики	85	15
Протестанты	40	60

Источник: Garry J. The EU referendum Vote in Northern Ireland: Implications for our understanding of citizens' political views and behaviour.

В 2018–2019 гг. наблюдался всплеск террористической активности со стороны ирландских диссидентов², не поддержанный, впрочем, ни подавляющим большинством ирландской общины, ни ирландскими политиками, включая представителей Шинн Фейн и бывших лидеров ИРА, по обе стороны границы.

Со своей стороны ЕС одним из главных требований для реализации «развода» назвал сохранение прозрачной границы на острове. Проблема ирландской границы стала центральной на переговорах о выходе Британии из ЕС [Полякова, 2021], поскольку невозможно одновременно сделать три вещи: выйти из структур Единого внутреннего рынка, покинуть Таможенный союз и сохранить физическое отсутствие сухопутной границы между Соединенным Королевством и ЕС, поскольку необходимо осуществлять таможенный, фитосанитарный и другие виды контроля. Оба варианта Протокола об Ирландии/Северной Ирландии, включаемого в Соглашения о выходе 2018 и 2019 гг., пытались решить данную проблему. Соглашение, подписанное Т. Мэй, предусматривало нахождение региона в правовом регулировании Единого внутреннего рынка ЕС до того момента, пока стороны не найдут

¹ Таким образом характеризуют выход из всех структур ЕС, в том числе из Единого внутреннего рынка и Таможенного союза.

² См., например, Europol. EU Terrorism Situation and Trend Report 2018. P. 45. URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-2018-tesat-2018> (дата обращения: 04.03.2022)

решения, позволяющего не вводить реальные пограничные проверки на территории острова Ирландия (механизм *бэкстоп*), а также сохранение Таможенного союза с ЕС, чтобы избежать фактического разделения страны¹. ДЮП выступала категорически против *бэкстоп* и не считала проблему сохранения прозрачности ирландской границы приоритетной. В итоге Б. Джонсон, сменивший Т. Мэй на посту премьер-министра, пообещал добиться пересмотра соглашения. Новый вариант Протокола² отменял Таможенный союз с ЕС и механизм *бэкстопа*, но сохранял для производителей из Северной Ирландии тарифы и правила ЕС, а также некоторые другие регуляторные нормы Евросоюза, а неизбежную таможенную границу переносил в североирландские порты.

Оба варианта Протокола в большей степени учитывали интересы ирландской общины и – шире – противников выхода из ЕС, чем позицию сторонников ДЮП и брекзитеров. Северная Ирландия получила особое правовое регулирование, отличное от остальных регионов страны. Отсутствие реальной границы на острове Ирландия позволило сохранить трансграничное и кросс-региональное сотрудничество, функционирование институтов, предусмотренных Соглашением Страстной пятницы. Более того, в Протоколе была закреплена особая роль Североирландской ассамблеи для определения статуса региона в будущем, что повышает значимость данного института. В то же время юнионисты рассматривают реализацию положений Протокола как катастрофу, поскольку происходит правовое и хозяйственное обособление региона от других частей Королевства. Кроме того, в определенной степени в регионе сохраняется юрисдикция Суда ЕС, что вызывает дополнительное раздражение у юнионистов-евроскептиков. Нестабильности добавили и технические проблемы, так как после окончания переходного периода с 1 января 2021 г. товары, поступающие в Северную Ирландию из Великобритании, стали подлежать таможенному декларированию, а в региональных портах начались их проверки, что привело к перебоям в поставках. Закономерным итогом стало возрастание конфликтности в регионе [*Британия после брекзита*, 2021: 97–107], которая достигла пика весной 2021 г., когда юнионисты, недовольные условиями реализации Протокола, громили «националистические» кварталы Белфаста³. Таким образом, пересмотренный Протокол по Ирландии/Северной Ирландии не только не добавил согласия в межобщинное противостояние, но привел к его обострению.

Процессы де-европеизации, которые уже идут и будут продолжаться в Соединенном Королевстве, затронут Северную Ирландию в меньшей степени. В первую очередь это относится к так называемой жесткой де-европеизации, которая предпо-

¹ Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community. URL: https://www.consilium.europa.eu/media/37099/draft_withdrawal_agreement_incl_art132.pdf (дата обращения: 04.03.2022)

² Revised Withdrawal Agreement Including Protocol on Ireland and Northern Ireland. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/revised_withdrawal_agreement_including_protocol_on_ireland_and_northern_ireland.pdf (дата обращения: 04.03.2022)

³ См.: Hirst M. (2021). NI riots: What is behind the violence in Northern Ireland? *BBC News NI*. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-northern-ireland-56664378> (дата обращения: 04.03.2022)

лагает отмену или изменение правовых норм ЕС на территории страны, поскольку Северная Ирландия де-факто остается в рамках регулирования Единого внутреннего рынка ЕС. Однако мягкие формы де-европеизации будут набирать обороты, в том числе, в виде ярко выраженной антиинтеграционной риторики у юнионистской части населения. Требование отмены Протокола также можно рассматривать как одно из таких проявлений. Предложения со стороны ЕС смягчить правила таможенного контроля за счет усиления контроля за тем, чтобы товары из Великобритании не попали на пространство Единого внутреннего рынка ЕС также можно рассматривать как мягкие формы де-европеизации.

Помимо наиболее очевидных проблем с выполнением ряда положений Соглашения Страстной пятницы, Brexit неизбежно оказал влияние на параметры имеющегося конфликта. Возвращаясь к изначальной посылке о многосоставности североирландской идентичности, можно сказать, что Brexit практически не затронул её этнический компонент (в силу его малой актуальности), но обострил конфессиональные и вытекающие из него политические идентитарные аспекты.

Идентитарные аспекты представляют для нас особый интерес в силу аргументированного ранее определения североирландского конфликта как, прежде всего, политического. Первоочередным является именно политическое противостояние: именно оно актуализируется в первую очередь в ответ на политический вызов; к тому же, именно оно является на данный момент наиболее наглядным воплощением межобщинных противоречий. Это ярко проявилось в отмеченных ранее столкновениях в североирландских городах весной 2021 г., а также в результатах опросов *Northern Ireland Life and Times Survey*, согласно которым поддержка идеи объединения острова под республиканским знаменем выросла почти в два раза в 2019 г. по сравнению с 2015 г. [см.: O'Connell & Medeiros, 2020: 391–392]. Уже в 2017 г. число тех, кто изменил свое мнение в пользу объединения острова, составило 28 %, что в сочетании с пребывавшими ранее в этом убеждении 26,9 % превышало половину населения региона¹. Кроме того, на данном вопросе по обе стороны границы заостряла внимание Шинн Фейн [Охошин, 2020].

Еще одним следствием брексита стал резкий рост запросов на получение паспортов Республики Ирландия после референдума 2016 г., хотя постепенный рост заявок наблюдался с 2012 г. В 2017 г. число запросов на гражданство РИ от жителей Северной Ирландии вырос на 20%². Всего за период с 2010 по 2019 гг. было подано более 830 тысяч заявлений на получение ирландского гражданства от людей, родившихся в Северной Ирландии, что составило 44,7% от всех жителей СИ³.

¹ Northern Ireland Peace Monitoring Report. Number Five. October 2018. P. 53. URL: <https://www.community-relations.org.uk/sites/crc/files/media-files/NIPMR-5.pdf> (дата обращения: 04.03.2022)

² Northern Ireland Peace Monitoring Report. Number Five. October 2018. P. 50. URL: <https://www.community-relations.org.uk/sites/crc/files/media-files/NIPMR-5.pdf> (дата обращения: 04.03.2022)

³ Do more than 700,000 born in Northern Ireland have an Irish passport? 5 March 2020. URL: <https://factcheckni.org/articles/do-more-than-700000-born-in-northern-ireland-have-an-irish-passport/> (дата обращения: 04.03.2022)

Далее процесс замедлился из-за ковидных ограничений, но за два месяца 2022 г., по данным *Irish Times*, ирландские паспорта получили уже 25 тыс. жителей СИ, что по темпам превышает доковидный период¹. Безусловно, рост популярности ирландских паспортов в Северной Ирландии обусловлен не только вопросами идентичности, но и прагматическими соображениями, так как они дают право их обладателям пользоваться преимуществами свободы передвижения в ЕС. Но возможность легко получить паспорт государства-члена ЕС только подчеркивает особый статус региона в составе Соединенного Королевства.

* * *

Из множества модальностей североирландского конфликта наиболее актуальной, вокруг которой структурируются межобщинные противоречия, является политическая – спор относительно политического будущего самой Северной Ирландии. Именно этот аспект конфликта, а не этничность или религиозная принадлежность, представляется наиболее существенным – и именно он подвергся наибольшему воздействию брекзита.

До референдума 2016 г. казалось, что вопрос о статусе региона снят с повестки дня. Националисты/католики были удовлетворены реализацией соглашения Страстной пятницы, развитием межирландского взаимодействия и отсутствием физической границы на острове. Это подтверждалось снижением поддержки идеи объединения двух Ирландий, несмотря на общий рост численности ирландского/католического населения в Северной Ирландии, которое впервые стало превышать половину. Брекзит привел к изменению в настроениях населения СИ и росту поддержки идеи единой Ирландии. Тем не менее проведение референдума об объединении двух Ирландий кажется отдаленной перспективой. Во многом остроту проблемы снял принятый Протокол по Ирландии/Северной Ирландии, который обеспечил прозрачность границы на острове, хотя сложности его реализации усилили межобщинные противоречия в самой Северной Ирландии. Из данных опросов очевидно, что отношение к брекзиту и судьбе Ольстера во многом определяется именно принадлежностью к тому или иному общинному сегменту. В случае объединения двух Ирландий позиции общин вряд ли сблизятся. Таким образом, возможное объединение несет потенциальную угрозу для Республики Ирландия, которая получит нестабильный регион с частью нелояльного населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Британия после брекзита. (2021) Отв. ред. К.А. Годованюк. ДИЕ № 386. Москва, Институт Европы РАН. 184 с. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report82021_386

¹ Hutton B. Over one-third of North's population hold Irish passport. URL: <https://www.irishtimes.com/news/ireland/irish-news/over-one-third-of-north-s-population-hold-irish-passport-1.4814375> (дата обращения: 04.03.2022)

Максимова П.В. (2021) Преодолевая кризис идентичностей: лимиты консоциативной системы и стагнация урегулирования североирландского конфликта. *Полития*, № 2. С. 144–162. DOI: 10.30570/2076-5089-2021-101-2-144-162.

Мелешкина Е.Ю. (2004) Концепция социально-политических размежеваний: проблема универсальности. *Политическая наука*, № 4. С. 11–29.

Охошин О.В. (2020) Объединенная Ирландия: Шинн Фейн на пути к подготовке референдума. *Аналитические записки ИЕ РАН*. № 5 (№ 188). DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics52020>

Полякова Е.Ю. (2021) Ирландский фактор в переговорах по брекзиту. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. Том 12, выпуск 1 (99). DOI: 10.18254/S207987840013555-9

Agnew J. (2020) Taking back control? The myth of territorial sovereignty and the Brexit fiasco. *Territory, Politics, Governance*, vol. 8, issue 2, pp. 259–272. DOI: <https://doi.org/10.1080/21622671.2019.1687327>

Boal F., Murray R., Poole M. (1976) Belfast: The Urban Encapsulation of a National Conflict, in: *Urban Ethnic Conflict: A Comparative Perspective*. Ed. by S. Clark & J. Obler. University of North Carolina, Chapel Hill, pp. 77–131.

Bruce A. (2013) The Fractured Island: Divided Sovereignty, Identity and Politics in Ireland. *Journal of Conflictology*, vol. 4, No. 2, pp. 13–22. DOI: <http://dx.doi.org/10.7238/joc.v4i2.1913>

Byrne K., O'Malley E. (2013) The Two Types of Ulster Unionism: Testing an Ethnic Explanation for the Unionist/Loyalist Divide. *Irish Political Studies*, vol. 28, No. 1, pp. 130–139. DOI: <https://doi.org/10.1080/07907184.2012.732573>

Byrne S., Carter N. (2002) Social Cubism: Six Social Forces of Ethnopolitical Conflict in Northern Ireland and Québec. *LSA Journal of International & Comparative Law*, vol. 8, No. 3, pp. 741–769.

Coakley J. (2003) Ethnic Conflict and Its Resolution: The Northern Ireland Model. *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 9, No. 3, pp. 25–53. DOI: 10.1080/13537110412331301465

Doherty P., Poole M. (2002) Religion as an Indicator of Ethnicity in Northern Ireland – An Alternative Perspective. *Irish Geography*, vol. 35, No. 1, pp. 75–89. DOI: <https://doi.org/10.1080/00750770209555795>

Hayward K. (2020) Why it is impossible for Brexit Britain to ‘take back control’ in Northern Ireland. *Territory, Politics, Governance*, vol. 8, issue 2, pp. 273–278. DOI: 10.1080/21622671.2019.1687328

Hooghe L., Marks G. (2010) Types of multi-level governance, in: *Handbook on Multi-level Governance*. Ed. by Enderlein H., Wälti S., Zürn M. Edward Elgar Publishing, USA, pp. 17–31.

Jenkins R. (2008) *Rethinking Ethnicity*. SAGE, London, 207 p.

Lipset S.M., Rokkan S. (1967) Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction, in: *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective*. Ed. by S.M. Lipset & S. Rokkan. Free Press, NYC, pp. 1–64.

McCall C. (2018) Brexit, Bordering and Bodies on the Island of Ireland. *Ethnopolitics*, vol. 17, issue 3, pp. 292–305. DOI: 10.1080/17449057.2018.1472425

Murphy M. C. (2011) Regional Representation in Brussels and Multi-Level Governance: Evidence from Northern Ireland. *British Journal of Politics and International Relations*, vol. 13, pp. 551–566. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-856X.2010.00446.x>

Murphy M. C. (2019): The Brexit crisis, Ireland and British–Irish relations: Europeanisation and/or de-Europeanisation? *Irish Political Studies*, vol. 34, issue 4, pp. 530–550. DOI: 10.1080/07907184.2019.1669564

Murphy M.C., Evershed J. (2020) Between the devil and the DUP: the Democratic Unionist Party and the politics of Brexit. *British Politics*, vol. 15, pp. 456–477. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41293-019-00126-3>

O’Connell B., Medeiros M. (2020) The Brexit Effect? Ethno-National Divisions on the Island of Ireland among Political Elites and the Youth. *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 26, No. 4, pp. 389–404. DOI: <https://doi.org/10.1080/13537113.2020.1827724>

Posner D. (2017) When and why do some social cleavages become politically salient rather than others? *Ethnic and Racial Studies*, vol. 40, No. 12, pp. 2001–2019. DOI: 10.1080/01419870.2017.1277033

Ruane J., Todd J. (2017) Social Movements, Long-Term Processes, and Ethnic Division in Northern Ireland, in: *The Troubles in Northern Ireland and Theories of Social Movements*. Ed. by L. Bosi & G. Fazio. Amsterdam University Press, Amsterdam, pp. 223–238.

Northern Ireland Conflict in the Brexit Context: Political Challenges of Identity

L.O. Babynina*

Candidate of Science (Politics)

*Department of European Integration Studies
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.
11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009.*

***E-mail:** lbabynina@yandex.ru

P.V. Oskolkov**

Candidate of Science (Politics)

*Department of European Integration Studies
Center for Ethnopolitical Studies
Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.
11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009.*

****E-mail:** petroskolkov@yandex.ru

Abstract. In the paper, the consequences of the United Kingdom’s exit from the European Union are addressed in connection to the status of Northern Ireland and intercommunity relations in the region. Having analyzed the conflict’s nature, the authors conclude that neither ethnic nor religious but rather political aspects are dominant. The EU has played an important role in the complex process of peace-building; the Europeanization rules were practically implemented, since both the United Kingdom and the Republic of Ireland were the EU members, as well as the

members of the European Single Market and the EU Customs Union. Also, the principles of multilevel governance were applied, provided in the Good Friday Agreement. Eventually, Brexit led to the disturbance of a fragile consensus formed after the GFA and brought back to agenda the issue of the island unification under the republican banner. The agreement reached between the EU and the UK means that a visible border on the island is absent, which is profitable for the Irish/Republican community but separates the region regulatorily from the rest of the country. This state of affairs causes natural dissatisfaction within the Unionist community. Taking into account the predominantly political nature of the conflict, the authors analyze the actual dynamics of the intersegmental discrepancies in the Northern Ireland and the possibilities to settle the managerial contradictions caused by Brexit. Since the attitude toward Brexit and Ireland's political future is defined largely by the community affiliation, the risks of further destabilization in the region are high, as well as of re-actualization of the conflict potential.

Keywords: Northern Ireland, Brexit, Protocol on Ireland/Northern Ireland, European Union, ethnicity, Northern Ireland conflict, political identity.

DOI: 10.31857/S0201708322030020

EDN: GERQGA

REFERENCES

- Agnew J. (2020) Taking back control? The myth of territorial sovereignty and the Brexit fiasco. *Territory, Politics, Governance*, vol. 8, issue 2, pp. 259–272. DOI: <https://doi.org/10.1080/21622671.2019.1687327>
- Boal F., Murray R., Poole M. (1976) Belfast: The Urban Encapsulation of a National Conflict, in: *Urban Ethnic Conflict: A Comparative Perspective*. Ed. by S. Clark & J. Obler. University of North Carolina, Chapel Hill, pp. 77–131.
- Britanija posle brekzita [Britain After Brexit]*. (2021) Ed. By K.A. Godovanjuk. Moscow, Institute of Europe Publ., 184 p. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report82021_386 (in Russian).
- Bruce A. (2013) The Fractured Island: Divided Sovereignty, Identity and Politics in Ireland. *Journal of Conflictology*, vol. 4, No. 2, pp. 13–22. DOI: <http://dx.doi.org/10.7238/joc.v4i2.1913>
- Byrne K., O'Malley E. (2013) The Two Types of Ulster Unionism: Testing an Ethnic Explanation for the Unionist/Loyalist Divide. *Irish Political Studies*, vol. 28, No. 1, pp. 130–139. DOI: <https://doi.org/10.1080/07907184.2012.732573>
- Byrne S., Carter N. (2002) Social Cubism: Six Social Forces of Ethnopolitical Conflict in Northern Ireland and Québec. *LSA Journal of International & Comparative Law*, vol. 8, No. 3, pp. 741–769.
- Coakley J. (2003) Ethnic Conflict and Its Resolution: The Northern Ireland Model. *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 9, No. 3, pp. 25–53. DOI: [10.1080/13537110412331301465](https://doi.org/10.1080/13537110412331301465)
- Doherty P., Poole M. (2002) Religion as an Indicator of Ethnicity in Northern Ireland – An Alternative Perspective. *Irish Geography*, vol. 35, No. 1, pp. 75–89. DOI: <https://doi.org/10.1080/00750770209555795>

Hayward K. (2020) Why it is impossible for Brexit Britain to 'take back control' in Northern Ireland. *Territory, Politics, Governance*, vol. 8, issue 2, pp. 273–278. DOI: 10.1080/21622671.2019.1687328

Hooghe L., Marks G. (2010) Types of multi-level governance, in: *Handbook on Multi-level Governance*. Ed. by Enderlein H., Wälti S., Zürn M. Edward Elgar Publishing, USA, pp. 17–31.

Jenkins R. (2008) *Rethinking Ethnicity*. SAGE, London, 207 p.

Lipset S.M., Rokkan S. (1967) Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction, in: *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspective*. Ed. by S.M. Lipset & S. Rokkan. Free Press, NYC, pp. 1–64.

Maksimova P.V. (2021) Preodolevaja krizis identichnostej: limity konsociativnoj sistemy i stagnacija uregulirovanija severoirlandskogo konflikta [Overcoming the Identity Crisis: The Limits of Consociation System and Stagnation of Northern Ireland Conflict Settlement]. *Politeia*, No 2, pp. 144–162. DOI: 10.30570/2076-5089-2021-101-2-144-162. (in Russian).

McCall C. (2018) Brexit, Bordering and Bodies on the Island of Ireland. *Ethnopolitics*, vol. 17, issue 3, pp. 292–305. DOI: 10.1080/17449057.2018.1472425

Meleshkina E.Ju. (2004) Koncepcija social'no-politicheskikh razmezhevanij: problema universal'nosti [The Concept of Social and Political Cleavages: Universality Problem]. *Politicheskaja nauka*, No 4, pp. 11–29. (in Russian).

Murphy M. C. (2011) Regional Representation in Brussels and Multi-Level Governance: Evidence from Northern Ireland. *British Journal of Politics and International Relations*, vol. 13, pp. 551–566. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-856X.2010.00446.x>

Murphy M. C. (2019) The Brexit crisis, Ireland and British–Irish relations: Europeanisation and/or de-Europeanisation? *Irish Political Studies*, vol. 34, issue 4, pp. 530–550. DOI: 10.1080/07907184.2019.1669564

Murphy M.C., Evershed J. (2020) Between the devil and the DUP: the Democratic Unionist Party and the politics of Brexit. *British Politics*, vol. 15, pp. 456–477. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41293-019-00126-3>

O'Connell B., Medeiros M. (2020) The Brexit Effect? Ethno-National Divisions on the Island of Ireland among Political Elites and the Youth. *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 26, No. 4, pp. 389–404. DOI: <https://doi.org/10.1080/13537113.2020.1827724>

Okhoshin O.V. Ob'edinennaya Irlandiya: SHinn Fejn na puti k podgotovke referendumu [United Ireland: Sinn Féin on track to prepare referendum]. *Analiticheskie zapiski IE RAN*. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics52020> (in Russian).

Poljakova E.Ju. (2021) Irlandskij faktor v peregovorah po brekzitu. [The Irish factor in the Brexit negotiations]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya»*. The Vol. 12, Issue 1 (99). DOI: 10.18254/S207987840013555-9 (in Russian).

Posner D. (2017) When and why do some social cleavages become politically salient rather than others? *Ethnic and Racial Studies*, vol. 40, No. 12, pp. 2001–2019. DOI: 10.1080/01419870.2017.1277033

Ruane J., Todd J. (2017) Social Movements, Long-Term Processes, and Ethnic Division in Northern Ireland, in: *The Troubles in Northern Ireland and Theories of Social Movements*. Ed. by L. Bosi & G. Fazio. Amsterdam University Press, Amsterdam, pp. 223–238.

УДК 327

КВИРИНАЛЬСКИЙ ТРАКТАТ – ДВУСТОРОННИЙ ДОГОВОР О БУДУЩЕМ ЕС?

© 2022 АЛЕКСЕЕНКОВА Елена Сергеевна*

Кандидат политических наук

Отдел Черноморско-Средиземноморских исследований

Центр итальянских исследований

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.

***E-mail:** *alekseenkovaes@gmail.com*

© 2022 ЧИХАЧЕВ Алексей Юрьевич*

Кандидат политических наук

Санкт-Петербургский государственный университет.

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9.

***E-mail:** *alexchikhachev@gmail.com*

Поступила в редакцию 02.12.2021

После доработки 28.02.2022

Принята к публикации 15.03.2022

Аннотация. Статья рассматривает заключенный между Италией и Францией 26 ноября 2021 г. Квиринальский трактат с точки зрения его значения для двусторонних отношений и европейской интеграции. Авторы проанализировали аргументы обеих сторон, сделавшие возможным подписание документа, а также привели доводы в пользу того, что Квиринальский трактат способствует формированию треугольника лидеров Франция-Германия-Италия и меняет баланс сил внутри Европейского союза в контексте многочисленных вызовов, стоящих перед объединением. В статье показана значимость документа для развития дискуссии ЕС о стратегической автономии, а также для перспектив формирования нового ядра Союза, которое возьмет на себя роль двигателя интеграции в сфере двойного перехода, устойчивости и укрепления обороны. Документ также призван стать инструментом, позволяющим избежать деструктивной конкуренции и разобщенности в политике ЕС по отношению к южным соседям.

Ключевые слова: Франция, Италия, Квиринальский договор, европейская интеграция, Европейский союз, Эммануэль Макрон, Марио Драги.

DOI: 10.31857/S0201708322030032**EDN:** GEUIUF

В ноябре 2021 г. Франция и Италия объявили о подписании «большого» двустороннего договора – Квиринальского трактата. Документ зафиксировал стремление государств усилить кооперацию по широкому спектру сфер – от обороны до культурно-гуманитарных вопросов, а также намерение чаще выступать с консолидированной позицией на общеевропейском уровне. Вкупе с франко-немецким Ахенским договором 2019 г. новое соглашение позволяет говорить о начале формирования треугольника Берлин–Париж–Рим, от решений которого во многом будет зависеть дальнейшее развитие евроинтеграции. Настоящая статья нацелена на выявление общего и особенного в подходах Франции и Италии к Квиринальскому договору и оценку его возможного влияния на процессы внутри ЕС.

Французский взгляд

Анализируя подход французского руководства к Квиринальскому соглашению, стоит подчеркнуть, что оно является логическим продолжением всей европейской политики Э. Макрона, которую он проводил на протяжении своего первого мандата. Эта политика направлена на решение общеевропейских задач и закрепление лидерской роли Франции в ЕС. Так, еще в своей предвыборной книге «Революция» он заявлял, что странам Евросоюза, не способным решать все проблемы в одиночку, «нужно заново обрести желание быть единой Европой» [Макрон, 2019: 216] и придать интеграционному проекту дополнительный импульс. Одним из его первых принципиальных шагов в роли главы государства стало выдвижение программы комплексной модернизации ЕС, охватывавшей широкий спектр тем от обороны до экологии, – «Сорбоннская речь» [Федоров, 2018]. В многочисленных выступлениях и интервью Э. Макрон неоднократно призывал к началу «европейского Ренессанса», укреплению «европейского суверенитета» и стратегической автономии ЕС, настаивая на необходимости превращения Европы в полноценного стратегического игрока с собственной повесткой и ресурсами влияния.

К весне 2022 г., несмотря на все трудности, многие из предложенных французских лидером идей подошли к той или иной степени реализации. Приводя лишь некоторые примеры, уместно напомнить, что на военном треке удалось запустить программу PESCO, насытив ее тремя волнами проектов; создать Европейский оборонный фонд; развить «Европейскую инициативу вмешательства» и антитеррористическую миссию «Такуба» в Сахеле; достигнуть договоренностей о разработке перспективных видов вооружений. При активном участии французской стороны в Евросоюзе началась подготовка нормативно-правовой базы для налогообложения цифровых корпораций; согласованы изменения в директиве об открепленных работниках; намечено кадровое усиление пограничной службы FRONTEX; поставлена задача добиться углеродной нейтральности к 2050 г.; развернута сеть «европей-

ских университетов» и многое другое¹. Именно Пятая Республика в тандеме с ФРГ предложила принять план ликвидации последствий коронакризиса для европейской экономики в размере 750 млрд евро. На протяжении 2017–2021 гг. Париж неоднократно брал на себя инициативу в развитии отношений Европы с другими игроками, включая Россию (попытка перезапуска двустороннего диалога), КНР (переговоры об инвестиционном соглашении), государства Индо-Тихоокеанского региона (обеспечение европейского присутствия в ИТР), Африку (поиск новой модели взаимодействия между Севером и Югом).

Вместе с тем нельзя не признать, что результаты европейской политики Э. Макрона в значительной степени оказались далеки от первоначальных замыслов. Как констатирует российский исследователь С.М. Федоров, ряд шагов, позиционируемых французским руководством в качестве своевременных и успешных, на деле «остались на бумаге, не нашли единодушного одобрения или оказались в лучшем случае в подвешенном состоянии» [Федоров, 2021: 73]. В частности, такая судьба ожидала предложения президента относительно реформирования зоны евро: проект ее полноценного бюджета оказался урезан по размеру и функционалу, а идеи учредить пост профильного министра и отдельный законодательный орган отложены в долгий ящик. Аналогичным образом забуксовали намерения использовать транснациональные партийные списки на выборах в Европарламент, утвердить единый стандарт минимальной заработной платы, создать Европейский Совет безопасности. Характерно, что далеко не все страны ЕС поддерживали главный тезис Э. Макрона о формировании европейского суверенитета, особенно в военно-технической области, где в приоритете у большинства остались связи с США и НАТО. Наперекор установкам Парижа шли не только Польша или страны Балтии, традиционно настроенные проатлантистски, но и, например, Бельгия и Финляндия, закупившие американские истребители F-35, тем самым отказавшись как от французского *Rafale*, так и от проекта *SCAF*. Не была однозначно профранцузской и реакция европейских стран на создание коалиции *AUKUS* в ущерб индо-тихоокеанской стратегии Пятой Республики [Marafona, 2021].

Незавершенность европейского проекта Э. Макрона в значительной степени объяснялась изначально завышенными целями: намерением воплотить все инициативы в жизнь как можно быстрее, не считаясь с политическими и бюрократическими реалиями Евросоюза. Дополнительные препятствия создавала ситуация в самой Франции (слабый экономический рост, протестные выступления 2018–2019 гг.), а также пандемия коронавируса, вынудившая перебросить основные силы на нужды здравоохранения и хозяйственного восстановления. Однако не меньшее значение имел тот факт, что реформаторский энтузиазм президента получил весьма сдержанный отклик со стороны главного партнера Парижа в Евросоюзе – Германии. В Берлине настороженно отнеслись к концепции «разноскоростной Европы», отстаиваемой французскими коллегами, считая необходимым, чтобы интеграционный процесс развивался на инклюзивной и равномерной основе. Как выявили экс-

¹ Quatre ans de travail pour l'Europe. Présidence de la République. 2021. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/europe> (дата обращения: 07.01.2022)

перты немецкого аналитического центра *SWP*, особенно сильно эта разница в подходах ощущалась по оборонным вопросам: пока Франция предлагала новые формы по принципу «авангарда желающих», ФРГ рассчитывала на прогресс в уже имеющихся институциональных рамках Общей политики безопасности и обороны [Kempin, 2021]. Со скрытым раздражением немецкое руководство воспринимало односторонние (и не всегда удачные) действия Э. Макрона на восточном и средиземноморском направлениях и его разнообразные громкие заявления вроде пассажа о «смерти мозга» НАТО. Не было полного согласия и по таким актуальным для ЕС сюжетам, как распределение долгового бремени, пересмотр Маастрихтских критериев, значение мирного атома для энергетического перехода. Наконец Ахенское соглашение 2019 г., которое позиционировалось французским руководством в качестве принципиально нового этапа двусторонних отношений, на проверку оказалось не лишено существенных изъянов [Рубинский, Синдеев, 2019: 23–26].

В этом контексте французская дипломатия столкнулась с необходимостью расширить круг своих наиболее близких партнеров в Европе, отыскав пусть и не прямую замену стратегическому диалогу с Германией, но дополнение к нему – ради подкрепления собственных позиций накануне председательства в Совете ЕС. Именно Италия могла занять эту нишу ввиду нескольких обстоятельств.

Во-первых, подписание «большого» соглашения с Римом значилось в планах Э. Макрона изначально: работа над текстом началась немногим после двустороннего саммита в Лионе осенью 2017 г. Уже тогда шла речь о том, чтобы придать отношениям новый импульс «во имя общих ценностей, интересов и высоких европейских амбиций»¹, согласовывать приоритеты при будущем реформировании ЕС, координировать свои политики в вопросах обороны и безопасности, экономического развития, культурных обменов и пр. В этом смысле Квиринальский договор представляет собой логичный итог длительных консультаций, прерывавшихся лишь на краткий период работы «совранистского» правительства в Италии. По наблюдению политолога М. Лазара, Э. Макрона в принципе можно назвать наибольшим «италофилом» среди всех президентов Пятой Республики – настолько высокое значение он стремился придать контактам с Римом².

Во-вторых, заключение нового договора свидетельствовало бы о готовности обеих стран подвести черту под предшествующим этапом двусторонних отношений, когда постоянно рос перечень поводов для взаимных обвинений и противоречий. Таковых в последние годы накопилось немало: от борьбы вокруг покупки «Атлантических верфей» итальянской компанией *Fincantieri* до встреч вице-премьера Л. ди Майо с представителями «желтых жилетов» и нежелания итальян-

¹ Compte-rendu du 34ème sommet franco-italien du mercredi 27 septembre 2017 à Lyon. Présidence de la République. 27.09.2017. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/27/compte-rendu-du-34eme-sommet-franco-italien-du-mercredi-27-septembre-2017-a-lyon> (дата обращения: 09.01.2022)

² Traité du Quirinal: vers un nouvel équilibre européen? Institut Montaigne. 03.12.2021. URL: <https://www.institutmontaigne.org/blog/traite-du-quirinal-vers-un-nouvel-equilibre-europeen> (дата обращения: 09.01.2022)

ского правительства принимать новые корабли с иммигрантами [Darnis, 2020]. С точки зрения Елисейского дворца, следовало создать страховочный механизм, благодаря которому Италия впредь не могла бы позволить себе новые проявления фрондерства против общей линии Евросоюза. Удачным моментом для этого стал приход на пост премьер-министра М. Драги с репутацией убежденного европеиста и с которым у Э. Макрона быстро установилось взаимопонимание¹.

В-третьих, достижение нового уровня партнерства с Италией выглядело особенно уместным в привязке к темам председательства Пятой Республики в Совете ЕС. Выступая на пресс-конференции незадолго до его начала, Э. Макрон пояснил, что в первой половине 2022 г. Франция предложит европейским партнерам сосредоточиться среди прочего на реформе Шенгенского пространства, утверждении «Стратегического компаса», формировании новых промышленных альянсов, поддержке передовых технологий в зеленом и цифровом секторах, адаптации бюджетных правил². Подобная повестка в целом подходила Италии, тоже не первый год занятой поиском решения проблем нелегальной миграции, высокой безработицы и раздутого госдолга. Для Парижа возникала возможность выступить единым фронтом с Римом от имени всей Южной Европы. Кроме того, хозяйственно-политическое взаимодействие с Италией могло бы ускорить выполнение некоторых задач, поставленных Э. Макроном на национальном уровне в рамках плана «Франция-2030»: например, выпуск авиалайнеров на низкоуглеродном топливе или дальнейшее развитие ракетных и спутниковых технологий.

Следует заметить, что большинство данных соображений действительно оказались в том или ином виде отражены в Квиринальском договоре и приложенной к нему дорожной карте. Так, французским дипломатам удалось добиться от итальянских коллег согласия в том, что обе страны разделяют одинаковые европейские ценности, стремятся к укреплению единства Европы (см. преамбулу). Стороны договорились работать над выработкой в ЕС общей стратегической культуры, укреплять военно-промышленную кооперацию (ст. 1–2), поощрять практику принятия решений в органах ЕС квалифицированным большинством голосов (ст. 3). Намечено создание обширной институциональной базы сотрудничества, включая межминистерскую комиссию по внутренним делам и юстиции (ст. 4), форум по экономике и финансам (ст. 5), стратегический диалог по транспорту (ст. 6), общие службы трансграничного сотрудничества (ст. 10) и др. Закреплено намерение вместе работать над изменениями Шенгена и Пакта стабильности и роста, доработкой Банковского союза, введением углеродного налога на внешних границах ЕС. Одновременно Париж признал необходимость более тесной координации с европейскими партнерами

¹ Там же.

² Présentation de la Présidence française du Conseil de l'Union européenne. Présidence de la République. 09.12.2021. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/12/09/presentation-de-la-presidence-francaise-du-conseil-de-lunion-europeenne> (дата обращения: 09.01.2022)

на африканском направлении (ст. 1) и согласился с принципом «европейской предпочтительности» в космической отрасли (ст. 7)¹.

Между тем примечательно, что новое соглашение пока не стало поводом для широких дискуссий. Из крупных политических фигур в СМИ высказывался лишь крайне левый Ж.-Л. Меланшон, увидевшим в Квиринальском договоре предлагавшийся им самим уход от германоцентричности европейской политики Франции². Среди экспертов превалировали сдержанные оценки: например, М. Верцероли пояснил, что дальнейшая судьба соглашения привязана к электоральному календарю – президентским выборам 2022 г. по обе стороны Альп, перспективе досрочных парламентских выборов в Италии³. Как исчерпывающе заключил М. Лазар, только в зависимости от их итогов, а также от активности бизнес-кругов и гражданских обществ двух стран можно будет определить, чем стал новый договор – очередным декларативным документом без практических последствий или полноценным «трамплином» для принятия конкретных решений⁴.

Итальянский взгляд

За время недолгого правления коалиции «совранистов» (июнь 2018 – август 2019 г.) с Францией у Италии сложились наиболее конфликтные отношения – от диаметрально противоположного понимания концепта «суверенитета» и будущего Европейского союза до поддержки противоборствующих сторон гражданской войны в Ливии, где Рим делал ставку на международно признанное правительство в Триполи, а Париж выступал на стороне мятежного маршала Х. Хафтара [Алексеенкова, 2019]. Трактат был призван положить конец разногласиям между трансальпийскими соседями, наносившими ущерб и европейской интеграции, и международной репутации ЕС. «Сегодня мы стали еще ближе», – констатировал М. Драги во время церемонии подписания документа [Dichiarazioni..., 2021].

Однако для Италии договор фиксирует не только качественное улучшение отношений с Францией, но и цементирует общую цель развития этих отношений – реформирование Европейского союза, парализованного множеством геополитических вызовов [Massolo, 2021]. Отвечая на эти вызовы, трактат должен «ускорить процесс европейской интеграции» [Dichiarazioni..., 2021], ведь, по словам прези-

¹ Le Traité du Quirinal. France Diplomatie. 2021. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/italie/relations-bilaterales/le-traite-du-quirinal/> (дата обращения: 10.01.2022)

² Tout arrive: Jean-Luc Mélenchon dit «bravo» à Emmanuel Macron. Libération. 03.12.2021. URL: https://www.liberation.fr/politique/tout-arrive-jean-luc-melenchon-dit-bravo-a-emmanuel-macron-20211203_ODN7DJEVXZGJCJEZSMXX7ESAHI/ (дата обращения: 10.01.2022)

³ Verzeroli M. Après le traité du Quirinal, quelle entente franco-italienne? IRIS. 10.12.2021. URL: <https://www.iris-france.org/163241-apres-le-traite-du-quirinal-quelle-entente-franco-italienne/> (дата обращения: 10.01.2022)

⁴ Traité du Quirinal: vers...

дента С. Матареллы, «укрепление сотрудничества между Италией и Францией должно иметь целью привести необходимые амбиции в ЕС». Европейское измерение, с точки зрения Рима, является ключевым элементом на пути от преодоления последствий пандемии к реализации экологического и цифрового перехода. Посредством этого договора Италия вступает в число государств-двигателей данного перехода, причастных к определению будущего ЕС и формированию общего целеполагания, и становится частью треугольника с Францией и Германией. По мнению статс-секретаря по делам Европы В. Амендолы [‘Perché ci serve la Francia’, 2021], договор с Парижем – дополнение к существующей солидной политической и экономической связке с Берлином. Германия, по его словам, имеет больше торговых связей с Ломбардией и Венето, чем с Южной Кореей или Канадой. Именно поэтому существенная экономическая взаимозависимость с Германией посредством трактата теперь уравнивается геополитическим союзом с Францией.

Вместе с тем, принимая во внимание особенности и традиции внешней политики Италии, стоит отметить, что вопрос собственного статуса имеет для Рима не меньшее значение. Многие исследователи современной итальянской дипломатии скептически отмечают, что «политика кресел» (*“la politica della sedia”*)¹ для Италии давно уже стала самостоятельной ценностью, подменяя собой конкретное содержание [Del Sarto, Tocci, 2008]. Смогут ли Италия и Франция наполнить подписанный трактат практическими решениями, покажет лишь время, но сегодня Рим представляет его именно как инструмент и возможность влияния на развитие европейской интеграции и будущее Европейского союза. Из текста самого документа, а также из того нарратива, который формируется в Италии вокруг его подписания, можно сделать несколько выводов о том, как Риму видится будущее ЕС и роль его лидеров.

Так, одной из ключевых концепций, которые отныне объединяют подходы Италии и Франции к будущему ЕС, стала «стратегическая автономия». Этот термин встречается в документе пять раз в контексте глобальных вызовов в сфере экономики (международной торговли, устойчивости, индустриальной политики, экономической и финансовой интеграции ЕС, конкуренции, двойного перехода, создания новых цепочек стоимости) и лишь один раз – в связке с обороной. На первый взгляд, такое прочтение не совсем совпадает с французским подходом, где обороне и внешней политике придается гораздо большее значение, и, напротив, в значительной мере коррелирует с подходом Германии. В частности, как поясняет В. Амендола, Италии не близки французские призывы к «европейскому суверенизму», а желаемое будущее ЕС видится как «открытая стратегическая автономия»,

¹ Под термином «политика кресел» понимают особенность внешней политики Италии, когда руководство страны больше заботится о присутствии в статусных международных переговорах, площадках, форматах, чем о фактическом содержании и результатах политики. Италию также часто критикуют за то, что она с чрезмерным энтузиазмом придерживается «дипломатии кейтеринга», т.е. организации и продвижения дипломатических мероприятий на высоком уровне в ущерб более глубокой и систематической выработке стратегии в отношении того или иного пункта международной повестки.

благодаря которой Европа должна восстановить свою конкурентоспособность по сравнению с другими глобальными игроками и занять то место на мировой арене, на которое она пока претендует лишь потенциально. Это как раз созвучно немецкой точке зрения, в соответствии с которой «стратегическая автономия означает необходимость производить или иметь в наличии при любых обстоятельствах те активы, которые являются стратегическими и могут стать дефицитными» [‘Vogliamo l’autonomia strategica’, 2021], т.е. это определенная независимость от глобального рынка, которая позволит обществу выжить за счет собственных ресурсов в кризисной ситуации.

Однако нельзя не заметить, что представления о таких инструментах достижения «стратегической автономии», как международная конкурентоспособность и самодостаточность, больше совпадают у Италии и Франции, нежели чем у Италии и Германии. Рим, как и Париж, исходит из того, что углубление экономической и финансовой интеграции ЕС – залог движения в правильном направлении. ЕС должен иметь инструменты спасения общими усилиями стран, находящихся в рецессии, и в этом смысле достигнутая в рамках плана «Следующее поколение ЕС» общность подходов к фискальной политике ЕС, по мнению итальянцев, должна стать лишь первым шагом в направлении стратегической автономии. Данный план стал прорывным, поскольку ему удалось преодолеть давние табу немецкой фискальной политики. Италии и Франции не удавалось продать идею общего долга стран ЕС с 2011 г., однако теперь у тандема Рим-Париж появился шанс усилить давление на Германию с тем, чтобы евробонды и приостановка действия «Пакта стабильности и роста» не были лишь временным решением. Невозвращение к политике жесткой экономики – в интересах государств Южной Европы, от лица которых выступают Италия и Франция.

Кроме того, инвестиции в зеленую экономику, цифровизацию и создание совместных цепочек стоимости должны способствовать укреплению общего экономического пространства ЕС и преодолению традиционных разногласий между странами юга и севера. Речь идет об общих инвестициях европейских ресурсов. По мнению Рима, кризис пандемии продемонстрировал, что углубление интеграции и взаимозависимости выгодно всем, и прежде всего самым передовым странам ЕС. Совместная задача Рима и Парижа – убедить в этом Северную Европу.

Заключение трактата также демонстрирует, что в Италии, как и во Франции, более благосклонно относятся к идее «разноскоростной Европы», чем в Берлине. Еще вступая в должность, М. Драги говорил о необходимости «более интенсивного обмена с партнерами, с которыми наша экономика более интегрирована», а также «с государствами, с которыми мы разделяем общность в Средиземноморском регионе» [Le comunicazioni..., 2021]. Комментируя Квиринальский договор, вышеупомянутый В. Амендола отметил, что хотя все страны должны двигаться в одном направлении, есть те, кто уже сейчас готов к большему сотрудничеству, как и лидеры, готовые совмещать национальные интересы с европейским видением. В контексте смены руководства в Германии такими лидерами на общеевропейской арене остаются Э. Макрон и М. Драги. Именно им, считает В. Амендола, предстоит «определить несколько инновационных статей расходов, которые мож-

но использовать для достижения стратегической автономии ЕС» – главным образом, это климатическая нейтральность и устойчивая экономика [‘Perché ci serve la Francia’, 2021].

В этой связи необходимо оговориться, что двусторонний трактат между Италией и Францией не подменяет собой коллективные принятия в ЕС, но формирует институциональные каналы и неформальные механизмы консультаций, предваряющих этап общих обсуждений по ключевым вопросам повестки Евросоюза. Однако значение имеет не только то, что к многостороннему уровню взаимодействия в рамках ЕС добавляется еще один – двусторонний межправительственный (с заключением Ахенского, а теперь и Квиринальского договора), но и то, как это будет воспринято другими членами Союза. Например, один из итальянских экспертов считает, что «документ имплицитно является беспощадным обвинительным актом» для ЕС, поскольку посредством него Италия и Франция намереваются реализовать и достичь того, чего не смог добиться ЕС. Поэтому трактат стал своего рода «средством от недостатков и неадекватности ЕС» [Camporini, 2021]. Не возникнет ли аналогичных мыслей у других государств-членов ЕС – вопрос на данный момент открытый.

Что касается отдельных направлений франко-итальянского сотрудничества, то, например, в сфере обороны договор фиксирует довольно умеренные амбиции сторон, используя мягкие формулировки и делая все рутинные отсылки к документам НАТО о комплементарности европейской безопасности по отношению к Альянсу. Из институциональных нововведений указан лишь двусторонний совет по модели «2+2», в который войдут министры иностранных дел и обороны. Сам Э. Макрон на совместной пресс-конференции говорил об «укреплении европейской опоры НАТО», тем самым нивелируя свои недавние высказывания о «смерти мозга» Альянса; М. Драги также указывал на «построение настоящей европейской обороны, которая, естественно, дополняет НАТО, а не заменяет» [Dichiarazioni alla stampa..., 2021].

Одновременно с этим руководство обоих государств согласилось нести совместные обязательства на театрах военных действий и в кризисных зонах, уделяя особое внимание Средиземноморью, Сахелю и Гвинейскому заливу. К моменту подписания трактата такое сотрудничество действительно поступательно развивалось. В частности, в 2020 г. Италия присоединилась к инициированной Францией операции «Такуба», и, направив контингент в 200 человек, стала вторым по численности состава участником миссии. В целом это соответствует итальянскому стремлению укрепить свои позиции в Сахеле, содействуя решению проблем безопасности в регионе, влекущих за собой угрозы нелегальной миграции и преступной торговли людьми. Предыдущий премьер-министр Дж. Конте совершал визиты в Чад и Нигер; эту практику продолжили министр иностранных дел Л. ди Майо и министр обороны Л. Гуэрини. В последние годы в регионе было открыто несколько итальянских посольств: в 2017 г. – в Нигере, в 2020 г. – в Мали, планируется открытие в Чаде. Все более широкое присутствие Италии в Сахеле показывает готовность Рима представить себя как политико-дипломатического, а при необходимости и как военного актора.

Кроме того, с подписанием Квиринальского договора у Италии появилась надежда на преодоление разногласий практического характера и в Средиземноморье. Развитие событий в Ливии в 2020–2021 гг. убедило итальянское руководство в том, что конкуренция и неспособность европейских держав договориться между собой снижают эффективность политики ЕС в регионе и мешают усилиям отдельных стран, включая саму Италию [Алексеенкова, 2022], тогда как другие игроки, особенно Анкара, наращивают присутствие. Та же ситуация наблюдается в Сирии, где отсутствие скоординированной политики стран ЕС контрастируют с активностью Турции и России. В Италии теперь четко осознают, что необходимы более активные действия по продвижению средиземноморской повестки в ЕС, что естественным образом подталкивает к сближению с Францией. Как замечает эксперт института IAI Н. Точчи, «стратегическая автономия – это единство, сила и устойчивость, а глобальная роль ЕС начинается дома» [Тосси, 2021]. Позитивным сигналом на данном направлении с итальянской точки зрения служит совместный визит делегации Рима, Парижа и Берлина в Ливию в марте 2021 г., послуживший первым шагом к объединению усилий. Также в Риме рассчитывают на сотрудничество с Францией в вопросах развития торгового флота и портовой инфраструктуры в Средиземноморье. Для придания веса инициативам средиземноморских стран ЕС в Италии надеются на подключение Германии к формату Med7 (Италия, Франция, Испания, Греция, Мальта, Кипр, Португалия).

Однако на текущем этапе не очевидно, что Рим и Париж смогут без проблем сотрудничать в Средиземноморье. Франция смотрит на Ливию через призму Сахеля и борьбы с исламистским терроризмом, а Италия делает акцент на Триполитании как на привилегированной зоне влияния и источнике миграционных потоков. Квиринальский договор не затронул экономические разногласия Парижа и Рима по Ливии, связанные с конкуренцией за нефтяные месторождения между компаниями *Total* и *Eni*, проекты в машиностроении и инфраструктуре. Также будет сложно достичь общей позиции по Турции. Хотя М. Драги негативно отзывался о Р. Эрдогане как о диктаторе, Рим до сих пор довольно мягко относился к Анкаре, приветствуя инвестиции Турции в порт Таранто и не разделяя лобового противостояния, продвигаемого Францией в 2020 г. Кроме того, отношения Рима и Парижа с Анкарой находятся в прямой зависимости от позиции Вашингтона. Если администрация Дж. Байдена будет достаточно мягкой по отношению к туркам, то франко-итальянское сближение в этом вопросе также весьма вероятно. Не стоит забывать, что оба государства, как и треугольник Германия-Италия-Франция в целом, весьма заинтересованы в поддержании диалога с Анкарой по вопросам миграции и сдерживания России.

Трактат дает возможность Италии развивать сотрудничество с Францией, а впоследствии, вероятно, и с Германией, в сфере оборонных предприятий, с расчетом на институциональную и финансовую поддержку ЕС. В документе сказано об установлении производственных партнерств в конкретных военных секторах, а также о совместных проектах в контексте Постоянного структурированного сотрудничества (PESCO) при поддержке Фонда европейской обороны, с бюджетом 7,9 млрд долл. до 2027 г. Вероятно, диалог в сфере обороны будет направлен в первую оче-

редь на преодоление конкуренции континентальных производителей между собой и с их заокеанским партнером по вопросам производства отдельных видов вооружений.

Помимо военно-политических сюжетов, значимым для итальянской стороны аспектом трактата стало признание необходимости промышленной кооперации. В Италии существует определенное недовольство, что французские предприятия охотно поглощают итальянские, но при этом не допускают обратного [Sunsri, 2021]. Достаточно упомянуть несостоявшуюся сделку между итальянским гигантом *Fincantieri* и французской *STX*, которая стала крупным медийным и политическим событием в Италии, всколыхнувшим волну антифранцузских настроений. На Апеннинах работает более 3 тыс. французских фирм, в то время как во Франции – лишь 1,7 тыс. итальянских [Alcaro, 2021]. Конкуренция компаний двух стран ощущается также и на внешних рынках, в частности, в Африке. Однако с подписанием трактата, надеются в Риме, отношения между экономическими субъектами будут выстраиваться на более равноправной основе. Договор, по мнению Италии, будет способствовать развитию сотрудничества в области автомобилестроения, микроэлектроники, аэрокосмической отрасли и сферы облачных сервисов. С Германией отношения в производственной сфере у Италии более структурированы с точки зрения выстраивания цепочек добавленной стоимости, поэтому в Риме надеются, что договор поможет приблизиться к такому же уровню кооперации и с Францией. По словам советника М. Драги А. Арезу, «никакая индустриальная стратегия на двустороннем или континентальном уровне не сработает без ткани доверия. В этом случае сопротивление интеграции будет превалировать, и европейский рынок не будет иметь автономного промышленного управления, а станет лишь аренной стратегической конкуренции США и Китая» [Aresu, 2021].

В обеих столицах уверены в необходимости ориентировать экономическую модель ЕС на реиндустриализацию. Ее предполагается осуществить, во-первых, наладив производственную кооперацию для создания общерегиональных образцов в сфере передовых технологий (космос, искусственный интеллект, квантовые вычисления, робототехника, микрочипы); во-вторых, совместно усилив контроль над инвестициями в стратегические отрасли на уровне ЕС, в том числе с участием Германии. Итальянское руководство ожидает, что трактат будет способствовать сближению инвестиционных норм и правил как внутри ЕС, так и особенно во взаимодействии с внешними партнерами. В частности, в Риме не скрывают, что расширение в 2020 г. практики применения «золотого правила» о необходимости правительственного одобрения зарубежных вложений в стратегические секторы – это полное следование французскому подходу. В течение 2021 г. данное правило уже несколько раз было применено М. Драги в отношении китайских инвесторов [Алексеевкова, 2021]. Трактат закрепляет готовность Рима и впредь действовать максимально согласованно и осторожно в вопросах контроля за иностранными инвестициями и предотвращения «агрессивной конкуренции» (именно такой термин присутствует в документе). Данный факт едва ли вызвал энтузиазм в Пекине, поскольку тандем Италии и Франции, вероятно, будет активнее подталкивать Берлин к тому, чтобы по их примеру еще больше ужесточать правила доступа ки-

тайского капитала в ЕС. Судя по недавно принятым немцами мерам по недопуску китайских инвесторов в итальянский порт Триест [Алексеенкова, 2021], Берлин готов прислушаться к Риму и Парижу и предпринимать шаги в защиту стратегических активов ЕС.

* * *

Анализ интересов Италии и Франции и Квиринальского трактата показывает, что Париж и Рим несколько по-разному подошли к его подписанию. Французское руководство столкнулось с необходимостью придать дополнительный импульс своей европейской политике, вновь обозначить свою претензию на лидерство в ЕС после того, как ряд предыдущих инициатив Э. Макрона не достиг цели. Для Италии даже больше, чем для Франции, значение данного договора выходит далеко за рамки двусторонних отношений и ценно именно своим общеевропейским измерением. В глазах Рима этот документ – возможность восстановить свою репутацию на европейской арене, подорванную «правительством перемен» в 2018–2019 гг., и утвердиться в тройке лидеров ЕС после выхода Британии. Вместе с тем, стороны признали необходимость в стратегической автономии Евросоюза и совпали в оценках путей ее достижения, сделав ставку на более тесную финансовую и промышленную кооперацию. С подписанием трактата увеличились шансы на то, что Франция и Италия будут чаще выступать как союзники, а не конкуренты, в военно-политических вопросах, включая ситуацию в Средиземноморье и Африке.

Следует заключить, что Квиринальский договор является важной вехой на пути формирования нового политического ядра ЕС – «треугольника» Берлин–Париж–Рим. Такая коалиция вряд ли будет оспаривать полномочия многосторонних институтов Евросоюза, но может попытаться действовать как двигатель интеграционного процесса на наиболее значимых направлениях, как механизм смягчения напряженности между северными и южными членами ЕС. Создание подобного формата кооперации становится еще более насущным по мере усложнения вызовов, стоящих перед европейскими странами (в т.ч. из-за ситуации на Украине и последствий антироссийских санкций для самих европейцев). Тем не менее будущее «треугольника», как и Квиринальского соглашения, будет зависеть от того, сумеют ли страны-участницы наполнить его конкретным содержанием в виде значимых инициатив и проектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеенкова Е.С. (2021) Италия в тисках американо-китайского противостояния. Европейская аналитика 2021. ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, Москва. С. 98–108. DOI: 10.15211/978-5-98163-178-8

Алексеевкова Е. (2022) Италия в Средиземноморье: дилеммы “средней державы”. *Мировая экономика и международные отношения*. № 1. С. 80–90. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-1-80-90>

Алексеевкова Е.С. (2019) Италия и Франция: конфликт по вопросу будущего ЕС. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 1 (7). С. 36–42. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran120193642>

Макрон Э. (2019) *Революция*. Издательство Московского университета, Москва, Россия, 264 с.

Рубинский Ю.И., Синдеев А.А. (2019) От Елисейского к Ахенскому договору. *Современная Европа*. № 2. С. 18–26. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220191826>

Фёдоров С.М. (2018) «План Макрона» для Европы: новый старт европейского проекта в XXI веке? *Современная Европа*. № 6 (85). С. 30–40. DOI: 10.15211/soveurope620183039

Фёдоров С.М. (2021) «Европейский проект» Макрона: четыре года спустя (французские планы и реалии Евросоюза). *Современная Европа*. № 5 (105). С. 68–78. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520216878>

Alcaro R. The Italy–France Treaty is an Example of Wise Diplomacy. IAI Joint Papers. 22.12.2021. URL: <https://www.iai.it/it/pubblicazioni/italy-france-treaty> (accessed: 05.02.2022)

Aresu A. Pour une nouvelle intégration économique franco-italienne // *Le Grand Continent*, 12 January 2021. URL: <https://legrandcontinent.eu/fr/2021/01/12/integration-economique-franco-italienne/> (accessed: 14.02.2022).

Camporini V. L’ottimismo (cauto) del trattato del Quirinale. Scrive il gen. Camporini. *Formiche.it*. 28.11.2021. URL: <https://formiche.net/2021/11/lottimismo-cauto-del-trattato-del-quirinale-scrive-il-gen-camporini/> (accessed: 10.02.2021)

Darnis J.-P. (2020) Une vision stratégique des relations franco-italiennes: vers une traité bilatéral? *Note de la FRS*, No 56, 12 p.

Del Sarto R., Tocci N. (2008) 'Italy's politics without policy: Balancing Atlanticism and Europeanism in the Middle East', *Modern Italy*, No 13:2, pp. 135–153.

Dichiarazioni alla stampa Draghi – Macron. *Governo.it*. 26.11.2021. URL: <https://www.governo.it/it/articolo/dichiarazioni-alla-stampa-draghi-macron/18667> (accessed: 18.02.2022)

Kempin R. (ed.) (2021) Feance’s Foreign and Security Policy under President Macron. *SWP Research Paper*. No 4, 51 p. DOI: 10.18449/2021RP04

Le comunicazioni del Presidente Draghi al Senato. 17.02.2021. URL: <https://www.governo.it/it/media/le-comunicazioni-del-presidente-draghi-al-senato/16226> (accessed: 12.02.2022).

Marafona M. (2021) European Reactions to AUKUS and Implications for EU Strategic Autonomy. *IAI Joint Brief*. No 5. 7 p.

Massolo G. Italia-Francia: un messaggio per Bruxelles. *ISPI*. 27.11.2021. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/italia-francia-un-messaggio-bruxelles-32470> (accessed: 17.02.2022).

‘Perché ci serve la Francia’. Conversazione con Vincenzo Amendola, sottosegretario di Stato alla presidenza del Consiglio per gli Affari europei. *Limes*, No 4, 2021.

Sunsri N. L'Italia è in vendita, i francesi guidano l'assalto ai nostri gioielli // *Il Quotidiano del Sud*. 22.01.2021. URL: <https://www.quotidianodelsud.it/laltravoce-dellitalia/le-due->

italie/economia/2021/01/22/litalia-e-in-vendita-i-francesi-guidano-lassalto-ai-nostri-gioielli/ (accessed: 17.02.2022)

Tocci N. European Strategic Autonomy: What It Is, Why We Need It, How to Achieve It. Istituto Affari Internazionali. Roma, 2021. URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/9788893681780.pdf> (accessed: 03.02.2021)

Traité du Quirinal: vers un nouvel équilibre européen? Institut Montaigne. 03.12.2021. URL: <https://www.institutmontaigne.org/blog/traite-du-quirinal-vers-un-nouvel-equilibre-europeen> (accessed: 09.01.2022)

Verzeroli M. Après le traité du Quirinal, quelle entente franco-italienne? IRIS. 10.12.2021. URL: <https://www.iris-france.org/163241-apres-le-traite-du-quirinal-quelle-entente-franco-italienne/> (accessed: 10.01.2022)

‘Vogliamo l’autonomia strategica’. Conversazione con Herfried Münkler, professore di Teoria della politica all’Università Humboldt di Berlino. Limes, No 4, 2021.

The Quirinal Treaty: Bilateral Agreement on the EU’s Future?

E.S. Alekseenkova *

Candidate of Science (Politics)

Department of the Black Sea Region and the Mediterranean Studies

Centre for Italian Studies

Institute of Europe RAS. 11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009.

***E-mail:** alekseenkovaes@gmail.com

A.Yu. Chikhachev *

Candidate of Science (Politics)

Saint-Petersburg State University. 7-9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, Russia, 199034.

***E-mail:** alexchikhachev@gmail.com

Abstract. The article examines the Treaty of Quirinal signed by Italy and France on November 26, 2021, exploring its significance for their bilateral relations and European integration. The authors analyze the arguments of both sides in favor of the Treaty, and also argue that the document contributes to the formation of the triangle of France, Germany and Italy. It changes the balance of relations within the European Union in the context of the current multiple geopolitical and economic challenges. The study shows the significance of the document for the development of the EU’s internal discussion on “strategic autonomy”, as well as the prospects for the formation of a new “core” of the Union, which has an ambition to play the role of an “integration engine” in the field of double transition, sustainability and common defense policy. The Treaty does not challenge the institutional dimension of the Union; nevertheless it is vulnerable to criticism as a manifestation of failure of multilateralism. Also the document is perceived as a means to avoid aggressive competition and disunity within the EU’s policy towards its southern neighbors.

Key words: France, Italy, Quirinal Treaty, European Union, European integration, Emmanuel Macron, Mario Draghi.

DOI: 10.31857/S0201708322030032

EDN: GEUIUF

REFERENCES

Alekseenkova E. (2022) Italiya v Sredizemnomor'e: dilemmy "crednej derzhavy" [Italy in the Mediterranean: the "Middle Power" Dilemmas]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 66, No. 1, pp. 80–90. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-1-80-90> (in Russian).

Alekseenkova E.S. (2021) Italiya v tiskah amerikano-kitajskogo protivostoyaniya [Italy grasped by US-China rivalry] *Evropejskaya analitika* 2021. IE RAN; SPb.: Nestor-Istoriya, Moscow, pp. 98–108. DOI 10.15211/978-5-98163-178-8 (in Russian).

Alekseenkova E.S. (2019) Italiya i Franciya: konflikt po voprosu budushchego ES [Italy and France: conflicting over the future of the EU]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*. No. 1, pp. 36–42. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran120193642> (in Russian).

Alcaro R. The Italy–France Treaty is an Example of Wise Diplomacy. IAI Joint Papers. 22.12.2021. URL: <https://www.iai.it/it/publicazioni/italy-france-treaty> (accessed: 05.02.2022)

Aresu A. Pour une nouvelle intégration économique franco-italienne // Le Grand Continent, 12 January 2021. URL: <https://legrandcontinent.eu/fr/2021/01/12/integration-economique-franco-italienne/> (accessed: 14.02.2022).

Camporini V. L'ottimismo (cauto) del trattato del Quirinale. Scrive il gen. Camporini. Formiche.it. 28.11.2021. URL: <https://formiche.net/2021/11/lottimismo-cauto-del-trattato-del-quirinale-scrive-il-gen-camporini/> (accessed: 10.02.2021)

Darnis J.-P. (2020) Une vision stratégique des relations franco-italiennes: vers une traité bilatéral? *Note de la FRS*, No 56, 12 p.

Del Sarto R., Tocci N. (2008) 'Italy's politics without policy: Balancing Atlanticism and Europeanism in the Middle East', *Modern Italy*, No 13:2, pp. 135–153.

Dichiarazioni alla stampa Draghi – Macron. Governo.it. 26.11.2021. URL: <https://www.governo.it/it/articolo/dichiarazioni-alla-stampa-draghi-macron/18667> (accessed: 18.02.2022)

Fedorov S.M. (2018) "Plan Makrona" dlya Evropy: novyi start evropeiskogo proekta v XXI veke? ["Macron's Plan" for Europe: a New Start for the European Project in XXI Century?]. *Sovremennaya Evropa*. No 6 (85), pp. 30–40. DOI: 10.15211/soveurope620183039 (in Russian).

Fedorov S.M. (2021) "Evropeiskii proekt" Makrona: chetyre goda spustya (frantsuzskie plany i realii Evrosoyuzha) [Macron's "European Project": Four Years Later (French Plans and the Realities of the European Union)]. *Sovremennaya Evropa*. No 5 (105), pp. 68–78. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520216878> (in Russian).

Kempin R. (ed.) (2021) France's Foreign and Security Policy under President Macron. *SWP Research Paper*. No 4, 51 p. DOI: 10.18449/2021RP04

Le comunicazioni del Presidente Draghi al Senato. 17.02.2021. URL: <https://www.governo.it/it/media/le-comunicazioni-del-presidente-draghi-al-senato/16226> (accessed: 12.02.2022).

Macron E. (2019) *Revolutsiya [Revolution]*. Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia, 264 p. (in Russian).

Marafona M. (2021) European Reactions to AUKUS and Implications for EU Strategic Autonomy. *IAI Joint Brief*. No 5. 7 p.

Massolo G. Italia-Francia: un messaggio per Bruxelles. ISPI. 27.11.2021. URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/italia-francia-un-messaggio-bruxelles-32470> (accessed: 17.02.2022).

‘Perché ci serve la Francia’. Conversazione con Vincenzo Amendola, sottosegretario di Stato alla presidenza del Consiglio per gli Affari europei. *Limes*, No 4, 2021.

Rubinskiy Yu.I., Sindeev A.A. (2019) Ot Eliseiskogo k Akhenskomu dogovoru [From the Elysee Treaty to the Aachen Treaty]. *Sovremennaya Evropa*. No 2, pp. 18–26. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220191826> (in Russian).

Sunsri N. L'Italia è in vendita, i francesi guidano l'assalto ai nostri gioielli // *Il Quotidiano del Sud*. 22.01.2021. URL: <https://www.quotidianodelsud.it/laltravoce-dellitalia/le-due-italie/economia/2021/01/22/litalia-e-in-vendita-i-francesi-guidano-l-assalto-ai-nostri-gioielli/> (accessed: 17.02.2022)

Tocci N. European Strategic Autonomy: What It Is, Why We Need It, How to Achieve It. Istituto Affari Internazionali. Roma, 2021. URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/9788893681780.pdf> (accessed: 03.02.2021)

Traité du Quirinal: vers un nouvel équilibre européen? Institut Montaigne. 03.12.2021. URL: <https://www.institutmontaigne.org/blog/traite-du-quirinal-vers-un-nouvel-equilibre-europeen> (accessed: 09.01.2022)

Verzeroli M. Après le traité du Quirinal, quelle entente franco-italienne? *IRIS*. 10.12.2021. URL: <https://www.iris-france.org/163241-apres-le-traite-du-quirinal-quelle-entente-franco-italienne/> (accessed: 10.01.2022)

‘Vogliamo l'autonomia strategica’. Conversazione con Herfried Münkler, professore di Teoria della politica all'Università Humboldt di Berlino. *Limes*, No 4, 2021.

УДК 327

АРКТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ПОЛИТИКИ ЕС

© 2022 ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич *

Доктор политических наук

Дипломатическая академия МИД России.

119021, Россия, Москва, Остоженка ул., 53/2-1;

Российский университет дружбы народов.

117198, Россия, Москва, Миклухо-Маклая ул., 6.

**E-mail: serg.serg56@mail.ru*

Поступила в редакцию 16.01.2022

После доработки 11.03.2022

Принята к публикации 15.03.2022

Аннотация. В статье дана оценка политики ЕС в Арктике в условиях глобальной конкуренции в регионе. Проанализированы новые подходы ЕС в отношении региона, который играет все большую роль во внешнеполитическом курсе европейского объединения. Сделан вывод, что политика Евросоюза в Арктике носит двойственный характер. Заявляя о приверженности многостороннему сотрудничеству, готовности взаимодействовать по широкому кругу проблем региона, ЕС в то же время стал занимать более жесткие позиции. Союз стремится выступать в качестве одного из ключевых участников при принятии решений в отношении Арктики. Попытки доминирования в решении региональных проблем прослеживаются в экологической проблематике. Основным подходом в политике ЕС в Арктике стало использование проблемы экологии для продвижения своих интересов и оказания влияния на политику других государств. В этом контексте в статье исследовано влияние политики декарбонизации, которую реализует Евросоюз, а также возможные последствия такой политики для многостороннего взаимодействия в Арктике.

Ключевые слова: ЕС, Арктика, экология, углеводородные ресурсы, европейские государства.

DOI: 10.31857/S0201708322030044

EDN: GEZAON

В 2021 г. ЕС усилил свою политику в Арктике. Основные аргументы Евросоюза в пользу активного участия в Арктике сводятся к следующим доводам: загрязнение окружающей среды в этом регионе имеет негативное влияние на жизнь европейцев и автохтонных народов, проживающих на территории Союза; необходимо брать на

себя ответственность за свои загрязнения в регионе (ЕС является одним из загрязнителей региона по количеству парниковых выбросов и черного углерода); Евро-союз обладает технологиями, в т.ч. для безопасной и устойчивой работы в подобных климатических условиях, и поэтому способен смягчить негативные последствия загрязнения окружающей среды; за Полярным кругом живут народы, которые имеют культурные связи с финскими и шведскими коренными народами [Маслова, 2021: 52].

Интерес Европейского союза к Арктике определяют долгосрочные интересы, которые формировались на протяжении длительного времени. В то же время реальные возможности ЕС в регионе пока ограничены. Это связано со слабой координацией арктической политики европейских государств со стратегией ЕС. Кроме того, ЕС не входит в Арктический совет, хотя отдельные европейские государства являются его членами (в ЕС входят приарктические государства Дания, Швеция и Финляндия). Кроме того, в качестве наблюдателей в Арктический совет входят Германия, Нидерланды, Франция, Италия, Испания и Польша. Большинство из этих стран разработали и приняли собственные документы об Арктике [Zhiltsov, 2021: 275].

Политика ЕС формировалась в несколько этапов, каждый из которых подкреплен соответствующими документами. На подходы ЕС к реализации политики в Арктике оказало влияние геополитическое соперничество. Установка Россией в 2007 г. флага на дне Северного Ледовитого океана (на Северном полюсе) открыла новый этап борьбы за Арктику [Зонн, 2017: 31]. В результате в 2008 г. был опубликован документ «Европейский союз и Арктический регион»¹, в котором отражены цели политики ЕС. Они сводились к защите и сохранению региона и его коренного населения, содействию устойчивому использованию ресурсов и усилению многостороннего управления². В тот период закладывались основы новой сырьевой дипломатии ЕС в Арктике [Biedermann, 2021: 473].

Изменения климата и связанные с ним глобальные вызовы, вопросы безопасности стали основой и одновременно аргументом для старта арктической политики Брюсселя [Данилов, 2017: 20]. Усиление внимания к Арктике ЕС обосновывал изменениями климата. За период 1975–2005 гг. площадь морских льдов сократилась на 10–15% [Кондратов, 2016: 19], что усилило внимание к проведению научных исследований в регионе.

В последующие годы европейская политика была конкретизирована в ряде документов, например, «Развитие политики ЕС в отношении Арктического региона» (2012 г.)³. В нем отмечалась необходимость внедрения на морском транспорте и в

¹ Communication from the Commission to the European Parliament and the Council. The European Union and the Arctic Region. Brussels, 20.11.2008. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/arctic_region/docs/com_08_763_en.pdf (дата обращения: 17.12.2021)

² Там же.

³ Joint Communication to the European Parliament and the Council. Developing a European Union Policy towards the Arctic Region: progress since 2008 and next steps. 2012. 26 June. URL:

горной промышленности технологий, направленная на сохранение окружающей среды¹. В 2013 г. выпущена директива ЕС, посвященная безопасности морских нефтегазовых операций [Langlet, 2018: 370], в которой подчеркивалось, что риски, связанные с морскими нефтяными или газовыми авариями, могут иметь разрушительные и необратимые последствия².

Затем была принята «Стратегия ЕС для Арктики»³ (12 марта 2014 г.), а также «Развитие политики ЕС в отношении Арктического региона»⁴ (12 мая 2014 г.). Союз последовательно разрабатывал арктическую повестку, позиционируя себя в качестве потенциального участника решения проблем региона. В то же время целостной политики в Арктике в тот период выработано не было. Представленные с 2008 г. документы в большей мере напоминали набор приоритетов. При этом ЕС настойчиво добивался статуса наблюдателя в Арктическом совете. Однако эти усилия заблокировали Канада и Россия [Тулупов, Царенко, 2019: 84].

ЕС усиливает внимание к Арктике

Новый этап арктической политики ЕС начался в 2016 г., когда вышел документ «Комплексная арктическая политика ЕС»⁵. Как и раньше акцент был сделан на защите окружающей среды и контроле за климатическими изменениями. Документ обращал внимание на реализацию научных исследований в Арктике и расширение сотрудничества с другими государствами. Также ЕС продолжил курс на реализацию научных исследований⁶, накопление научной информации и обеспечение прав малых народов [Chuffart, Rasputnik, 2019: 158].

https://eeas.europa.eu/archives/docs/arctic_region/docs/join_2012_19.pdf (дата обращения: 17.12.2021)

¹ ЕС представил ориентиры более активного внедрения в дела Арктики. 2012. 3 июля. URL: <https://vz.ru/news/2012/7/3/586729.html> (дата обращения: 23.12.2021).

² Directive 2013/30/EU of the European Parliament and of the Council of 12 June 2013 on safety of offshore oil and gas operations and amending Directive 2004/35/EC. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32013L0030&from=EN> (дата обращения: 23.12.2021)

³ European Parliament Resolution on the EU strategy for the Arctic. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-7-2014-0236_EN.pdf?redirect (дата обращения: 14.12.2021)

⁴ Council conclusions on developing a European Union Policy towards the Arctic Region. 2014. 12 May. URL: https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/EN/foraff/142554.pdf. (дата обращения: 10.11.2021).

⁵ Joint Communication to the European Parliament and the Council. An integrated European Union policy for the Arctic. Brussels, 27.4.2016. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/arctic_region/docs/160427_joint-communication-an-integrated-european-union-policy-for-the-arctic_en.pdf (дата обращения: 21.12.2021)

⁶ Там же.

Разработка арктического курса ЕС осуществлялась одновременно с принятием документов отдельными европейскими странами – наблюдателями в Арктическом совете [Дорошенко, 2020: 439]. Однако «Комплексная арктическая политика ЕС» не определила взаимодействие европейских стран и ЕС в целом и не дала ответа относительно деятельности на различных форумах, включая Арктический совет [Langlet, 2018: 370], хотя в нем и действуют группы, деятельность которых направлена на сохранение экологии и создания условий для устойчивого развития [Журавель, 2021: 91].

Помимо «Комплексной арктической политики ЕС» приняты: совместное коммюнике Европейской комиссии «Интегрированная политика ЕС в Арктике» (26 июня 2016 г.)¹ и резолюция Европарламента (16 марта 2017 г.)². Документы конкретизировали ключевые положения политики Евросоюза, который стал первым внерегиональным актором, выработавшим концептуальные основы своей политики в регионе [Тулупов, 2019: 83].

ЕС намерен сделать Арктику «зеленой»

Несмотря на принятия различных документов политике ЕС в Арктике не хватало конкретики. Кроме того, она была слабо связана со стратегией развития Союза, который активно продвигал идею создания «зеленой экономики». В условиях усиления экономической и геополитической конкуренции в Арктике и исходя из стремления играть большую роль в регионе, Совет ЕС по общим вопросам на заседании 9 декабря 2019 г. предложил запустить процесс обновления политики в этом регионе, обосновывая это, в частности, необходимостью реагировать на климатические изменения (в 2018 г. из-за глобального потепления практически исчез многолетний арктический ледяной покров)³. В итоге ЕС усилил внимание к Арктике [Biedermann, 2020: 178].

Обновление арктической политики ЕС по времени совпало с разработкой «Европейской зеленой сделки»⁴, обнародованной 11 декабря 2019 г. Документ предполагал реализацию комплекса мер, которые должны к 2050 г. сделать Евросоюз углеродно-нейтральным регионом. К 2030 г. выбросы парниковых газов планируется

¹ Joint Communication to the European Parliament and the Council. An integrated European Union policy for the Arctic. Brussels, 27.4.2016. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/arctic_region/docs/160427_joint-communication-an-integrated-european-union-policy-for-the-arctic_en.pdf (дата обращения: 24.12.2021)

² An integrated EU policy for the Arctic. European Parliament resolution of 16 March 2017 on an integrated European Union policy for the Arctic (2016/2228(INI)) URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2017-0093_EN.pdf?redirect (дата обращения: 18.12.2021)

³ Осталось 12 лет. Катастрофическое таяние полюсов. 2018. 18 октября. URL: <https://korrespondent.net/tech/science/4023543-ostalov-12-let-katastroficheskoe-taianye-poluisov> (дата обращения: 12.12.2021)

⁴ A European Green Deal. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (дата обращения: 23.12.2021)

снизить на 50% по сравнению с 1990 г., а страны ЕС ежегодно должны выделять 1–2% своего ВВП на развитие «зеленой экономики»¹.

«Зеленая сделка» представляла собой не только набор мер, направленных на улучшение климата. Речь идет о внедрении мощного инструмента политического и экономического влияния в долгосрочной перспективе, в том числе в Арктике. В целом ЕС стремится сформулировать задачи, рассчитанные на длительный период времени². Тем самым «Европейский союз все больше концентрирует внимание на геополитическую динамику региона»³.

В 2021 г. ЕС продолжил курс на формирование климатически нейтральной экономики. В феврале появился документ «Создание климатоустойчивой Европы – новая стратегия ЕС по адаптации к изменению климата»⁴. Поставлена задача снизить выбросы парниковых газов не менее чем на 55% к 2030 г.⁵ Данные усилия рассматривались в контексте климатических изменений в Арктике. Тем более что «Союз все большее внимание уделял вопросам реализации инфраструктурных проектов, которые должны осуществляться с учетом изменений климата»⁶.

В мае Евросоюз представил документ «Путь к здоровой планете для всех: к нулевому загрязнению воздуха, воды и почвы»⁷, призвав все арктические государства обеспечить переход к возобновляемым источникам энергии, сократить использование дизельного топлива и выбросы черного углерода (сажи) с целью уменьшения негативного воздействия на климат⁸.

В рамках курса на достижение климатической нейтральности летом 2021 г. ЕС принял очередной документ⁹, который подтвердил задачу стать климатически

¹ Хайнацкая Т. «Европейская зеленая сделка: первая годовщина». 17 декабря 2020. URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/evropeyskaya-zelenaya-sdelka-pervaya-godovshchina> (дата обращения: 23.12.2021)

² The EU's Arctic Policy: Between Vision and Reality. Adam Stępień and Andreas Raspotnik. 2019. August. URL: https://www.coleurope.eu/sites/default/files/research-paper/stepien_raspotnik_cepob_5-19_0_0.pdf (дата обращения: 18.12.2021)

³ Raspotnik A. A Quantum of Possibilities: The Strategic Spectrum of the EU's Arctic Policy. Centre for European Policy Studies, December 17, 2020. URL: <https://www.ceps.eu/a-quantum-of-possibilities/> (дата обращения: 10.12.2021)

⁴ Communication from the Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee of the Regions. Forging a climate-resilient Europe - the new EU Strategy on Adaptation to Climate Change. Brussels, 24.2.2021 <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52021DC0082&from=EN> (дата обращения: 17.12.2021)

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Communication from the Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee of the Regions. Pathway to a Healthy Planet for All EU Action Plan: «Towards Zero Pollution for Air, Water and Soil». Brussels, 12.5.2021. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:a1c34a56-b314-11eb-8aca-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 16.12.2021)

⁸ Там же.

⁹ Regulation (EU) 2021/1119 of the European Parliament and of the Council of 30 June 2021. establishing the framework for achieving climate neutrality and amending Regulations (EC). URL:

нейтральным регионом к 2050 г. Предложения по снижению выбросов увязывались с политикой в Арктике, к которой ЕС продолжал усиливать свое внимание. Для достижения согласованных экологических целей в странах ЕС потребуется дополнительно инвестировать 100–150 млрд евро ежегодно до 2030 г.¹

Политика ЕС опиралась на выводы различных международных организаций и экспертов. В августе 2021 г. был опубликован доклад, в котором отмечалось, что еще есть шанс избежать неблагоприятного варианта изменения климата². Хотя остановить глобальное потепление, как признавали авторы, в ближайшие 30 лет не получится, тем не менее есть шанс избежать наихудший сценарий.

Наряду с ЕС, научные исследования расширяют научные центры отдельных стран. Так, исследователи Гамбургского университета и института Макса Планка установили, что сохранение сложившихся темпов выбросов парниковых газов приведет к высвобождению миллионов тонн углерода³.

Исходя из задач по кардинальному изменению европейской экономики, «зеленая сделка» окажет сильное влияние на политику ЕС, в том числе в Арктике. В то же время на ЕС приходится менее 10% глобальных выбросов парниковых газов. Соответственно, в масштабах планеты их снижение большого эффекта не принесет. Поэтому ЕС намерен продвигать многосторонние соглашения, в которых должна найти отражение европейская политика в сфере парниковых газов. В частности, требование соблюдать строгие экологические нормы в качестве условия доступа на рынок ЕС станет стимулом для стран-экспортеров для экологизации своих производственных процессов [Leonard, Pisani-Ferry, Shapiro, Tagliapietra, Wolf, 2021: 229].

Глобальные цели ЕС в Арктике

Новая стратегия ЕС была представлена 13 октября 2021 г.⁴ Документ определил приоритетные задачи Союза в регионе. Его отличает четкая экологическая направ-

<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32021R1119&from=EN>
(дата обращения: 15.12.2021)

¹ Communication from the Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee of the Regions. Pathway to a Healthy Planet for All EU Action Plan: «Towards Zero Pollution for Air, Water and Soil». Brussels, 12.5.2021. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:a1c34a56-b314-11eb-8aca-01aa75ed71a1.0001.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения: 16.12.2021)

² Climate Change 2021. The Physical Science Basis. 2021. URL: https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg1/downloads/report/IPCC_AR6_WGI_Full_Report.pdf (дата обращения: 25.12.2021)

³ Reis A. Erosion due to climate change is destroying the Arctic coastline. 15 February, 2022. URL: <https://www.europeanscientist.com/en/environment/erosion-due-to-climate-change-is-destroying-the-arctic-coastline/> (дата обращения: 19.02.2022)

⁴ Joint communication to the European parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions. Brussels, 13.10.2021. URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/2_en_act_part1_v7.pdf (дата обращения: 11.11.2021)

ленность. «Борьба за экологию – это основание, на котором ЕС объявил себя полноправным игроком в регионе» [Тимошенко, 2021: 36]. К приоритетам отнесены проблема изменения биоразнообразия и климата, предотвращение нерегулируемого рыболовства в Северном Ледовитом океане.

ЕС стремился увязать арктическую проблематику с глобальной политикой, рассчитывая укрепить свои политические и экономические позиции. В стратегии подчеркивается, что «ЕС является значимым арктическим игроком» и хочет активно участвовать в выработке правил для региона. Ее отличает безапелляционность и ряд новых аспектов. Большое внимание уделяется проблеме пластика, загрязнению акватории мусором. Заявлено о планах активно проводить политику по сокращению выбросов черного углерода в Арктике, снизить выбросы на 33% к 2025 г., как и углеродный и экологический след морского транспорта¹, совершенствовать управление Северным Ледовитым океаном. Подчеркивается, что законодательные предложения в рамках европейской «зеленой сделки» составят основу участия ЕС в Арктике².

Евросоюз выступил за частичный мораторий на добычу углеводородных ресурсов в Арктике, несмотря на тот факт, что он является импортером нефти и газа, добываемых в регионе. Предложение о запрете разработки новых углеводородных арктических проектов стало наиболее обсуждаемым аспектом новой политики ЕС в Арктике³. Как утверждают в ЕС, нефть, газ и уголь не должны добываться в Арктике, поскольку это повышает риск загрязнения окружающей среды⁴.

Провозглашенные ЕС задачи были призваны кардинально изменить сложившиеся подходы к освоению Арктики и использованию морских путей для транспортировки грузов, в том числе добываемых углеводородных ресурсов. Подобная позиция, сформулированная без обсуждения с другими государствами, изначально носит конфронтационный характер и противоречит устремлениям тех, для кого Арктика является кладовой минералов, имеющих критически важное значение для новых технологий. В контексте развернувшейся в последнее десятилетие борьбы за доступ к редкоземельным металлам политика ЕС может спровоцировать конфликты. Для обеспечения углеродной нейтральности «требуется многие природные элементы, которые присутствуют в возобновляемых источниках энергии, батареях, энергоэффективной инфраструктуре»⁵. Речь идет о редкоземельных металлах, кобальте, титане, никеле. Часть их уже обнаружена и извлекается на приполярном

¹ Joint communication to the European parliament, the council, the European economic and social committee and the committee of the regions. Brussels, 13.10.2021. URL: https://eeas.europa.eu/sites/default/files/2_en_act_part1_v7.pdf (дата обращения: 19.12.2021)

² Там же.

³ Jonassen T. The AEC on the EU Arctic Policy: Leave Arctic Business to the People Who Live Here. October 15, 2021. URL: <https://www.highnorthnews.com/en/aec-eu-arctic-policy-leave-arctic-business-people-who-live-here> (дата обращения: 19.12.2021)

⁴ Там же.

⁵ International Resource Panel, «Global Resources Outlook 2019: Natural Resources for the Future We Want». (Nairobi: United Nations Environment Programme, 2019). URL: <https://www.resourcepanel.org/reports/global-resources-outlook> (дата обращения: 23.12.2021)

Севере¹. Уже в ближайшее десятилетие ожидается многократное увеличение спроса на большинство из них². При этом ЕС рассматривает доступ к таким ресурсам в качестве ключевого элемента своей экономической стратегии, нацеленной на получение конкурентных преимуществ [Кондратьев, 2020: 89]. Решение данной задачи определяется геополитическими интересами ЕС, служит инструментом противодействия Китаю как крупнейшему в мире производителю редкоземельных элементов³.

Документ не делает различий между добычей углеводородного сырья на шельфе и на суше. Это открывает поле для неоднозначного толкования данного положения. В первое десятилетие XXI в. многие страны активно обсуждали вопросы, связанные с добычей нефти и газа на шельфе арктических морей. Однако высокая себестоимость, отсутствие инфраструктуры, неустойчивая ситуация на энергетических рынках привела к тому, что планы по добыче на шельфе были свернуты, хотя интерес к ресурсам Арктики сохранился.

Примечательно, что спустя неделю после представления стратегии, глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен заявила о возможности рассматривать природный газ в качестве переходного топлива на пути к углеродной нейтральности⁴. В целом же арктическая политика ЕС заключается в том, чтобы выполнить климатическую повестку и одновременно обеспечить доступ к природным ресурсам региона. До настоящего времени ЕС не представил конкретного плана, который дал бы четкое представление о путях и сроках освоения природных ресурсов Арктики при выполнении одного из ключевых требований европейской политики – снижении нагрузки на окружающую среду посредством уменьшения выбросов парниковых газов.

Заключение

В Стратегии 2021 г. отмечается, что ЕС заинтересован в поддержке многостороннего сотрудничества в Арктике и готов работать над тем, чтобы регион был безопасным, стабильным и мирным. Однако энергетическая составляющая и под-

¹ Koivurova et al., Overview of EU Actions in the Arctic and Their Impact (Final Report - June 2021); Pasi Eilu et al., The Nordic Supply Potential of Critical Metals and Minerals for a Green Energy Transition (Nordic Council of Ministers, 2021). URL: <https://www.nordicinnovation.org/2021/nordic-supply-potential-critical-metals-and-mineralsgreen-%0Aenergy-transition> (дата обращения: 23.12.2021)

² European Commission, «Report on Critical Raw Materials and the Circular Economy», 2018. URL: https://publications.europa.eu/resource/cellar/d1be1b43-e18f-11e8-b690-01aa75ed71a1.0001.01/DOC_1 (дата обращения: 23.12.2021)

³ European Commission, «Critical Raw Materials Resilience: Charting a Path towards Greater Security and Sustainability (COM (2020) 474 Final)». 2020. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52020DC0474&from=EN> (дата обращения: 25.12.2021)

⁴ Speech by President von der Leyen at the European Parliament Plenary on the preparation of the European Council meeting of 21-22 October 2021. 20 October 2021. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_21_5381 (дата обращения: 23.12.2021)

ходы к решению климатических вопросов в Арктике ставят вопросы относительно того, к каким результатам приведет эта политика.

На пути к ее реализации ЕС сталкивается с рядом трудностей. Прежде всего, отсутствуют правовые инструменты, позволяющие активно участвовать в делах Арктики. В частности, Евросоюз не является членом Арктического совета, который играет ключевую роль в определении ситуации в регионе, реализации многостороннего сотрудничества. В последние годы страны-члены ЕС фактически поддерживали его усилия. Например, в период председательства в Арктическом совете Финляндии (2017–2019) «был сделан серьезный акцент на снижении выбросов черного углерода» [Журавель, 2019: 99].

Провозглашая амбициозные цели в этом регионе, в частности, в вопросах моратория на добычу нефти и газа, Союз исходит из долгосрочных целей, претендуя на лидирующие позиции [McCauley, Pettigrew, Bennett, Todd, Wood-Donnelly, 2022]. Однако текущая ситуация на европейском рынке газа, сложившаяся во второй половине 2021 г., изменила позицию ЕС. Еврокомиссия заявила, что природный газ и ядерная энергия, которые изначально «не вписывались в «зеленую сделку», играют «важную роль как средство облегчения перехода к будущему, основанному преимущественно на возобновляемых источниках энергии»¹. Таким образом, для природного газа, в том числе добываемого в Арктике, ЕС открыл «окно возможностей», хотя и обратил внимание на ряд условий. Прежде всего, газовые электростанции будут считаться допустимыми в случае соответствия определенным критериям.

Изменение климата стало ключевым фактором в выработке внутренней и внешней политики ЕС в последнее десятилетие. Глобальный «зеленый курс» задуман как инструмент формирования экономики возобновляемых источников энергии и материалов для предотвращения климатического кризиса [Baiman, 2021: 619]. Глобальное потепление на 1,5°C, по мнению ряда ученых, означало бы, что в Арктике потеплело примерно на 4,5°C [Bodansky, Pomerance, 2021: 2].

В 2020–2021 гг. проявилось несоответствие подходов ЕС в сфере защиты климата и улучшения экологии с интересами других государств, которые разрабатывают планы по использованию ресурсов региона и его коммуникационных возможностей. Эти и другие факторы в перспективе могут поставить под сомнение эффективность арктической политики ЕС.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Данилов Д.А. (2017) Арктическая политика Европейского союза: основы и эволюция. *Обозреватель-Observer*. № 11(334). С. 16–32.

¹ Bryce R. The EU Finally Admits Natural Gas and Nuclear Key to Decarbonization. 5 Jan. 2022. URL: <https://www.forbes.com/sites/robertbryce/2022/01/05/eu-finally-admits-natural-gas-and-nuclear-are-key-to-decarbonization/?sh=174e813c7663> (дата обращения: 12.02.2022)

Дорошенко И.С. (2020) Стратегические документы арктических государств. *Проблемы постсоветского пространства*. Т. 7. № 4. С. 429–444. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-429-444>

Ершова И.В., Чертова Н.А., Богданова Е. Н., Жура С. Е., Савельев И.В., Тетерин А.В. (2020) Некоторые вопросы правового регулирования международного научно-технического сотрудничества в сфере комплексного изучения Арктики на примере стран Европейского союза. *Вопросы экономики и права*. № 145. С. 37–43.

Журавель В.П. (2021) Председательство России в Арктическом совете. *Современная Европа*. № 5. С. 90–99. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520219099>

Журавель В.П. (2019). Председательство в Арктическом совете: от Финляндии к Исландии. *Современная Европа*. № 4. С. 97–107. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope4201997107>

Зонн И.С. (2017) Арктический «апгрейд» президента Российской Федерации В.В. Путина. *Проблемы постсоветского пространства*. № 4. С. 20–40. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2017-4-1-20-40>

Кондратов Н.А. (2016) Климат Российской Арктики и его изменения. *Экология России: на пути к инновациям*. № 13. С. 17–20.

Кондратьев В.Б. (2020) Минеральные ресурсы и будущее Арктики. *Горная промышленность*. № 1. С. 87–96. DOI 10.30686/1609-9192-2020-1-87-96

Маслова Е.А. (2021) Сотрудничество России и ЕС в условиях санкционного режима (на примере программы «Коларктик 2014–2020»). *Вестник Пермского университета. Политология*. Т. 15. № 2. С. 49–58.

Тимошенко Д.С. (2021) Арктическая стратегия Еврокомиссии: вызовы для России или мера вынужденной интеграции? *Аналитические записки Института Европы РАН*. № 32(262). С. 32–39. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics43220213239>

Тулупов Д.С., Царенко Е.В. (2019) Подход Европейского союза к политике в арктическом направлении и его соотношение с региональными интересами РФ. *Арктика и Север*. № 37. С. 82–93. DOI:10.17238/issn2221-2698.2019.37.82

Baiman R. (2021) In Support of a Renewable Energy and Materials Economy: A Global Green New Deal That Includes Arctic Sea Ice Triage and Carbon Cycle Restoration. *Review of Radical Political Economics*. Vol. 53. No 4, pp. 611–622. DOI:10.1177/04866134211032396 (дата обращения: 12.12.2021)

Biedermann R. (2020) Adapting to the changing Arctic? The European Union, the Nordics, and the Barents Governance Mosaic. *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 28. No 2, pp. 167–181. DOI: 10.1080/14782804.2019.1693352

Biedermann R. (2021) China's impact on the European Union's Arctic policy: critical junctures, crossovers, and geographic shifts. *Asia Europe Journal*. No 19, pp. 467–487. <https://doi.org/10.1007/s10308-021-00605-7>

Bodansky, D.; Pomerance, R. (2021) Sustaining the Arctic in Order to Sustain the Global Climate System. *Sustainability*. No 13, 10622. <https://doi.org/10.3390/su131910622> (дата обращения 12.12.2021)

Chuffart R., Raspotnik A. (2019) The EU and its Arctic spirit: Solving Arctic climate change from home? *European View*. Vol. 18. Issue 2, pp. 156–162.

Langlet D. (2018) Planning from the Margin—The European Union's Potential Role in Spatial Planning for Managing Activities in the Marine Arctic. *The International Journal of Marine and Coastal Law*. No 33, pp. 361–379.

Leonard M., Pisani-Ferry J., Shapiro J., Tagliapietra S., Wolf G. (2021) The geopolitics of the European Green Deal. *International Organisations Research Journal*. Vol. 16. No 2, pp. 204–235. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-02-10

McCauley D., Pettigrew K.A., Bennett M.M., Todd I., Wood-Donnelly C. (2022) Which states will lead a just transition for the Arctic? A DeePeR analysis of global data on Arctic states and formal observer states. *Global Environmental Change*. Vol. 73. March. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2022.102480>

Zhiltsov S.S. (2021) *The Arctic. A Drifting Future*. New York. Nova Science Publishers, pp. 275–283.

The Arctic Vector of the Foreign Policy of the European Union

S.S. Zhiltsov *

Doctor of Science (Politics)

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia.

53/2-1, Ostozhenka Street, Moscow, Russia, 119021;

People's Friendship University of Russia.

6, Miklukho-Maklaya Street, Moscow, Russia, 117198.

***E-mail:** *serg.serg56@mail.ru*

Abstract. The paper examines the EU policy in the Arctic in the context of the global competition in the region. The author analyzes the new role of the EU in the Arctic region, which gains more importance in the foreign policy of the European Union. He also describes the stages of European policy in the Arctic, towards which the EU has increased its interest over the past decade. The EU policy in the region is based on a significant number of documents containing the main objectives and key directions of European policy. The EU policy in the Arctic has a dual nature. Despite the fact that the European Union declares its commitment to multilateral cooperation and readiness to interact on a wide range of issues, its foreign policy de facto is different. First of all, it concerns the extraction of hydrocarbon resources in the Arctic, which is in the focus of many countries' attention. The EU aspires to be a key player in decision-making process in the Arctic. The environmental challenges in the region have become an instrument of the EU to promote its interests, to influence the policies of other states. In this context, the paper explores both the impact of the EU decarbonization policy, and possible implications for multilateral interaction in the Arctic. The climate agenda has become a new component of EU policy in the region. It is aimed at reducing greenhouse gases in the atmosphere. The EU plans to extend the implementation of climate protection objectives to the Arctic. By declaring decarbonization as a long-term development goal, the EU intends to apply this approach to the Arctic. In this context, the EU

decarburation policy has serious implications for multilateral interaction in the Arctic.

Key words: EU, Arctic, ecology, hydrocarbon resources, European states.

DOI: 10.31857/S0201708322030044

EDN: GEZAON

REFERENCES

- Baiman R. (2021) In Support of a Renewable Energy and Materials Economy: A Global Green New Deal That Includes Arctic Sea Ice Triage and Carbon Cycle Restoration. *Review of Radical Political Economics*. Vol. 53. No 4, pp. 611–622 DOI:10.1177/04866134211032396 (accessed: 12.12.2021)
- Biedermann R. (2020) Adapting to the changing Arctic? The European Union, the Nordics, and the Barents Governance Mosaic. *Journal of Contemporary European Studies*. Vol. 28. No2, pp. 167–181. DOI: 10.1080/14782804.2019.1693352
- Biedermann R. (2021) China's impact on the European Union's Arctic policy: critical junctures, crossovers, and geographic shifts. *Asia Europe Journal*. No 19, pp. 467–487. <https://doi.org/10.1007/s10308-021-00605-7>
- Bodansky D., Pomerance R. (2021) Sustaining the Arctic in Order to Sustain the Global Climate System. *Sustainability*. No 13, 10622. <https://doi.org/10.3390/su131910622> (accessed: 12.12.2021)
- Chuffart R., Rasputnik A. (2019) The EU and its Arctic spirit: Solving Arctic climate change from home? *European View*. Vol. 18. Issue 2, pp. 156–162.
- Danilov D.A. (2017) Arkticheskaya politika Evropejskogo soyuza: osnovy i evolyuciya [Arctic Policy of the European Union: Foundations and Evolution]. *Observer*. No 11(334), pp. 16–32. (In Russian).
- Doroshenko I.S. (2020) Strategicheskie dokumenty arkticheskikh gosudarstv [The Strategic documents of the Arctic states]. *Post-Soviet Issues*. Vol. 7. No 4, pp. 429–444. (In Russ.) <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-429-444> (In Russian).
- Ershova I.V., Chertova N.A., Bogdanova E.N., Zhura S.E., Savelyev I.V., Teterin A.V. (2020) Nekotorye voprosy pravovogo regulirovaniya mezhdunarodnogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva v sfere kompleksnogo izucheniya Arktiki na primere stran Evropejskogo soyuza [Some issues of legal regulation of international scientific and technical cooperation in the field of integrated study of the Arctic on the example of the countries of the European Union]. *Questions of economics and law*. No 145, pp. 37–43. (In Russian).
- Kondratov N. A. (2016) Klimat Rossijskoj Arktiki i ego izmeneniya [The Russian Arctic Climate and Its Change]. *Ecology of Russia: on the way to innovation*. No 13, pp. 17–20. (In Russian).
- Kondratiev V. B. (2020) Mineral'nye resursy i budushchee Arktiki [Mineral resources and future of the Arctic]. *Mining Industry*. No 1, pp. 87–96. DOI 10.30686/1609-9192-2020-1-87-96 (In Russian).
- Langlet D. (2018) Planning from the Margin – The European Union's Potential Role in Spatial Planning for Managing Activities in the Marine Arctic. *The International Journal of Marine and Coastal Law*. No 33, pp. 361–379.

Leonard M., Pisani-Ferry J., Shapiro J., Tagliapietra S., Wolf G. (2021) The geopolitics of the European Green Deal. *International Organisations Research Journal*. Vol. 16. No 2, pp. 204–235. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-02-10

Maslova E.A. (2021) Sotrudnichestvo Rossii i ES v usloviyah sankcionnogo re-zhima (na primere programmy «Kolarktiki 2014–2020») [Russia-EU Cooperation in the Context of the Sanctions Regime (on the Example of the Kolarectic 2014–2020 Program)]. *Bulletin of Perm University. Political Science*. Vol. 15. No 2, pp. 49–58. (In Russian).

McCauley D., Pettigrew K.A., Bennett M.M., Todd I., Wood-Donnelly C. (2022) Which states will lead a just transition for the Arctic? A DeePeR analysis of global data on Arctic states and formal observer states. *Global Environmental Change*. Vol. 73. March. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2022.102480>

Timoshenko D.S. (2021) Arkticheskaya strategiya Evrokomissii: vyzovy dlya Rossii ili mera vynuzhdennoj integracii? [The Arctic Strategy of the European Commission: a challenge for Russia or a measure of forced integration?]. *Analytical Papers Institute of Europe RAS*. No 32(262), pp. 32–39. DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics43220213239> (In Russian).

Tulupov D.S., Tsarenko E.V. (2019) Podhod Evropejskogo soyuza k politike v arkticheskom napravlenii i ego sootnoshenie s regional'nymi interesami RF [European Union's approach to the Arctic policy development through the lens of the Russian regional interests]. *Arctic and North*. No 37, pp. 82–93. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.37.82 (In Russian).

Zhiltsov S.S. (2021) The Arctic. A Drifting Future. New York. Nova Science Publishers, pp. 275–283.

Zhuravel V.P. (2021) Predsedatel'stvo Rossii v Arkticheskom sovete [The Russian Federation's Chairmanship at the Arctic Council]. *Sovremennaya Yevropa*. No 5, pp. 90–99. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520219099>

Zhuravel V.P. (2019) Predsedatel'stvo v Arkticheskom sovete: ot Finlyandii k Islandii [The Chairmanship in the Arctic Council: from Finland to Iceland]. *Sovremennaya Yevropa*. No 4, pp. 97–107. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope4201997107>

Zonn I.S. (2017) Arkticheskij «apgrejd» prezidenta Rossijskoj Federacii V.V. Putina [Arctic «Upgrade» of V.V. Putin, President of the Russian Federation]. *Post-Soviet Issues*. Vol. 4. No 1, pp. 20–40. URL: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2017-4-1-20-40> (In Russian).

УДК 001.89

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ЦИФРОВОЙ СОЦИОГУМАНИТАРИСТИКИ В ЕС

© 2022 АНТОПОЛЬСКИЙ Александр Борисович*

Доктор технических наук

*Институт научной информации по общественным наукам РАН.
117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 51/21.*

***E-mail:** ale5695@yandex.ru

© 2022 ЕФРЕМЕНКО Дмитрий Валерьевич**

Доктор политических наук

*Институт научной информации по общественным наукам РАН.
117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 51/21.*

****E-mail:** efdv2015@mail.ru

Поступила в редакцию 02.12.2021

После доработки 28.02.2022

Принята к публикации 15.03.2022

Аннотация. В статье проанализированы проблемы развития цифровой инфраструктуры социальных и гуманитарных наук в странах Европейского союза. Цель исследования состоит, во-первых, в раскрытии значимости цифровой социогуманитаристики в процессах строительства Европейского исследовательского пространства (ERA), и, во-вторых, в выявлении политических коннотаций поддержки институтами ЕС развития данной исследовательской инфраструктуры. Особое внимание при этом уделяется Европейским консорциумам научной инфраструктуры (ERIC), а также другим проектам и инициативам в области цифровой социогуманитаристики. Показано, что развитие цифровой инфраструктуры этих направлений научного знания относится к числу политических приоритетов органов ЕС. Установлено, что поддержка цифровой социогуманитаристики опосредованно способствует утверждению нарратива о единой Европе. Сделан вывод, что Европейское пространство знания обладает цифровой инфраструктурной основой. В связи с этим возрастает значение опыта ЕС для перспективного развития цифровой инфраструктуры в России и странах ЕАЭС.

Ключевые слова: цифровая гуманитаристика, цифровые социальные науки, Европейское пространство исследований, научная политика, политика в области цифровой инфраструктуры.

DOI: 10.31857/S0201708322030056

EDN: GEZNIQ

Известный немецкий социолог науки П. Вайнгарт, резюмируя в начале XXI в. итоги длительной дискуссии о связи научной деятельности и политики, констатировал устойчивую синергию двух процессов – сциентификации политики и политизации науки [Weingart 2002: 705]. С одной стороны, проблемы, которые не могут быть выявлены, эксплицированы или решены без решающего вклада научного сообщества, получают политическое измерение. Число таких проблем постоянно растет; среди них есть и ряд проблем планетарного масштаба, начиная с климатических изменений и заканчивая пандемией COVID-19. С другой стороны, политизация науки проявляется в том, что экспертное знание все чаще детерминируется интересами политических акторов, а не соображениями научной истины.

К этим двум противоречивым тенденциям следует добавить и известную амбивалентность научной политики государств и наднациональных объединений, ориентированной не только на прирост научного знания, усиление инновационного потенциала и рост эффективности экономики, но также на закрепление либо изменение своеобразного социального контракта с научным сообществом, которое выступает в качестве актора, способного влиять на политические процессы. В рамках такого «контракта» научное сообщество вполне может стать активным игроком в вопросах организации исследований, а также в некоторых вопросах, относящихся к государственному суверенитету или к проектам наднациональной интеграции.

Особое значение в современных условиях приобретает цифровизация исследовательской деятельности и научной коммуникации. Цифровизация оказывает мощное влияние на сферу потребления научной информации и на процесс производства знаний, включая различные формы представления исследовательских результатов. В частности, научные результаты социальных и гуманитарных исследований все чаще создаются не только в виде традиционных публикаций, но и в новых формах, в том числе в виде наборов данных, инфографики, программных инструментов, объектов виртуальной и дополненной реальности, интерактивных, трехмерных и других цифровых объектов. В лингвистике, истории, археологии, филологии применение информационных технологий привело к формированию особых дисциплин: компьютерной лингвистики, исторической информатики, цифровой археологии, цифровой филологии и др. Аналогичные процессы происходят и в социальных науках.

С цифровизацией тесно связан ускоренный переход к открытой науке [Chubin 1985], предполагающей обеспечение максимальной доступности результатов научных исследований для любых социальных групп и индивидов. Этот переход существенно меняет идеологию и экономические модели функционирования научных изданий и сервисов. Создаваемые в рамках открытой науки информационные ресурсы должны соответствовать принципам *FAIR* (*Findable, Accessible, Interoperable, and Reusable*): удобство и легкость поиска, доступность, совместимость и возможность повторного использования [Wilkinson et al., 2016]. Эти принципы, получившие поддержку на политическом уровне со стороны лидеров G20¹ и Европейского союза¹, становятся сегодня императивом для мировой научной информатики.

¹ G20 Leaders' Communique Hangzhou Summit. 05.09.2016. URL:

Цифровизация социальных и гуманитарных наук (далее – *Social Sciences and Humanities, SSH*; в русскоязычной версии мы используем обобщающий термин «социогуманитаристика») существенно изменила представление о задачах и роли научной инфраструктуры, обеспечивающей информационное обслуживание исследователей. Переход большей части научной коммуникации в Интернет, а также движение открытой науки радикально трансформируют технологические и экономические условия существования информационных учреждений.

Отмеченные выше универсальные тенденции обусловлены фундаментальными изменениями процессов производства научного знания и потребностей научного сообщества, новыми возможностями цифровых и коммуникационных технологий. Однако помимо этих общих тенденций конкретные направления научной активности испытывают мощное воздействие стратегически ориентированных решений государственных акторов и наднациональных интеграционных объединений. Особый интерес представляет развитие цифровой инфраструктуры науки в ЕС, причем внимания заслуживают не только институциональные аспекты или инициативы в сфере социогуманитаристики. Не менее важно выявление связи между научно-технической политикой ЕС, оказывающей основное влияние на развитие цифровой инфраструктуры, и более общими политическими задачами, связанными с укреплением наднациональной политической идентичности и развитием нарратива о единой Европе, обладающей крайне разнообразным, но при этом целостным культурным и историческим наследием.

Инфраструктура цифровой социогуманитаристики в ЕС

Развитие научной инфраструктуры на уровне ЕС осуществляется при помощи административных механизмов и финансирования Европейской комиссии, которая приняла порядка четырех десятков официальных документов по этой проблеме. В их числе наиболее значима Хартия доступа к научной инфраструктуре², зафиксировавшая стратегическую роль Еврокомиссии в определении, оценке и реализации комплексных мероприятий по формированию в ЕС устойчивой научной инфраструктуры мирового уровня. Значительное участие в ее развитии также принимают национальные правительства и финансирующие агентства, но их усилия во все возрастающей степени соотносятся с общеевропейской научной политикой.

Основные инструменты и механизмы научно-инфраструктурной политики ЕС имеют особую организационно-правовую форму *Европейских консорциумов научной*

<http://www.lawinfochina.com/display.aspx?id=8012&lib=tax&SearchKeyword=&SearchCKeyword=> (дата обращения: 12.02.2022)

¹ European Commission Embraces the FAIR Principles. Digital Life Sciences. 20.04.2016. URL: <https://www.dtls.nl/2016/04/20/european-commission-allocates-e2-billion-to-make-research-data-fair/> (дата обращения: 12.02.2022)

² European Commission, Directorate-General for Research and Innovation. European Charter of Access for Research Infrastructures: Principles and Guidelines for Access and Related Services. 12.07.2016. <https://data.europa.eu/doi/10.2777/524573> (дата обращения: 12.02.2022)

инфраструктуры (*European Research Infrastructure Consortium – ERIC*). Юридический статус ERIC позволяет их участникам подавать заявки как на прямое финансирование по линии ЕС, так и на поддержку проектов по линии национальных финансирующих агентств. Многие ERIC образуют разветвленные сети, включая представительства или филиалы в разных странах.

ERIC предоставляют научному сообществу ресурсы и услуги для проведения исследований, в том числе:

- основное научное оборудование или инструментарий;
- коллекции, архивы и научные данные;
- вычислительные мощности и коммуникационные сети;
- иная инфраструктура, открытая для внешних пользователей.

ERIC нацелены на оптимизацию исследовательского процесса, сокращение дублирования и повышение эффективности использования научных ресурсов, стимулирование международной кооперации в использовании инфраструктуры. Одна из важнейших функций – предоставление в современной форме научно-информационных сервисов, совокупность которых является значимым компонентом общей инфраструктуры Европейского исследовательского пространства (ERA).

Всего в ЕС создано 18 ERIC¹. Из них к SSH относятся следующие:

- Опрос по проблемам здоровья, старения и выхода на пенсию в Европе (*Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe, SHARE-ERIC*);
- Европейский социальный опрос (*European Social Survey, ESS ERIC*);
- Консорциум европейских архивов данных по социальным наукам (*Consortium of European Social Science Data Archives, CESSDA ERIC*);
- Общие языковые ресурсы и техническая инфраструктура (*Common Language Resources and Technology Infrastructure, CLARIN ERIC*);
- Цифровая исследовательская инфраструктура для искусств и гуманитарных наук (*Digital Research Infrastructure for the Arts and Humanities, DARIAH ERIC*).

Кроме того, к SSH относятся две общеевропейские научные институции, не имеющие статуса ERIC – Открытая научная коммуникация в Европейском исследовательском пространстве для социальных и гуманитарных наук (*Open Scholarly Communication in the European Research Area for Social Sciences and Humanities, OPERAS*) и Европейская исследовательская инфраструктура для наук о наследии (*European Research Infrastructure for Heritage Science, E-RHIS*).

Всего этими инфраструктурными сетевыми объединениями выполняется не менее сотни проектов для поддержки исследований в области SSH. Остановимся лишь на нескольких аспектах их активности.

Прежде всего, страны-члены ЕС не во всех ERIC представлены в полном составе. Так, в опросе по проблемам здоровья, старения и выхода на пенсию (*SHARE-ERIC*) не участвуют Ирландия и Британия (до и после брекзита). В консорциуме

¹ ERIC Landscape. Members of the European Research Infrastructure Consortium (ERIC). URL: https://ec.europa.eu/info/research-and-innovation/strategy/european-research-infrastructures/eric/eric-landscape_en (дата обращения: 12.02.2022)

цифровой инфраструктуры для искусств и гуманитарных наук DARIAN часть стран ЕС представлены в статусе наблюдателей и партнеров по кооперации, тогда как полноправными участниками являются Сербия и Босния и Герцеговина.

В Европейском социальном опросе (ESS ERIC) участвуют и ряд стран за пределами ЕС, включая три страны постсоветского пространства – Грузию, Россию и Украину. Однако участие России в ESS обеспечивалось негосударственным Институтом сравнительных социальных исследований и имело статус независимого партнерского исследования. Фактически полевые исследования в России проводились в рамках 3–6 (2006–2013) и 8 (2016–2017) раундов опроса. В анкетах ESS постоянно присутствуют вопросы по базовым темам (отношение к политике; доверие государственным и общественным институтам; восприятие иммигрантов; роль СМИ; отношение к преступности; оценка личного здоровья; социальное благополучие; религиозные и жизненные ценности; демографические параметры), а также модули вопросов, включаемые в анкеты разных раундов опроса на ротационной основе (работа, семейная жизнь, психологическое благополучие, социальная помощь, проблемы старения и социальной поддержки, понимание демократии и оценка ее состояния в стране и др.).

Необходимым условием репрезентативности и сравнимости данных опроса является единство научного подхода и методологии, ключевую роль в разработке которых для ESS сыграли представители ведущих научных центров Британии, Германии и некоторых других западноевропейских стран. Несмотря на широкое участие в ESS коллективов социологов из других стран Европы, принципиальным является их строгое и контролируемое следование ранее разработанной методологии [Европейское социальное исследование, 2008: 5]. По сути, это стандартная ситуация, успешно описанная в рамках акторно-сетевой теории, когда идентичность сети определяется идентичностью центрального актора и механизмами ее трансляции [Callon, Law, 1989].

Национальные участники и партнеры ESS обладают весьма ограниченной свободой в адаптации вопросов, позволяющей облегчить их понимание респондентами. В частности, в российской версии вопроса об уровне доверия различным государственным и политическим институтам их перечень начинается с Госдумы РФ, а заканчивается ООН и Европарламентом. Но если в ООН Россия представлена как постоянный член Совета Безопасности, то к Европарламенту она непосредственно отношения иметь не может, будучи лишь внешним адресатом отдельных резолюций ЕП. Более уместное в российском опроснике упоминание Парламентской ассамблеи Совета Европы, где Россия была полноправным членом¹, по всей видимости, исключено как слишком значительное отступление от базового дизайна.

Консорциум CLARIN по общим языковым ресурсам и технической инфраструктуре и консорциум DARIAN по цифровой инфраструктуре для искусств и гуманитарных наук являются важнейшими инициативами ЕС в сфере цифровой гуманитаристики. CLARIN предлагает централизованный доступ к языковым корпусам, а также различные поисковые и аналитические инструменты. DARIAN ориен-

¹ 15 марта 2022 г. Россия заявила о выходе из Совета Европы.

тирована на расширение инфраструктурных возможностей исследовательских коллективов, позволяющее в междоуниверситетском взаимодействии создавать и изучать разнообразные цифровые или гибридные данные о культуре и обществе. Вместе с тем в случае гуманитарных наук, характерными особенностями которых являются плюрализм теоретико-методологических подходов и многообразие национальных исследовательских традиций, выявляются определенные издержки политико-административного энтузиазма в отношении цифровой инфраструктуры. По словам старшего менеджера DARIAH Т. Бланке, евробюрократия сформировала свое видение научной инфраструктуры исходя из опыта создания локализованных в одной географической точке объектов, как например Большой адронный коллайдер. Однако эту централистскую модель нельзя просто спроецировать на задачу создания распределенных цифровых исследовательских инструментов для гуманитарных наук [Kaltenbrunner, 2017: 288–289]. Данная проблема вызывает озабоченность у части работающих в рамках ERIC специалистов по гуманитарным наукам, но в целом ее острота не является критичной, а преимущества общеевропейской цифровой инфраструктуры превалируют над недостатками.

Перечислим также некоторые общие проекты, в которых участвуют несколько ERIC и которые распространяются на всю сферу SSH.

Портал доступа к информации по цифровой гуманитаристике и культурного наследия (Digital Humanities and Cultural Heritage OpenAIRE Community Gateway). На портале аккумулированы результаты исследований, данные, публикации и программные продукты, относящиеся к гуманитарным наукам, культурному наследию, истории, археологии и смежным дисциплинам. Будучи ориентированным преимущественно на поддержку исследовательской деятельности, функционирование портала также способствует усилению разнообразия и полифункциональности инфраструктуры европейского культурного наследия [Водошнякова, 2019: 11].

Коллаборативная инфраструктура европейских цифровых архивов (Collaborative European Digital Archive Infrastructure, CENDARI) облегчает доступ к европейским цифровым архивам для изучения истории посредством создания виртуальных «рабочих пространств», позволяющих преодолевать физические ограничения, характерные для традиционных архивов и библиотек. Проект объединяет технических экспертов с историками, архивистами, участниками отдельных цифровых проектов в рамках исследовательской программы, основанной на рефлексии влияния цифровизации на научную практику. Делая упор на новых возможностях таких цифровых технологий как интеллектуальный анализ текста (text mining), координаторы проекта подчеркивают его связь с текущими социальными задачами, а также влияние на интерпретацию коллективной идентичности. Соответственно, использование цифровых технологий в исторических исследованиях становится неотъемлемой частью этого процесса интерпретации, который в конечном счете оказывает влияние на социальный и политический выбор.

Открытое облако SSH (Social Sciences & Humanities Open Cloud, SSHOC). Реализация данного проекта была начата в рамках программы ЕС Horizon 2020 усилиями 47 партнерских (в их числе несколько ERIC) и ассоциированных организаций. Проект представляет собой открытую платформу облачных сервисов, данных и ме-

тодик, применяемых в социогуманитаристике. Инфраструктурные возможности проекта ориентированы на поддержку междисциплинарного сотрудничества, а также повышение воздействия SSH на общество. При этом особо подчеркивается человекоцентричный подход, включая такие его параметры как удобство для пользователя и создание связей между людьми, данными, услугами и обучением. Следует отметить, что этот подход соответствует и принципиальным установкам концептов Общества 5.0 и Индустрии 5.0 на человекоцентричность инноваций, активно обсуждаемым в настоящее время в связи перспективами дальнейшей трансформации научно-технологической и образовательной сферы ЕС [Carayannis, Morawska-Jancelewicz, 2022].

Облако SSH также является инструментом поддержки лингвистического разнообразия Европы; его данные часто доступны на нескольких языках, что, в свою очередь, стимулирует сравнительные исследования социальных и культурных явлений, отражающихся в использовании языка.

Интеграция европейских научных инфраструктур по социальным наукам (Synergies for Europe's Research Infrastructures in the Social Sciences, SERISS). Цель проекта состоит в том, чтобы определить области синергии в развитии инфраструктуры, выявить возможности преодоления существующих на национальном и дисциплинарном уровнях барьеров между исследовательскими инфраструктурами и разработать ряд совместных мероприятий, связанных с оценкой различных архитектурных решений и качества данных, предложением инструментов и услуг, улучшением доступа к данным, решением правовых и этических проблем, обучением и организацией просветительской деятельности. Мероприятия в рамках SERISS позволят повысить роль социальных наук в решении ключевых социально-политических проблем стран ЕС.

Большие данные Европы (Big Data Europe, BDE). Большие объемы данных производятся постоянно во всех сферах жизни, причем в XXI в. произошел качественный скачок: с момента изобретения письменности и до 2006 г. человечество аккумулировало в общей сложности 180 эксабайтов (10^{18} , или квинтиллион байтов) данных, а в период с 2006 по 2011 г. эта цифра увеличилась почти в десять раз, достигнув 1600 эксабайтов [Floridi, 2012: 436].

Эпистемологические проблемы, связанные с гигантским объемом и разнородностью данных, отчасти находят свое решение за счет совершенствования технологий, позволяющих сжимать Большие данные до операциональных размеров. Проект BDE призван обеспечить координацию создания инновационных продуктов и услуг на основе семантически совместимых, крупномасштабных многоязычных информационных ресурсов.

Расширенные меры по миграции в многомерной перспективе (Enhanced migration measures from a multidimensional perspective, HumMingBird). Значение миграции как социальной и политической проблемы общеевропейского масштаба резко возросло после иммиграционного кризиса 2015 г. Цель проекта состоит в тщательном осмыслении движущих сил и мотивов миграции, изменения направлений миграционных потоков. Вместе с тем в качестве аналитического инструмента HumMingBird ориентирован на выявление спектра вероятных последствий принимаемых сегодня

политических решений, в особенности, в плане прогноза этнодемографической динамики и связанных с ней конфликтов.

Значение развития европейской цифровой инфраструктуры в области социальных и гуманитарных наук

Обобщая вышесказанное, можно сделать некоторые выводы относительно политики ЕС в этой сфере. Очевидно, что количество и разнообразие инфраструктурных проектов в странах ЕС позволяет анализировать более общие институциональные и политические условия, их влияние на масштаб и качество соответствующих исследований в рамках цифровой социогуманитаристики. В конечном счете появляются основания говорить о том, что развиваемая в рамках ЕС цифровая инфраструктура обретает определенные регулятивные качества, становясь своеобразным интерфейсом для исследователей, политиков, финансирующих агентств и других спонсоров, причем взаимоотношения между этими акторами претерпевают определенную трансформацию [Jasanoff, 2007; Kaltenbrunner, 2017].

Особенность европейской ситуации состоит в том, что в отличие от США, где инициатива в развитии комплексной стратегии развития инфраструктуры принадлежала работающим в этой области исследователям, в данном случае решающий импульс исходил от евробюрократии. Разработчики научной политики ЕС и научные администраторы, осознавая возможности использования цифровой инфраструктуры в социальных и гуманитарных науках, руководствовались общей политической установкой интеграции национальных исследовательских систем в институциональном и эпистемологическом аспектах. Суть этой установки метко выразили авторы подготовленного для Европейской комиссии доклада «eResearch 2020»: «каждый евро, потраченный на электронную инфраструктуру, есть также евро, потраченный на достижение интеграции европейских институтов» [Meyer et al., 2010: 230]. Ф. Эслер, возглавлявший во второй половине 2000-х гг. Исследовательский совет по искусствам и гуманитарным наукам, еще более четко акцентировал политическую составляющую поддержки SSH: «Гуманитарные исследования – это целенаправленная, осознанная и профессиональная деятельность, которая собирает, анализирует и синтезирует наши самые глубокие мысли о том, кем мы являемся и должны быть, откуда мы пришли, куда мы идем, и о произведениях культуры во всех их формах. Соответственно, гуманитарные исследования должны играть решающую роль в формировании европейской политики, и эта роль сильно отличается от [роли других] наук»¹.

Следствием данного подхода институтов ЕС является то, что в случае разработанных при их поддержке цифровых инструментов предложение подчас идет впереди спроса со стороны пользователей. В то же время централизованная координация

¹ 4th HERA Annual Conference “European Diversities – European Identities”. 2010. URL: http://archives.esf.org/fileadmin/Public_documents/Publications/hera_conference_report.pdf (дата обращения: 12.02.2022)

на наднациональном уровне предотвращает ситуацию монополизма со стороны отдельных групп, сообществ и государств, контролирующих ту или иную технологию.

Европейский опыт и цифровая научная инфраструктура в России и странах ЕАЭС

Актуальная ситуация в сфере научно-технической политики ЕС характеризуется, с одной стороны, началом реализации 9-ой Рамочной программы по развитию научных исследований и разработок *Horizon Europe* (2021–2027, планируемый бюджет 95,5 млрд евро), и, с другой стороны, интенсификацией дебатов о перспективах консолидации трех пространств – Европейского исследовательского пространства, Европейского образовательного пространства и Европейского инновационного пространства. Инициатива формирования нового единого пространства – Европейского пространства знания (*European Knowledge Area*) – находится в стадии перехода от разработки концепции к подготовке законодательных инициатив на уровне ЕС и отдельных государств. В радикальной версии речь идет о принятии Европейского акта знания, возводящего исследование, образование и инновации в ранг одной из фундаментальных свобод¹. Основная задача состоит в радикальном повышении эффективности в этих областях в условиях жесткой глобальной конкуренции. Тем самым должен быть создан правовой базис для дальнейшего устранения в ЕС национальных барьеров, регламентирующих процесс производства знания и ограничивающих его циркуляцию.

Следует отметить, что уже реализованные и реализуемые в ЕС проекты по развитию и совершенствованию цифровой инфраструктуры научных исследований представляют собой своеобразный каркас будущего пространства знания. Вполне уместно говорить и о едином цифровом (электронном) пространстве знаний в рамках ЕС с перспективой его дальнейшего распространения на ассоциированные государства. В связи с этим нельзя не вспомнить, что задача формирования Единого российского электронного пространства знаний ставилась в ряде официальных документов органов государственной власти России, в т.ч. в Указе Президента РФ № 808 от 24.12.2014 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». Соответствующие концептуальные разработки были предложены и со стороны представителей научного сообщества [Антопольский, Ефременко 2017; Antopol'skii, Efremenko 2018], причем они учитывали доминирующую роль государства в организации управления научной сферой, а также советский опыт создания Государственной системы научно-технической информации (ГСНТИ) и продолжающееся функционирование отдельных элементов ее инфраструктуры. Однако фактически работа по созданию Единого российского электронного пространства знаний на системном уровне не была начата, хотя, безусловно, получили развитие ряд цифровых информационных ресурсов и сервисов, в том числе в области со-

¹ Deketelaere K. The EU Must Write its Research Ambitions into Law. 13.05. 2021. URL: <https://www.researchprofessionalnews.com/tr-news-europe-views-of-europe-2021-5-the-eu-must-write-its-research-ambitions-into-law/> (дата обращения: 12.02.2022)

циогуманитаристики. Тем не менее говорить о перспективах конкуренции с ЕС проблематично хотя бы в силу отсутствия на уровне российских органов государственной власти, университетов, исследовательских институтов и IT-компаний ясного представления о необходимой инфраструктуре для поддержки цифровизации науки.

Не затрагивая весь спектр возникающих в этом контексте проблем, выскажем некоторые соображения относительно европейского опыта создания цифровой инфраструктуры научных исследований. Прежде всего, система подобных ERIC консорциумов может содействовать преодолению межведомственных и межсекторальных барьеров, о чем в настоящее время идет дискуссия в связи с Европейским пространством знания. Сеть инфраструктурных институций (по аналогии с ERIC) имеет смысл формировать по основным тематическим областям научного знания. Эти институции с привлечением широкого круга специалистов и представителей групп интересов могли бы осуществлять следующие функции:

- мониторинг и каталогизация создаваемых информационных ресурсов;
- создание и поддержка репозитория научных данных и электронных библиотек;
- оценка и сертификация цифровых информационных ресурсов и программных инструментов;
- наукометрические исследования;
- интеграция информационных ресурсов, прежде всего, на основе платформы Семантической сети и связанных данных;
- архивирование и долговременное хранение сертифицированных информационных ресурсов с возможностью их повторного использования;
- идентификация информационных объектов, существенных для данной тематической области;
- образовательные программы по обучению прогрессивным технологиям;
- поддержка стандартов, метаданных, методик и средств лингвистического обеспечения.

Обращаясь к опыту ЕС, следует использовать не только лучшие практики и инфраструктурные решения. Речь идет и о политических задачах, связанных с процессами межгосударственной интеграции. Цифровая научная инфраструктура в силу первоначальных условий финансирования и функциональных особенностей стимулирует коллаборации научных коллективов, которые в случае ЕС являются и межгосударственными коллаборациями. Поэтому принципиально важна установка на развитие цифровой научной инфраструктуры как фактора интеграции на постсоветском пространстве.

Сегодняшнее запаздывание с принципиальными решениями в отношении Единого российского электронного пространства знаний вполне можно компенсировать инициативами на уровне Союзного государства России и Беларуси, а также на уровне ЕАЭС, если соответствующими полномочиями и ресурсами будут наделены наднациональные органы евразийской интеграции. Надо осознавать, что львиная доля затрат на формирование единой цифровой инфраструктуры науки в рамках ЕАЭС ляжет на российский бюджет, но ожидаемые научные и политические результаты окупят эти издержки. Необходимо и создание имеющего достаточное финансовое обеспечение научного фонда, распределяющего на конкурсной основе

гранты на проведение исследований и разработок коллективам с международным составом участников. Что касается инфраструктуры цифровой социогуманитаристики, то ее ресурсы и инструментарий будут содействовать пониманию социальных процессов, многие из которых являются общими для постсоветского пространства, осмыслению разнообразия и многовекового взаимообогащения культур народов стран ЕАЭС, сбережению их исторического наследия.

Цифровая инфраструктура социальных и гуманитарных наук в странах ЕС видится в этой оптике одновременно в качестве конкурента и партнера. Например, ученые Армении, являющейся членом ЕАЭС и ОДКБ, но входящей при этом в Восточное партнерство, в настоящий момент могут рассчитывать на участие в финансируемых РНФ проектах в индивидуальном качестве или в составе небольших групп. В то же время армянские научные группы и организации могут претендовать на более весомое финансирование по линии ЕС, поскольку Армения выступает ассоциированным участником программы *Horizon Europe*. Создание качественной цифровой инфраструктуры науки в рамках ЕАЭС могло бы, по крайней мере, обеспечить исследователям стран постсоветского пространства возможность выбора либо использования в исследовательских целях преимуществ доступа ко всем цифровым ресурсам и инструментам.

Заключение

В настоящей статье мы предприняли попытку представить ландшафт цифровой социогуманитаристики в странах Евросоюза и показать основные тенденции в развитии соответствующей инфраструктуры. Развитие цифровой социогуманитаристики в ЕС отражает не только принципиальные установки Брюсселя относительно консолидации общего пространства исследовательской и образовательной деятельности, но, по крайней мере, имплицитно оказывает содействие формированию наднациональной идентичности и вносит вклад в нарратив единой Европы. Иными словами, в качестве инструмента мягкой силы ЕС цифровая социогуманитаристика не ограничивается только позитивным имиджем серии более или менее успешных инициатив и инфраструктурных сервисов, но также задает «проевропейский» вектор программам исследований и связанной с ними научной коммуникации. Этот опыт представляется весьма значимым и для стран, заинтересованных в развитии собственных интеграционных проектов, которые в той или иной степени выступают в качестве геополитических конкурентов Евросоюза.

Однако помимо геополитической конкуренции сохраняются интересы и потребности самого научного сообщества. Принципиальное значение имеет приверженность исследователей стран ЕС, России и постсоветского пространства принципам открытого доступа и открытой науки. Даже в условиях глубочайшего кризиса в отношениях России и Запада следование этим принципам позволит сохранить каналы научной коммуникации и использовать инструменты научной дипломатии. В дальнейшем, при появлении окна возможностей для снижения остроты геополитического противостояния, активизация научного сотрудничества станет одним из

первых шагов, благоприятствующих выстраиванию новой, более устойчивой и инклюзивной архитектуры безопасности в Европе и в целом на Евразийском континенте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антопольский А.Б., Ефременко Д.В. (2017) *Инфосфера общественных наук России*. Директ-Медиа, Москва, Берлин. 678 с.

Водопьянова Е.В. (2019) Европейское культурное наследие как единство традиционного и инновационного. *Современная Европа*, № 5. С. 5–12. DOI: 10.15211/soveurope520190512

Европейское социальное исследование: изучение базовых социальных, политических и культурных изменений в сравнительном контексте. Россия и 25 стран Европы. Аналитический доклад (2008) Институт сравнительных социальных исследований. Москва. URL: https://www.cessi.ru/_files/ugd/634eda_0d3bb1d216214d9980bd4c8009d2dd64.pdf (дата обращения: 12.02.2022)

Antopol'skii A., Efremenko D. (2018) The Uniform Electronic Space Revisited. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, V. 88, No 16, pp. 89–95. DOI: 10.1134/S1019331618010070

Callon M., Law J. (1989) On the Construction of Sociotechnical Networks: Content and Context Revisited. *Knowledge and Society: Studies in the Sociology of Science*, Vol. 8, pp. 57–83.

Carayannis E.D., Morawska-Jancelewicz J. (2022) The Futures of Europe: Society 5.0 and Industry 5.0 as Driving Forces of Future Universities. *Journal of the Knowledge Economy*. Online version. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s13132-021-00854-2> (accessed 14.02.2022). DOI: 10.1007/s13132-021-00854-2

Chubin D.E. (1985). Open Science and Closed Science: Tradeoffs in a Democracy. *Science, Technology, & Human Values*, Vol. 10, No 2, pp. 73–80. DOI: 10.1177/016224398501000211

Floridi L. (2012) Big Data and Their Epistemological Challenge. *Philosophy and technology*, Vol. 25, No 4, pp. 435–437. DOI: 10.1007/s13347-012-0093-4

Jasanoff S. (2007). *Designs on Nature: Science and Democracy in Europe and the United States*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Kaltenbrunner W. (2017) Digital Infrastructure for the Humanities in Europe and the US: Governing Scholarship through Coordinated Tool Development. *Computer Supported Cooperative Work (CSCW)*, Vol. 26, No 3, pp. 275–308. DOI:10.1007/s10606-017-9272-2

Meyer T. et al. (2010) The Role of e-Infrastructures in the Creation of Global Virtual Research Communities. Final Report for the eResearch2020 project. URL: <https://www.empirica.com/publikationen/documents/2010/eResearch2020%20Final%20Report.pdf> (accessed: 12.02.2022)

Weingart P. (2002) The Moment of Truth for Science. The Consequences of the 'Knowledge Society' for Society and Science. *EMBO reports*, Vol. 3, No 8, pp. 703–706. DOI: 10.1093/embo-reports/kvf165

Wilkinson M. et al. (2016) The FAIR Guiding Principles for Scientific Data Management and Stewardship. *Scientific Data*, 3:160018. URL:

<https://www.nature.com/articles/sdata201618.pdf> (accessed: 12.02.2022). DOI:10.1038/sdata.2016.18

Political Aspects of the Development of the Infrastructure of Digital Social Sciences and Humanities in the European Union

A.B. Antopol'skii *

Doctor of Science (Technology)

Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS.

51/21, Nakhimovskij prospect, Moscow, Russia, 117418.

***E-mail:** *ale5695@yandex.ru*

D.V. Efremenko*

Doctor of Science (Politics)

Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS.

51/21, Nakhimovskij prospect, Moscow, Russia, 117418.

***E-mail:** *mail: efdv2015@mail.ru*

Abstract. The article explores the problems of the development of digital infrastructure of social sciences and humanities in the countries of the European Union. Particular attention is paid to the European Research Infrastructure Consortia (ERICs), as well as to other projects and initiatives in the field of digital social sciences and humanities (SSH). The development of digital infrastructure for these areas of scientific knowledge is one of the political priorities of the European Commission and other EU bodies. Aside from contribution to the effectiveness of the European Research Area (ERA), support of digital SSH indirectly contributes to the strengthening of supranational institutions and European identity. At present, there are grounds to identify the existence of a digital infrastructural basis of the European Knowledge Area. In this regard, the importance of the EU experience for the future development of digital infrastructure in Russia and the EAEU countries is growing. The creation of consortiums of the digital scientific infrastructure within the EAEU and the expansion of opportunities for funding of collaborative research projects are important directions in strengthening integration processes and developing the scientific potential of the post-Soviet countries. In conclusion, the authors emphasize the great importance of the principle of open science, which could be a basis for cooperation between researchers from the EU countries, Russia and other post-Soviet states.

Keywords: digital humanities, digital social sciences, European Union, European Research Area, science policy, digital infrastructure policy, Russia.

DOI: 10.31857/S0201708322030056

EDN: GEZNIQ

REFERENCES

Antopol'skii A., Efremenko D. (2017) *Infosfera obshchestvennykh nauk Rossii* [Infosphere of Russia's Social Sciences]. Direct-Media, Moscow, Berlin. 678 p. (in Russian).

Современная Европа, 2022, № 3

Antopol'skii A., Efremenko D. (2018) The Uniform Electronic Space Revisited. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, V. 88, No 16, pp. 89–95. DOI: 10.1134/S1019331618010070

Callon M., Law J. (1989) On the Construction of Sociotechnical Networks: Content and Context Revisited. *Knowledge and Society: Studies in the Sociology of Science*, Vol. 8, pp. 57–83.

Carayannis E.D., Morawska-Jancelewicz J. (2022) The Futures of Europe: Society 5.0 and Industry 5.0 as Driving Forces of Future Universities. *Journal of the Knowledge Economy*. Online version. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s13132-021-00854-2> (accessed 14.02.2022). DOI: 10.1007/s13132-021-00854-2

Chubin D.E. (1985). Open Science and Closed Science: Tradeoffs in a Democracy. *Science, Technology, & Human Values*, Vol. 10, No 2, pp. 73–80. DOI: 10.1177/016224398501000211

Evropejskoe socialnoe issledovanie: izuchenie bazovykh socialnykh, politicheskikh i kulturnykh izmenenii v sravnitel'nom kontekste. Rossiya i 25 stran Evropy. Analiticheskij doklad. [European Social Survey: A Study of Basic Social, Political and Cultural Changes in a Comparative Context. Russia and 25 European Countries. Analytical Report.] (2008) Institut sravnitelnykh socialnykh issledovanij. Moscow. URL: https://www.cessi.ru/_files/ugd/634eda_0d3bb1d216214d9980bd4c8009d2dd64.pdf (accessed 12.02.2022) (in Russian).

Floridi L. (2012) Big Data and Their Epistemological Challenge. *Philosophy and technology*, Vol. 25, No 4, pp. 435–437. DOI: 10.1007/s13347-012-0093-4

Jasanoff S. (2007). *Designs on Nature: Science and Democracy in Europe and the United States*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Kaltenbrunner W. (2017) Digital Infrastructure for the Humanities in Europe and the US: Governing Scholarship through Coordinated Tool Development. *Computer Supported Cooperative Work (CSCW)*, Vol. 26, No 3, pp. 275–308. DOI:10.1007/s10606-017-9272-2

Meyer T. et al. (2010) The Role of e-Infrastructures in the Creation of Global Virtual Research Communities. Final Report for the eResearch2020 project. URL: <https://www.empirica.com/publikationen/documents/2010/eResearch2020%20Final%20Report.pdf> (accessed: 12.02.2022)

Vodopjanova E.V. (2019) Evropejskoe kulturnoe nasledie kak edinstvo traditsionnogo i innovatsionnogo [European Cultural Heritage as a Unity of the Traditional and the Innovative]. *Sovremennaya Evropa*, No. 5, pp. 5–12. DOI: 10.15211/soveurope520190512 (in Russian).

Weingart P. (2002) The Moment of Truth for Science. The Consequences of the 'Knowledge Society' for Society and Science. *EMBO reports*, Vol. 3, No 8, pp. 703–706. DOI: 10.1093/embo-reports/kvf165

Wilkinson M. et al. (2016) The FAIR Guiding Principles for Scientific Data Management and Stewardship. *Scientific Data*, 3:160018. URL: <https://www.nature.com/articles/sdata201618.pdf> (accessed: 12.02.2022) DOI:10.1038/sdata.2016.18

УДК 342.8

СПЕЦИФИКА ФЕНОМЕНА АБСЕНТЕИЗМА КАК СЛЕДСТВИЕ КРИЗИСА ДОВЕРИЯ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ УКРАИНЫ

© 2022 ГАВРИЛЮК Дмитрий Юрьевич*

Кандидат политических наук

*Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова.
01054, Украина, Киев, Тургеневская ул., 8/14.*

***E-mail:** *d.yu.havrylyuk@npu.edu.ua*

Поступила в редакцию 18.11.2021

После доработки 02.03.2022

Принята к публикации 15.03.2022

Аннотация. В статье проанализирован абсентеизм и его влияние на кризис доверия к политическим институтам на Украине, особенно в контексте турбулентных условий функционирования избирательного института. На основе анализа исследований украинских экспертов, а также динамики доверия к выборам и другим политическим институтам, абсентеизм рассмотрен в нескольких контекстах. Отмечено, что абсентеизм является симптомом деформации политических и гражданских институтов, показателем низкой политической культуры и предвестником социальной напряженности из-за нарушения солидарности и самоизоляции от политической жизни общества. В то же время абсентеизм – предвестник социальных и политических преобразований, поскольку вместо традиционных форм политического участия могут появиться новые формы участия и новые формы легитимации власти. Сделан вывод, что абсентеизм усиливает электоральную дезорганизацию украинского общества, делает невозможным трансформацию института выборов как технического механизма в направлении сознательного выбора прагматичных элит. Как деструктивная форма электоральной культуры абсентеизм проявляется в стабильности политического поведения апатичных граждан, а также в их нигилистических политических и правовых позициях.

Ключевые слова: абсентеизм, политические институты, институциональный кризис, политическое участие, выборы, политическая жизнь общества.

DOI: 10.31857/S0201708322030068

EDN: GFGZUJ

Демократия, как отмечал 16-й президент США Авраам Линкольн, «это правление народа, избранное народом и для народа». В современных условиях этот принцип реализуется благодаря гарантированию всем гражданам равных политических прав, в том числе внедрению всеобщего избирательного права. Однако реальная возможность

для каждого проявлять свою гражданскую активность стала одновременно и достоянием, и проблемой демократии¹. С одной стороны, политическая теория четко артикулирует, что в любой демократической стране активное участие населения в политической жизни является одним из условий успешного развития. В то же время, несмотря на решающую роль, которую должны играть граждане в жизни своей страны, становится все более распространенным явление абсентеизма². Он стал одной из форм уклонения избирателей от участия в выборах в органы государственной власти и местного самоуправления. Одним из приоритетных факторов развертывания абсентеистского отношения к выборам является функциональная и институциональная трансформация института выборов.

В постсоветских странах пока отсутствует четкая демократическая практика и традиция проведения выборов и восприятия их результатов. Другим фактором, способствующим политической пассивности и абсентеизму, является популярное политическое самовнушённое убеждение украинцев, что от них ничего не зависит, потому что власть не учитывает их пожелания и интересы. Результаты социологических исследований свидетельствуют, что граждан Украины, считающих, что они совсем не влияют на власть, подавляющее большинство. В частности, согласно исследованию, проведенному социологической службой Центра имени А. Разумкова, на вопрос – «Можете ли Вы сказать, что вовлечены в активную общественную деятельность? (динамика, 2008–2013)» – 72,4% отвечает, что они не влияют на центральную власть, а 62,8% утверждает, что не имеет никаких рычагов влияния не только на центральные, но и на местные органы власти.

По мнению В. Губаня, выборы на Украине перестают быть средством достижения согласия в обществе³. Так, в 2012 г. был проведен опрос о согласии или несогласии с тем, что выборы являются реальным механизмом влияния граждан на власть. Одержали победу скептики – более 46 против 32% полагающих, что из-за выборов они влияют на власть⁴. Снижение избирательной активности является, прежде всего, выражением разочарования граждан в украинской избирательной системе, показателем потери доверия к властным структурам всех уровней, уменьшения значимости демократических ценностей на фоне обострения экономических проблем, свидетельством убежденности в том, что выборы не изменяют жизнь в стране к лучшему, что результаты выборов предопределены. Рост числа абсентеистов в украинском обществе можно интерпретировать как проявление серьезного кризиса легитимности политической системы, глубокого кризиса норм и ценностей.

¹ Topalova S. (2020) Absenteizm kak problema: mezhdru aktivnost'yu i kompetentnost'yu. LB.UA. 17.02.2020. URL: https://lb.ua/blog/svetlana_topalova/450092_absenteizm_yak_problema_mizh.html (дата обращения: 20.09.2021)

² Solomoniuk I. (2019) Problema absenteizma v sovremennoy Ukraine. URL: <https://conferences.vntu.edu.ua/index.php/mn/mn2019/paper/viewFile/8089/6747> (дата обращения: 13.08.2021)

³ Guban V. (2007) Vymiry ukraïns'koho absenteizmu. *Yurydychna Gazeta*. No 28 (112), July 12.

⁴ Razumkov Centre. (2012) *Chy Vy z'hodni z tym, shcho vybory v Ukraïni ye real'nyim mekhanizmom vplyvu hromadyan na vladu*. URL: http://www.razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=603 (дата обращения: 13.08.2021)

Согласно другому опросу, 62% украинцев не считают институт выборов выходом из кризиса (политического и экономического), в то время как 50% опрошенных связывают улучшение качества жизни с кадровыми изменениями во всех ветвях власти¹. Неутешительный вердикт по отношению к функционированию института выборов на Украине можно проследить, анализируя динамику изменения гражданского мнения по поводу того, какие меры и средства отстаивания своих прав украинские граждане считают наиболее эффективными настолько, что они сами готовы принять в них участие, когда нарушены их права и интересы. Результаты измерения были предоставлены исследователями Института НАН социологии Украины. В среднем от 13 до 24% украинцев считают, что участие в предвыборных кампаниях может стать эффективным при нарушении и защите гражданских прав. В то же время от 15 до 34% граждан Украины полагают, что не только выборы, но и другие формы отстаивания прав (сбор подписей под коллективными петициями; законные митинги и демонстрации; бойкот (отказ выполнять решения администрации, органов власти); несанкционированные митинги и демонстрации; незаконные забастовки; голодовки; пикетирование государственных учреждений; захват зданий государственных учреждений, блокирование путей сообщения; создание независимых от президента и правительства вооруженных формирований) не кажутся эффективными и допустимыми настолько, чтобы они приняли в них участие [Institute of Sociology, 2020].

На современном этапе общественно-политического развития выборы на Украине превращаются из инструмента обеспечения властвования опытных, уважаемых, профессиональных представителей в механизм эффективной манипуляции сознанием граждан [Gavryliuk, 2015].

Обратимся к динамике участия граждан Украины выборах в период с 1991 по 2019 г. После распада СССР была провозглашена независимость Украины, и на Всеукраинском референдуме 1 декабря 1991 г. не участвовали только 16% избирателей, голосовали все независимо от состояния здоровья, настроения и собственных предпочтений. Именно тогда был зафиксирован самый низкий процент неявки избирателей. Это событие стало рекордным по волеизъявлению граждан, поскольку люди шли в новую жизнь, в новое будущее, в новую страну, они верили, что могут что-то изменить к лучшему, что их мнение чего-то стоит.

В 1994 г. во время выборов президента Украины явка избирателей на избирательных участках равнялась 71,63%, в 1999 г. – 74,9%, поэтому можно отметить, что в период президентства Леонида Кучмы была «стабильность неявки на выборы» – около 29% [Koval, 2010].

Вторым высоким показателем электоральной активности стали события 2004 г., которые принято называть «оранжевой революцией». В 2004 г. было зарегистрировано 26 кандидатов на пост президента, однако реальная политическая борьба про-

¹ iPress.ua (2013) *Mayzhe 62% ukraintsiv vvazhayut', shcho ne mozhut' vplynuty na vladu – doslidzhennya*. 30.05.2013. URL: http://ipress.ua/news/mayzhe_62_ukraintsiv_vvazhayut_shcho_ne_mozhut_vplynuty_na_vladu_doslidzhennya_20806.html (дата обращения: 13.08. 2021)

исходила между двумя кандидатами – В. Ющенко и В. Януковичем. 3 декабря 2004 г. Верховный суд Украины признал выборы недействительными, проходил третий тур выборов, в котором победил кандидат от оппозиции – В. Ющенко (процент явки избирателей составил 77,28%) [Koval, 2010].

С 2006 г. количество граждан, не принимавших участие в выборах, резко возросло до 38%, что объясняется большой разочарованностью людей во власти. Граждане хотели видеть политические, экономические и социальные изменения, но происходили только политические распри, в частности, ссоры внутри «оранжевой» команды. Следствием этого стало то, что в 2010 г. явка избирателей составила 69,70%, на выборы пришли голосовать только 25,5 млн человек [Koval, 2010].

Несмотря на активность гражданского протеста «революции достоинства» выборы 2014 г. дали самые низкие показатели за всю историю президентских выборов: голосовать пришло 17,8 млн граждан или 60,3% избирателей [Prudka, 2014].

Если рассматривать президентские выборы 2019 г., то стоит отметить особый интерес граждан к их проведению, поскольку яркая личность, известный артист В. Зеленский баллотировался на пост главы государства, однако на выборах наблюдалась незначительная активность граждан Украины: явка в первом туре составляла 62,8%, во втором – 61,37%¹. Явка на президентских выборах всегда была выше, чем на парламентских (снижение от 76% в 1994 г. до 50% в 2019 г.), поскольку граждане воспринимают их как событие, имеющее наиболее важные последствия для будущего развития страны.

Проблема абсентеизма особенно актуальна в контексте существующих для украинского общества рисков. Это трансформация гражданской некомпетентности в сознательное игнорирование политики; утверждение нигилистических акцентов политического поведения; неготовность нести политическую ответственность, осуществлять гражданские обязанности и т.д. Абсентеизм как акт электорального отказа, уход граждан от политической жизни можно считать прямым вызовом демократизации в современной Украине: «коррупционные и популистские практики в политике приводят к деформации демократических процедур, обесценению политического веса голосов избирателей, искажению культуры субъектов избирательного процесса. Жизнь вне закона и вопреки закону – один из форматов публичности, который пренебрегает уважением к личным правам, свободам других граждан и является прямым фактором абсентеизма. Ориентация на сознательное безразличие к политике постепенно становится нормой мировоззрения и поведения современника» [Gavryliuk, 2015].

Следует обратить внимание на то, что до 2010 г. во всех избирательных бюллетенях на Украине существовал вариант ответа «против всех». Он фактически был громоотводом для радикализированных граждан. После внесения изменений в избирательное законодательство в 2010 г. негативное отношение к власти и политике в целом приобрело новый формат: игнорирование или бойкот избирательных компаний; отказ от анализа участников избирательной гонки; критика тех или иных

¹ Solomoniuk I. (2019) Problema absenteizma v sovremennoy Ukraine. URL: <https://conferences.vntu.edu.ua/index.php/mn/mn2019/paper/viewFile/8089/6747> (дата обращения: 13.08.2021)

участников избирательных компаний в разной форме в социальных сетях. Такой абсентеизм, по мнению украинской исследовательницы Гавриловской, является негативным явлением, поскольку снижает легитимность власти и свидетельствует об отчуждении граждан от государства. Рост уровня политического абсентеизма, по ее словам, является индикатором несовершенства политической системы, недоверия к демократическим институтам, нарастания социальной напряженности в обществе, показателем наличия политического кризиса в обществе [Gavrilovska, 2017].

Согласно исследованию, проведенному социологической службой Центра Разумкова с 29 июля по 4 августа 2021 г., недоверие чаще всего выражается парламенту – Верховной Раде Украины (75%), политическим партиям (72%), президенту Украины (58%)¹. Если исходить из результатов исследования, проведенного социологической службой Центра Разумкова в период с 11 по 16 июня 2021 г., на вопрос 17,4% опрошенных ответили, что не принимали бы участия в выборах, «если бы в ближайшее время проходили выборы в Верховную Раду Украины». В то же время 16,3% респондентов не приняли бы участия и в выборах главы государства².

Своеобразный «абсентеистский рекорд» был поставлен год спустя, во время всеукраинских местных выборов 2020 г. Явка избирателей составила примерно 37%. Это самый низкий показатель за годы независимости Украины. Так, 26 июня 1994 г. явка на местные выборы была 75,6%, 29 марта 1998 г. – 70,8%, 31 марта 2002 г. – 69,3%, 26 марта 2006 г. – 67,6%, 31 октября 2010 г. – 48,7%, 25 октября 2015 – 46,5% [Voytyuk, 2020]³. Член-корреспондент НАН Украины профессор и доктор философских наук Е. Головаха утверждал, что одной из причин низкой явки избирателей на местных выборах в 2020 г. стало также и то, что люди разочаровались в новых лицах. Местные выборы прошли на фоне внедрения неоднозначных изменений и нововведений в избирательное законодательство. Так, идея украинских законодателей бороться с локальным «сепаратизмом» путем максимальной «партизации» органов местного самоуправления не выдержала испытания местными выборами. Вместо настоящих национальных партий появились городские и даже сельские объединения, названные в честь того или иного мэра. Не было воспринято на местах и то, что в руках партийных лидеров появился усиленный инструмент отзыва местных депутатов, у части которых из-за большей авторитетности, уровень доверия выше, чем у регионального партийного лидера [Klyuzhev, 2021].

¹ Trust in the institutions of society and politicians, electoral orientations of the citizens of Ukraine (July-August 2021. Razumkov Centre. 10.08.2021. URL: <https://razumkov.org.ua/napriamky/sotsiologichni-doslidzhennia/dovira-do-institutiv-suspilstva-ta-politykiv-elektoralni-orientatsii-gromadian-ukrainy> (дата обращения: 13.08.2021)

² Electoral orientations of citizens of Ukraine (June 2021)]. Razumkov Centre. 24.06.2021. URL: <https://razumkov.org.ua/napriamky/sotsiologichni-doslidzhennia/elektoralni-orientatsii-gromadian-ukrainy-cherven-2021> (дата обращения: 13.08.2021)

³ The lowest turnout and failure of "Servants of the People". How will the 2020 local elections be remembered?]. Suspil'ne movlennya Ukrainy. 26.10.2020. URL: <https://suspilne.media/74406-najnizca-avka-ta-proval-slugi-narodu-cim-zapamatautsa-miscevi-vibori-2020/> (дата обращения: 22.12.2021)

Таким образом, электоральный абсентеизм гипотетически не представляет существенного риска для длительной демократизации политической жизни Украины. Впрочем, этот показатель временный. Абсентеизм – это не только уклонение от участия в выборах и от участия в политических событиях в целом (в более широком толковании), но также безразличие к социально-политическим процессам. Это приводит к деформации функционирования демократических институтов и шаткости легитимности власти [Folomiciev, Kryzhanivska, 2020].

Абсентеизм: восприятие феномена и политический контекст

В западной научной литературе абсентеизм рассматривается в основном как девиантная форма политического поведения рационального избирателя, тогда как украинские ученые рассматривают его также как результат сознательного политического выбора в контексте неразвитости политической культуры украинских граждан [Бондарь, Тодрина, 2019]. Механизм отхода от участия в политике на подсознательном уровне выражает несерьезное восприятие гражданами ценности собственного долга избирательного участия и голосования, легкомысленное отношение к формированию политической субъектности, которая будет определять политические правила в будущем, а также качество политики в целом [Gavryliuk, 2015].

Политика связана не только с привычным функционированием государства и политической системы, но и с централизованным («провиденциальным») формированием политических смыслов, норм и ценностей политической культуры [Денисенко, 2015]. В современных постиндустриальных обществах политика может не входить в список осознанных интересов большинства населения. Кризис централизованно-бюрократических государств и устоявшихся форм государственной власти генерирует, в свою очередь, не менее масштабные и острые кризисы: 1) снижения доверия к базовым институтам политики (кризис доверия); 2) делигитимации политических, а также государственных институтов власти (кризис легитимности власти); 3) неэффективность реализации принятых государственных решений (кризис проникновения и нарушения работы механизма обратной связи власти и гражданского общества). Все вышеуказанные кризисы существуют и на Украине, где уровень доверия (в том числе, легитимности) к ведущим с точки зрения управления государства институтам – парламенту и президенту – на протяжении всех лет независимости страны находится на довольно низком уровне. С учетом большей релевантности для украинцев президентской избирательной кампании красноречивыми следует считать результаты исследований общественного мнения Институтом социологии НАН Украины о доверии граждан к главе государства (Таблица 1), а также политическим партиям как одним из наиболее активных субъектов политической системы.

Уровень доверия к партиям остаётся критическим. Так, согласно опросу, проведенному Фондом «Демократические инициативы» имени Илька Кучерива совместно с Киевским международным институтом социологии с 1 по 7 июня 2021 г. в целом украинцы не доверяют политическим партиям. Лишь немногим менее 20% респондентов доверяют, большинство, а это почти три четверти – не испытывают такого доверия. Основные причины недоверия к партиям – невыполнение предвыборных

обещаний (56%), коррумпированность (41%) и зависимость от олигархов (31%). Представители молодого поколения чаще говорят о проблемах коррупции в партийной жизни и зависимости от олигархов.

Таблица 1

Уровень доверия граждан к президенту Украины

	1994	1996	2000	2004	2005	2008	2010	2014	2015	2018	2019	2020
	Л. Кравчук	Л. Кучма			В. Ющенко		В. Янукович		П. Порошенко		В. Зеленский	
Совершенно не доверяю	32,2	29,4	24,4	30,2	8,3	23,3	14,6	19,2	30,1	39,2	10,1	22,4
Преимущественно не доверяю	20,6	16,5	18,7	27,9	11,4	26,5	18,3	15,6	25,2	33,7	16,0	24,9
Трудно сказать, доверяю или нет	27,1	30,7	29,6	26,7	30,9	26,8	36,3	31,3	26,6	19,4	27,0	30,2
Преимущественно доверяю	11,6	16,3	20,3	12,6	32,7	19,7	24,5	28,5	16,5	7,2	34,9	18,8
Полностью доверяю	4,5	7,1	6,6	2,4	16,5	3,6	6,3	5,4	1,1	0,6	12,0	3,6

Источник: Institute of Sociology. Ukrainian society: monitoring of social change, 7 (21), 2020.

Большинство респондентов скептически оценивают выполнения политическими партиями своих функций. Только по поводу участия в государственном управлении и подготовке законов большинство респондентов отвечают утвердительно. По мнению респондентов, хуже политическим партиям удастся формирование политической элиты и выработка политики в разных сферах, хуже всего у них получается формирование и эффективная реализации власти, обеспечение связи между властью и обществом и гармонизация интересов разных социальных групп¹.

Часть украинских ученых считает абсентеизм симптомом деформации политических и гражданских институтов, индикатором низкой политической культуры и предвестником социальной напряженности вследствие нарушения солидарности и самоизоляции политической жизни общества. С другой стороны, абсентеизм может быть одновременно и переходным звеном к политическим инновациям, частью развития политической системы общества из-за кризисов и трансформации традиционных форм политической активности [Folomieiev, Kryzhanivska, 2020]. Абсентеизм – вызов для молодой демократии и деструктивный фактор для института выборов, ведь при низкой явке избирателей снижается легитимность новоизбранной власти, а также нивелируется ценность вотума избирательного доверия. Для устоявшихся демократий абсентеизм может быть релевантным способом гражданской и электоральной позиции относительно политической стратегии действующей власти, которая неадекватна с точки зрения граждан.

¹ Політичні партії очима виборців: як створити передумови ефективного представництва. Фонд Демократичні Ініціативи імені Ілька Кучеріва аналітична, адвокаційна і просвітницька організація. URL: <https://dif.org.ua/article/politichni-partii-ochima-vibortsiv-yak-stvoriti-peredumovi-efektivnogo-predstavnistva> (дата обращения: 13.08. 2021)

О причинах и специфике абсентеизма на Украине

Причинами абсентеизма на Украине является политическая турбулентность, хронические политические кризисы, а также популистская политика, игнорирующая интересы граждан. Завышенные электоральные ожидания тоже подогревают абсентеистские настроения. Часть граждан культивирует стереотип «идеального политика», который работает в пользу государства и общества 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, хотя, безусловно, в мире почти нет политиков с абсолютно безупречной репутацией.

Исследователи С.Д. Гелей и С.М. Рутар считают, что абсентеизму способствует иррациональность украинской политической культуры, оценка деятельности политиков не по шкале ее практической результативности, профессиональной способности, а по моральным и этнопсихологическим критериям: справедливый – несправедливый, честный – нечестный, мужественный – робкий, патриот – предатель, свой – чужой. Такое восприятие образа политика создает благоприятную почву для политического мошенничества [Geley, Rutar, 2008], которое укрепляет высокий уровень недоверия к политическим субъектам и политической сфере со стороны граждан Украины.

Фактором абсентеизма на Украине является и низкая, несистемная политическая коммуникация субъектов политики, избранных демократическим путем. Граждане высказывают свою точку зрения без гарантий ее имплементации в политическое решение, политики транслируют свои политические программы без дополнительной дискуссии с избирателями. Коммуникация происходит исключительно посредством лояльных к власти СМИ и активизируется в основном перед избирательным процессом или во время пиков политических кризисов, когда необходимо переориентировать избирателей с одного (невыгодного для субъекта политики) на другой фокус (более выгодный). Деструктивным в политических коммуникациях власти является нежелание аргументированно объяснить населению ничтожность решений предыдущей власти и пренебрежение публичным признанием определенных положительных сдвигов, которые имели место в политическом прошлом. Существует также неприятие альтернативной протестной точки зрения на развитие страны и общества.

Причинно-следственную связь воспроизведения абсентеизма на Украине следует искать и в контексте дискредитации избирательных институтов, низкой политической образованности граждан, отсутствия ответственности за свой выбор перед будущими поколениями и распространения механизмов подкупа избирателей. Так, 16 декабря 2021 г. в г. Днепре гражданская сеть ОПОРА представила результаты социологического опроса об отношении населения к подкупу избирателей. Более 11% опрошенных украинцев сталкивались с попытками подкупа на выборах, в то время как 64,5% опрошенных заявили, что не готовы продать свой голос ни при каких обстоятельствах. В то же время, по словам участника обсуждения результатов исследования политолога Владислава Романова, «на сегодняшний день в Украине можно наблюдать постоянное понижение явки избирателей на избирательные участки. При этом подкуп значительно более дешевая технология, чем построение классической избирательной кампании. Начиная с 2012–2013 гг. появилась и новая форма подкупа. Платить начали не за голос за соответствующего кандидата, а наоборот, за то, чтобы не голосовали. Людям давали деньги, чтобы они не приходили на избирательные участки.

Коварство данной технологии в том, что такая схема не вызывает отрицательного диссонанса: что человек продал свой голос, свое будущее. Вроде бы личность просто не пошла на выборы, ничего не изменила»¹.

Щебетун и Грабарь, в свою очередь, пришли к выводу, что основными причинами, в результате которых граждане Украины все меньше участвуют в выборах, стало то, что люди не ощущают заботу о себе, ведь после выборов лозунги о низких тарифах, о повышении пенсий, социального благосостояния и т. д. сразу же забываются. Низкий рейтинг политических партий связан с тем, что они не имеют социальной опоры, их программы не воплощаются в жизнь, потому что они нереальны, неконкретны. Есть фактор дезинформации, когда граждан вводят в заблуждение относительно истинного положения дел в стране, выдают желаемое за действительное. Именно поэтому подавляющее большинство избирателей уверены в том, что выборы нечестны и результаты известны заранее [Shchebetun, Hrabar, 2020].

Согласно исследованиям, проведенным Институтом социологии НАН Украины, 48,8% опрошенных считают, что среди политических партий и движений нет таких, которым можно доверить власть, 49,3% считают, что нет политических лидеров, которые способны эффективно управлять страной [Parashevin, 2018: 421]. Соответственно, такое отношение приводит и к искаженному восприятию индивидом себя как субъекта политических процессов, снижению политической активности, снятию с себя общественных обязательств по легитимации власти тех, к кому нет доверия. Согласно результатам последней волны Национального опроса по поводу общественного привлечения, которое Программа «Присоединяйся!» провела зимой 2021 г., украинцы разочарованы в представителях власти. 87,2% соглашаются, что находящиеся у власти люди не заботятся о населении. 83,6% считают, что мнение граждан не имеет значения для власти, а 79,9% украинцев убеждены, что не могут повлиять на события в стране. 84,9% согласны с тем, что, когда человек достигает высших эшелонов власти, то начинает использовать свой статус для личного обогащения. 72% украинцев считают, что на Украине нет реальной политической элиты².

Практику политического и электорального абсентеизма также можно объяснить и общими характеристиками системы власти. По мнению С. Кононенко, недостатками украинской демократии являются ее олигархический, коррупционный и имитационный характер. Главной идеей первой («олигархической») характеристики является стратегия «институциональных перетасовок». Речь идет о подмене проблемы неравного распределения общественных благ (поляризации и расслоения) множеством мелких,

¹ Civil Network OPORA (2021) *Pidkup vybortsiv yak stalyy element ukrayins'koyi vyborchoyi systemy – u Dnipri obhovoryly chomu vazhko pozbutysya tekhnolohiy pidkupu vybortsiv*. 23.12.2021. URL: <https://www.oporua.org/news/vybory/23808-pidkup-vibortsiv-iak-stalii-element-ukrayinskoyi-viborchoyi-sistemi-u-dnipri-obgovorili-chomu-vazhko-pozbutisia-tekhnologii-pidkupu-vibortsiv> (дата обращения: 13.08. 2021)

² Зроби за мене: українці готові до самоорганізації, але покладають відповідальність за свій добробут на державу. Фонд Демократичні Ініціативи імені Ілька Кучеріва аналітична, адвокаційна і просвітницька організація. URL: <https://dif.org.ua/article/zrobi-za-mene-ukraintsi-gotovi-do-samoorganizatsii-ale-pokladayut-vidpovidalnist-za-sviy-dobrobut-na-derzhavu> (дата обращения: 13.08.2021)

большей частью ненужных задач по нормативно-институциональному реструктурированию политической жизни (написание и переписывание конституций, «совершенствование» до бесконечности партийной системы и т.д.). Главным акцентом второй характеристики украинской демократии (коррупционной) является тот факт, что коррупция превратилась в определяющий механизм политической деятельности. В конце концов и избирательный процесс становится подкупом избирателей обещаниями (и не только ими). Особенностью третьей характеристики («имитационной») украинской демократии, по мнению С. Кононенко, является то, что настоящей движущей силой подобных политических систем является коррупция, а все остальное: создание государства, многопартийность, парламентаризм, самоуправление, экономическая конкуренция и т.д. – просто имитируется [Kononenko, 2012].

Абсентеизм не стоит демонизировать, ведь он не является первопричиной низкого качества политики и поведения политиков с их неустойчивой политической позицией. Положительным аспектом политического абсентеизма является то, что он может рассматриваться как критерий демократичности общества. Действительно, в тоталитарных странах политический абсентеизм невозможен как явление: голосуют все, независимо от настроения, состояния здоровья, вкусов или предпочтений, и результаты такого голосования легко предсказуемы [Gavrilovska, 2017].

Векторы минимизации рисков абсентеизма

Чтобы уменьшить риск влияния абсентеизма как фактора институциональной нестабильности, необходимо, чтобы, во-первых, в политическом процессе не генерировались стратегии и схемы достижения конъюнктурных политических интересов отдельных политических групп, а политические игроки ориентировались на качественную политическую конкуренцию и рациональную политическую повестку дня; во-вторых, важно, чтобы внедрение секторальных реформ было системным, взаимодополняющим и не нивелирующим демократические права граждан; в-третьих, важно, чтобы борьба с коррупцией и правовым нигилизмом на всех уровнях власти не оставалась лишь декларацией о намерениях. Стремление к власти не должно исключать институциональных и секторальных реформ.

Для решения проблемы абсентеизма необходима и новая модель политического рынка, и прежде всего его немонополизированная модель, предполагающая преобладание на нем не «продавца» (сообщества профессиональных политиков), а «покупателя» таких услуг, то есть граждан, действующих на основе развитых обратных связей с институтами власти и управления [Бондарь, Тодрина, 2019]. Необходимы и новые политические, и электоральные институты – более гибкие и адаптирующиеся к запросам избирателей [Бирюков и др., 2018].

Важной предпосылкой предупреждения абсентеизма как фактора кризиса политических институтов является восстановление доверия граждан к сфере политики, ее агентов и результатов, которые они продуцируют. По мнению украинского социолога Головахи, «реальный путь повышения доверия в обществе – это последовательный переход от контроля государства над обществом и личностью к последовательному контролю гражданского общества по отношению к государственно-

му аппарату и его методам управления социально-политической сферой и экономикой» [Головаха и др., 2014]. Признанием участия в выборах обязательным введением санкций за неучастие или различными средствами материального поощрения, действительно, можно поднять явку на избирательных участках. Если это будет просто механическое увеличение, не сопровождающееся ростом качественного уровня участия, будут закладываться/наращиваться предпосылки системной деградации и власти, и общества. К тому же нивелируется защитная роль абсентеизма, а она также важна, особенно для молодых демократий¹.

Позитивно на уменьшение уровня абсентеизма украинских граждан, имеющих избирательные права, может повлиять и изменение подходов в оценке деятельности политических институтов. К таким изменениям в подходах мы относим: 1) использование комплекса законных инструментов защиты своих прав и прав общин; 2) получение дополнительных навыков политической образованности и компетентностей из открытых источников политического образования; 3) прагматичную оценку результатов и интерпретации эффективности институтов власти; 4) введение в школьную образовательную программу курса о гражданском обществе; 5) активную, патриотическую гражданскую позицию без политических идолов, с толерантным подходом к политическому инакомыслию.

Чтобы абсентеизм не накапливал деструктивное влияние на политические институты, в том числе на выборы, важно всем участникам исходить из позиции недопустимости деструктивных институциональных феноменов: злоупотреблений во время организации избирательной кампании, недопущения части избирателей к процессу голосования, злоупотреблений во время подсчета голосов, нецивилизованной избирательной агитации и контрагитации. Не менее важным для институциональной стабильности на Украине может стать и улучшение качества политики и ее игроков. Политические партии, общественные организации и движения должны стать не номинальными, а реальными фильтрами подготовки и отбора высоконравственных, но компетентных политиков для представления своих интересов. Для последних важно предлагать реальную предвыборную коммуникацию с избирателями и оперативно реагировать на непонимание политического контекста с их стороны. Это поможет и гражданам усовершенствовать свой подход к отбору политических элит: уделять внимание политической и правовой культуре; отсутствию коррупционного прошлого у политика; полноценному, а не обобщенному знанию лидерами полномочий и функций политических институтов.

Выводы

Увеличение количества избирателей во время волеизъявления граждан, их активное и широкое участие в политической жизни не является гарантированным предохранителем против институционального кризиса. Нестабильность могут предотвра-

¹ Topalova S. (2020) Absenteizm kak problema: mezhdru aktivnost'yu i kompetentnost'yu. LB.UA. 17.02.2020. URL: https://lb.ua/blog/svetlana_topalova/450092_absenteizm_yak_problema_mizh.html (дата обращения: 20.09.2021)

тить понимание алгоритмов функционирования политических институтов, специфики реализации избирательного процесса, систематического мониторинга качества и результативности политики, а в случае необходимости, системной активизации конвенциональных инструментов давления на власть. Имеет большое значение внимание избирателей к контексту и политическим стратегиям кандидатов. Гражданский аудит решений власти должен быть системным, лишенным политических иллюзий.

Абсентеизм может способствовать политическим инновациям. Разочарование избирателей в бывших политических элитах, а затем и рост абсентеизма способствует очищению политического поля и возможности инсталляции новых политических проектов. В очередном политическом и избирательном цикле это позволяет влиять на формирование новых ожиданий граждан, под которые и будут формироваться новые политические проекты.

Активизация деятельности общественных организаций по внедрению и расширению неформального гражданского образования, в том числе в части формирования электоральной компетентности разных групп населения, пойдет на пользу уменьшению риска абсентеизма как фактора институциональной нестабильности. Особенно если учесть тот факт, что фактически половина украинских граждан считают, что на Украине есть возможность свободно выражать свои политические взгляды (Таблица 2).

Таблица 2

**Могут ли сегодня люди в Украине свободно выражать
свои политические взгляды? (%)**

	1994	2000	2004	2008	2012	2016	2018	2020
Нет	14,7	13,2	21,1	16,5	30,1	38,0	29,9	21,1
Трудно сказать	29,8	35,9	23,9	18,3	23,4	16,8	20,3	23,6
Да	55,2	50,7	54,9	65,1	46,3	45,2	49,8	55,2
Не ответили	0,3	0,2	0,1	0,1	0,2	0,0	0,0	0,1

Источник: Institute of Sociology. Ukrainian society: monitoring of social change, 7 (21), 2020.

Электоральная константа на Украине – гарантирование принципа свободного избирательного права и добровольности участия в выборах, которые являются краеугольным камнем избирательной политики и практики. Ответственность за электоральное безразличие сегодня возложена не только на государство, но также на политическую элиту, интеллигенцию (ученых, художников, общественных деятелей) и, собственно, всех граждан Украины. Промедление с политическими и экономическими реформами, симуляция модернизации социальной системы общества, консервирование и легализация на государственном уровне политической коррупции, кумовства, анахронизмов авторитарных и тоталитарных политических режи-

мов создают благоприятные условия для легитимации таких правил политической жизни общества, при которых абсентеизм востребован.

Воспроизводство абсентеизма на Украине обусловлено процедурной и содержательной прокрастинацией субъектами политической власти демократической трансформации политических процессов, а также внутренней легитимацией гражданами имобилизованных политических практик. Для предотвращения этого сценария иррациональные качества абсентеизма можно локализовать чисто прагматическими механизмами (разнообразными политическими технологиями в сфере мобилизации гражданской вовлеченности; объективизацией процессов политической компетенции избирателей, политических и законодательных гарантий права выбора и персональной ответственности политиков).

Важной составляющей преодоления институциональной нестабильности, а затем кризиса является уважение верховенства права, соблюдение верховенства закона и режима законности в публичной деятельности как власть имущих, так и граждан. Важно, чтобы каждый политический институт занимался возложенными на него функциональными обязанностями в полной мере.

Для украинского избирательного контекста актуален тезис американского политического обозревателя Дж. Уилла о том, что «голосование не определяет течения событий. Голосование решает, кто будет определять ход событий». Следовательно, без сложившегося от граждан запроса на качественные изменения в политической жизни страны, проведения реальных, а не мифических институционных реформ, установление эффективной демократии на системном уровне останется утопией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бирюков С.В., Кисляков М.М., Щеглова Д.В., Прокопенко С.А. (2018) Электоральный абсентеизм в контексте современных социально-политических трансформаций. *Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*. № 43. С. 171–180. DOI: doi.org/10.17223/1998863X/43/16

Бондарь Н.А., Тодрина И.В. (2019) Феномен электорального абсентеизма в современном обществе. *Современное общество: политические науки, социологические науки, культурологические науки*. № 2 (18) С. 28–36. DOI: doi.org/10.34142/24130060.2019.18.2.03

Головаха Е. (2014) *Общество без доверия*. Под ред. Е. Головахи, Н. Костенко, С. Макеева. Институт социологии НАН Украины, Киев. 338 с.

Денисенко И.Д. (2015) Моделирование поведения личности в современных социокультурных контекстах: методологические основания и перспективы. *Научный вестник ХНПУ. Серия «Философия»*. № 45 (1). С. 205–214.

Folomieiev M.A., Kryzhanivska V.I. (2020) Absenteeism as a social phenomenon: interpretation features. *Habitus*. No 12 (1), pp. 73–81. DOI: doi.org/10.32843/2663-5208.2020.12-1.12

Folomieiev M.A., Kryzhanivska V.I. (2021). Absenteeism as an indicator of disruption of social cohesion in society. *Habitus*. No 1(24), pp. 39–46. DOI: doi.org/10.32843/2663-5208.2021.24.1.7

Gavrilovska K. (2017) Political absenteeism in modern Ukraine. *Socio-political and psychological studies*. No 1, pp. 14–15.

Gavryliuk D. (2011) Political research of the causes of the phenomenon of absenteeism in political practice. *Political Science and Methods of Teaching Socio-Political Disciplines*. No 6, pp. 106–112.

Gavryliuk D. (2015) *Absenteeism as a Phenomenon of Electoral Culture in the Context of Democratization in Ukrainian Society*. PhD diss. National Pedagogical Dragomanov University. Kyiv, Ukraine.

Geley S.D., Rutar. S.M. (2008) *Politolohiya*. K.: Znannya.

Institute Sociology NAS of Ukraine (2020) Ukrainian society: monitoring of social change. No 7 (21). Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv.

Khalota A. (2015) Problemnyye voprosy absenteizma v Ukraine. *Elektronnyy Repozytariy Natsional'noyi Akademiyi Vnutrishnikh Sprav*. URL: <http://elar.naiu.kiev.ua/jspui/handle/123456789/8752> (дата обращения: 13.08. 2021).

Klyuzhev O. (2021) *More khvylyuyet'sya: kudy zanesla Ukrainu khvylya mistsevykh vyboriv?*. *Lexinform*. 04.01.2021. URL: <https://lexinform.com.ua/v-ukraini/more-hvylyuyetsya-kudy-zanesla-ukrainu-hvylya-mistsevykh-vyboriv/> (дата обращения: 13.08. 2021)

Kononenko S. (2012) Ukrainian democracy: acquired features as lost opportunities. *Naukovi zapysky: Visnyk Instytutu politychnykh i etnonatsional'nykh doslidzhen' im. I. F. Kurasa*. No 6(62), pp. 166–179.

Koval R. (2010) Absenteyizm v Ukraini: osoblyvosti ta dynamika. Proc. of conference “*Prospects and threats to democracy in the post-Orange period in Ukraine*”, National University “Ostroh Academy”, Ostroh, pp. 37–40.

Parashevin M.A. (2018) *Rezultaty natsional'nykh shchorichnykh monitorynhovykh opytuvan' 1994–2018*. pod red. M.A. Parashevina. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv. URL: <https://i-soc.com.ua/assets/files/monitoring/dodatki2018.pdf>. (дата обращения: 13.08.2021)

Prudka L.M. Elektoral'nyy absenteyizm v Ukraini yak zahroza demokratiyi. *The South Ukrainian Law Journal*. No 2, pp. 179–181.

Shchebetun I.S. and Hrabar O.S. (2020) Absenteizm kak problema sovremennoy demokratii. *Uchenyye zapiski TNU imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: yuridicheskiye nauki*. No 2, pp. 63–68.

Stepanenko V. (2015) *Civil Society: Discourses and Practices*. Institute of Sociology, NAS of Ukraine, Kyiv.

The Specifics of the Phenomenon of Absenteeism as a Consequence of a Crisis of Confidence in Political Institutions in Ukraine

D.Yu. Havryliuk *

Candidate of Science (Politics)

National Pedagogical Dragomanov University.

St. Turgenevskaya 8/14, Kyiv, 01054. Ukraine.

***E-mail:** d.yu.havrylyuk@npu.edu.ua. **ORCID iD:** 0000-0001-6187-8739

Abstract. The article highlights the specifics of absenteeism and its impact on the crisis of confidence in political institutions in Ukraine, especially in the context of the turbulent conditions of the functioning of the electoral institution. In the article,

based on the analysis of studies by Ukrainian experts, as well as the dynamics of trust in elections and other political institutions, the phenomenon of absenteeism is explored in several contexts. At the same time, absenteeism is the harbinger of social and political transformations because, instead of traditional forms of political participation, new forms of political participation and new forms of power legitimization may appear. The authors conclude that absenteeism intensifies the electoral disorganization of the Ukrainian society, makes it impossible to legitimize the electoral institution transformation from a technical mechanism to the conscious choice of pragmatic elites. As a destructive form of electoral culture of citizens, absenteeism becomes obvious in the stability of political behavior of apathetic citizens and their nihilistic political and legal positions. An important prerequisite for preventing absenteeism as a factor in the crisis of political institutions is the restoration of citizens' confidence in the sphere of politics, its agents and the results that they produce.

Keywords: absenteeism, political institutions, institutional crisis, political participation, elections, political life of society.

DOI: 10.31857/S0201708322030068

EDN: GFGZUJ

REFERENCES

- Biryukov S.V., Kislyakov M.M., Shcheglova D.V., Prokopenko S.A. (2018) Elektoral'nyy absenteizm v kontekste sovremennykh sotsial'no-politicheskikh transformatsiy [Electoral absenteeism in the context of contemporary sociopolitical transformations]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. No 43, pp. 171–180. DOI: 10.17223/1998863X/43/16
- Bondar N., Todrina I. (2019) Fenomen elektoral'nogo absenteizma v sovremennom obshchestve [The phenomenon of electrical absenteeism in modern society]. *Sovremennoye obshchestvo: politicheskiye nauki, sotsiologicheskkiye nauki, kul'turologicheskkiye nauki*. No 2 (18), pp. 28–36. DOI: doi.org/10.34142/24130060.2019.18.2.03 (in Ukraine).
- Denisenko I.D. (2015) Modelirovaniye povedeniya lichnosti v sovremennykh sotsiokul'turnykh kontekstakh: metodologicheskkiye osnovaniya i perspektivy [Behaviour modelling of the person in modern social and cultural contexts: methodological bases and prospect]. *Visnik Harkivs'Kogo Nacional'Nogo Pedagogichnogo Universitetu imeni G.S. Skovorodi. Filosofiâ*. No 45 (1), pp. 205–214. (in Ukraine).
- Folomieiev M.A., Kryzhanivska V.I. (2020) Absenteeism as a social phenomenon: interpretation features. *Habitus*. No 12 (1), pp. 73–81. DOI: doi.org/10.32843/2663-5208.2020.12-1.12 (in Ukraine).
- Folomieiev M.A., Kryzhanivska V.I. (2021). Absenteeism as an indicator of disruption of social cohesion in society. *Habitus*. No 1(24), pp. 39–46. DOI: doi.org/10.32843/2663-5208.2021.24.1.7 (in Ukraine).
- Gavrilovska K. (2017) Politicheskyy absenteizm v sovremennoy Ukraine [Political absenteeism in modern Ukraine]. *Socio-political and psychological studies*. No 1, pp. 14–15 (in Ukraine).

Gavryliuk D. (2011) Politologicheskiye issledovaniya prichin proyavleniya v politicheskoy praktike fenomena absenteizma [Political research of the causes of the phenomenon of absenteeism in political practice]. *Political Science and Methods of Teaching Socio-Political Disciplines*. No 6, pp. 106–112 (in Ukraine).

Gavryliuk D. (2015) *Absenteeism as a Phenomenon of Electoral Culture in the Context of Democratization in Ukrainian Society*. PhD diss. National Pedagogical Dragomanov University. Kyiv, Ukraine (in Ukraine).

Geley S.D., Rutar. S.M. (2008) *Politolohiya* [Political Science]. K.: Znannya (in Ukraine).

Holovakha Y. (2014) *Obshchestvo bez doveriya* [A society without trust]. pod red. Ye. Golovakhi, N. Kostenko, S. Makeyeva. Institute of Sociology, NAS of Ukraine, Kyiv. 338 p.

Institute Sociology NAS of Ukraine (2020) Ukrainian society: monitoring of social change. No 7 (21). Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv. (in Ukraine).

Khalota A. (2015) Problemnyye voprosy absenteizma v Ukraine [Problematic issues of absenteeism in Ukraine]. *Elektronnyy Repozytariy Natsional'noyi Akademiyi Vnutrishnikh Sprav*. URL: <http://elar.naiu.kiev.ua/jspui/handle/123456789/8752> (accessed: 13.08. 2021), (in Ukraine).

Klyuzhev O. (2021) *More khvylyuyet'sya: kudy zanesla Ukrayinu khvylyla mistsevykh vyboriv?* [The sea is worried: where did the wave of local elections take Ukraine?]. *Lexinform*. 04.01.2021. URL: <https://lexinform.com.ua/v-ukraini/more-hvylyuyetsya-kudy-zanesla-ukrayinu-hvylyla-mistsevykh-vyboriv/> (accessed: 13.08. 2021) (in Ukraine).

Kononenko S. (2012) Ukrainian democracy: acquired features as lost opportunities. *Naukovi zapysky: Visnyk Instytutu politychnykh i etnonatsional'nykh doslidzhen' im. I. F. Kurasa*. No 6(62), pp. 166–179 (in Ukraine).

Koval R. (2010) Absenteyizm v Ukrayini: osoblyvosti ta dynamika [Absenteeism in Ukraine: features and dynamics]. Proc. of conference “*Prospects and threats to democracy in the post-Orange period in Ukraine*”, National University “Ostroh Academy”, Ostroh, pp. 37–40. (in Ukraine).

Parashevin M.A. (2018) *Rezultaty natsional'nykh shchorichnykh monitorynhovykh opytuvan' 1994–2018* [Results of national annual monitoring surveys 1994–2018]. pod red. M.A. Parashevina. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv. URL: <https://i-soc.com.ua/assets/files/monitoring/dodatki2018.pdf>. (accessed: 13.08.2021) (in Ukraine).

Prudka L.M. Elektoral'nyy absenteyizm v Ukrayini yak zahroza demokratiyi [Electoral absenteeism in Ukraine as a threat to democracy]. *The South Ukrainian Law Journal*. No 2, pp. 179–181. (in Ukraine).

Shchebetun I.S. and Hrabar O.S. (2020) Absenteizm kak problema sovremennoy demokratii [Absenteeism as a problem of modern democracy]. *Uchenyye zapiski TNU imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: yuridicheskiye nauki*. No 2, pp. 63–68 (in Ukraine).

Stepanenko V. (2015) *Civil Society: Discourses and Practices*. Institute of Sociology, NAS of Ukraine, Kyiv (in Ukraine).

УДК 339.562

ГЕРМАНСКИЙ ИМПОРТ ПОСЛЕ КОРОНАВИРУСНОГО КРИЗИСА¹

© 2022 ГРАЧЕВА Мария Владимировна*

Кандидат экономических наук

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук.
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.*

***E-mail:** mgracheva@mail.ru

Поступила в редакцию 17.01.2022

После доработки 09.03.2022

Принята к публикации 15.03.2022

Аннотация. Статья посвящена анализу товарного импорта, поступающего в Германию из основных центров международной торговли (Евросоюз, США, Китай). Сравниваются динамика импорта и структурные сдвиги в торговых потоках в 2013–2019 гг. и в 2020–2021 гг. Сопоставление проводится в трех измерениях – страновом, отраслевом и перекрестном (страновом/отраслевом). В страновом разрезе импорта выделены два уровня – агрегированный (ЕС рассматривается как целое) и дезагрегированный (ЕС рассматривается в разбивке по 27 странам до брекзита и по 26 странам после брекзита). Определены основные источники импорта (Евросоюз как целое на агрегированном уровне и Китай, Нидерланды, США, Польша, Франция, Италия на дезагрегированном уровне) и импортеры (автомобилестроение, электронная промышленность, производство прочих товаров, химическая промышленность, машиностроение, электротехническая промышленность). Исследована роль импортного ядра (комплекса основных стран-поставщиков в увязке с основными отраслями-импортерами) в изменениях германского импорта, произошедших в 2021 г. и в предыдущие периоды (2013–2019 гг. и 2020 г.). Автор констатирует переходы от концентрации к фрагментации изменений относительно этого ядра и затем к возобновлению концентрации, которым сопутствовали, соответственно, уверенный рост, за которым последовал спад и вновь менее уверенный рост. Рассмотрены сдвиги в структуре германско-

¹Дополнительные материалы к статье (Таблицы: 1) Импорт в Германию из Большой тройки (Б-3), страны, 2) Импорт в Германию из Большой тройки (Б-3), отрасли, 3) Изменение импорта в Германию, среднемесячное, агрегированная Большая тройка (Б-3)/отрасли, 4) Структура импорта в Германию, агрегированная Большая тройка (Б-3)/отрасли) размещены в электронном виде на сайте журнала (www.sov-europe.ru) на странице номера.

го импорта электроники в связи с проблемой перебоев в поставках. На основе проведенного анализа сформулированы предположения о дальнейшем развитии товарного импорта Германии.

Ключевые слова: Германия, внешняя торговля, импорт, Большая тройка, Евро-союз, США, Китай, автомобилестроение, электроника.

DOI: 10.31857/S020170832203007X

EDN: GFXSDC

Внешняя торговля вносит значительный вклад в экономическое развитие Германии: в 2021 г. экспортная квота составила 39%, импортная квота – 33%¹, в последние пять лет наблюдается тенденция к сокращению разницы между этими показателями. Для экономики страны характерна сильная ориентация не только на экспорт, но и на импорт. Локомотивом германской внешней торговли – как экспорта, так и импорта – является торговля с Большой тройкой (Б-3), включающей в себя в агрегированном виде три основных центра международной торговли – Евросоюз (ЕС) как целое, США, Китай. В дезагрегированном виде Б-3 охватывает 29 стран-партнеров ФРГ до выхода Великобритании из ЕС в 2020 г. (ЕС-27, США, Китай) и 28 стран с 2020 г. (ЕС-26, США, Китай) [подробнее о необходимости анализа германской внешней торговли через призму торговли с Б-3 – Германия. 2019, 2020: 88–89].

В 2021 г. эксперты ведущих исследовательских организаций в сфере экономики и авторитетных экономических изданий опубликовали ряд работ, посвященных проблемам текущей динамики импорта. В них рассмотрены отдельные страновые/отраслевые источники импорта (китайский [Matthes, 2021; Wolf, 2021], сырьевой [Wellenreuther, 2021], полупроводниковый [Köllner, 2021; Pertschy, 2021]), разрывы снабженческих цепочек [Beckmann, Gern, Jannsen, 2021; Beckmann, Jannsen, 2021; Brautzsch et al., 2021; Clemens, Junker, Pagenhardt, 2021; Müller, 2021], прогнозные индикаторы импорта [Grimme, Lehmann, Nöller, 2021], влияние валютных курсов на цены импортных товаров [Blagov, 2021]. Федеральное статистическое агентство выпустило фундаментальный обзор на тему дефицита полуфабрикатов и промежуточных товаров, значительная часть которого посвящена перебоям с импортными поставками [Lieferengpässe bremsen Industrie..., 2021].

Предлагаемая вниманию читателей статья находится в целом в русле указанных исследований, при этом в ней использован специфический – перекрестный (страновой/отраслевой) подход. С одной стороны, анализируется импорт из Б-3 на двух уровнях – *агрегированном* (ЕС как целое, США, Китай) и *деагрегированном* (ЕС в разбивке по странам, США, Китай). С другой стороны, выделяются *важнейшие отрасли*, продукция которых поступает из трех центров международной торговли.

¹ Здесь и далее приводится информация Федерального статистического ведомства Германии и основанные на ней расчеты и индикаторы (Statistisches Bundesamt, Genesis-Online Datenbank. URL: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online>). Экспортная и импортная квоты (отношение экспорта/импорта к валовому внутреннему продукту в текущих ценах) рассчитаны по товарной внешней торговле, без учета услуг.

Это позволяет выяснить, как формируются импортные потоки в увязке стран с отраслями.

Для выявления сдвигов, обусловленных наступлением пандемии, необходимо провести циклический анализ, поэтому в статье рассмотрены три периода динамики германского импорта с разной продолжительностью (их сравнимость обеспечивается использованием среднемесячных показателей):

- непрерывный рост в 2013–2019 гг.,
- коронавирусный спад в 2020 г.,
- восстановительный рост в 2021 г. (по данным за январь–сентябрь).

Сопоставление характеристик этих периодов покажет, чем отличается минувший 2021 г. от подъема 2013–2019 гг. и кризиса 2020 г.

Страновые и отраслевые характеристики германского импорта

Ориентация товарного импорта ФРГ на три центра мировой торговли весьма сильна: в благополучный период 2013–2019 гг. доля Б-3 поднялась с 71 до 74%, затем в кризисном 2020 г. она подросла еще на 1 процентный пункт (п.п.) – с 74 до 75% в старом составе до брекзита и с 70 до 71% в новом составе после брекзита, а при возобновлении роста в 2021 г. сохранила достигнутый уровень.

Распределение импорта из Б-3 по странам характеризуется следующими особенностями¹.

В 2013 г. основной объем (более половины) импорта пришелся:

- в рамках агрегированной Б-3 – на Евросоюз (80%),
- в рамках дезагрегированной Б-3 – на группу из пяти стран (их совокупная доля составила 51%), а именно на Нидерланды, Китай, Францию, США и Италию.

Основные изменения в течение трех указанных выше периодов обеспечивались:

- в рамках агрегированной Б-3 – одинаково, а именно Евросоюзом (на 68, 93 и 80% соответственно),
- в рамках дезагрегированной Б-3 – перечни стран оказались разными (в первом периоде – Китай, США, Польша и Чехия; во втором – Нидерланды, Франция, Бельгия, Чехия, отсутствие Китая и Польши объяснялось тем, что они показали рост, а не спад импорта; в третьем – Китай, Бельгия, Нидерланды, Италия).

Соответственно в 2021 г. Евросоюз, как и прежде, остался важнейшим источником импорта на уровне агрегированной Б-3, хотя его доминирование несколько ослабло (на 5 п.п., до 75%). На уровне дезагрегированной Б-3: (а) изменился лидер группы, концентрирующей больше половины импорта (им стал Китай, который оттеснил Нидерланды на второе место); (б) США и Италия сохранили свое присутствие в этой группе; (в) Польша вытеснила из группы Францию.

Серьезно ослабла роль Великобритании: в 2013 г., хотя она и не входила в число основных стран, все же занимала в Б-3/29 шестое место, а в 2019 г. (накануне брекзи-

¹ Указаны по мере убывания страны с наибольшими объемами/приростами импорта, совокупная доля которых составляет более 50%.

та) ее рейтинг снизился до десятой позиции. В 2021 г. этот процесс продолжился – Британия заняла в старом составе Б-3 одиннадцатое место.

Распределение импорта из Б-3 в Германию по отраслям выглядит следующим образом¹.

В 2013 г. в список шести основных отраслей, поглощающих более половины объема импорта из Б-3 (с совокупной долей 52%), вошли автомобилестроение, электронная промышленность, химическая промышленность, производство прочих товаров, машиностроение, металлургия.

Основные изменения в течение трех периодов обеспечивались:

- в 2013–2019 гг. (рост) – четырьмя отраслями с совокупной долей 56% (автомобилестроение, производство прочих товаров, электроника, электротехника),
- в 2020 г. (спад) – также четырьмя отраслями с совокупной долей 56% (автомобильная, производство прочих транспортных средств, коксохимическая/нефтеперерабатывающая, машиностроительная),
- в 2021 г. (рост) – тремя отраслями с совокупной долей 52% (производство прочих товаров, металлургия, электротехника).

Соответственно в 2021 г. группа из шести основных отраслей изменилась: (а) электротехническая индустрия заняла место металлургической (последняя не входит в группу с 2014 г.); (б) по сравнению с 2013 г. ослабили позиции химической промышленности, автомобилестроения и машиностроения (главным образом из-за снижения германского спроса на пластмассы в первичных формах, автокомпоненты и офисную технику соответственно), и напротив, укрепились позиции производства прочих товаров и электроники.

Развитие германского импортного ядра

Наиболее важными факторами развития германского импорта, поставляемого из Б-3, являются компоненты, выявляемые в двойном (страновом/отраслевом) разрезе. Среди них можно выделить ключевые компоненты (на суммы от 10% роста/спада импорта в соответствующие периоды, для обеспечения сравнимости трех разных периодов – в среднемесечном измерении). В рамках агрегированной Б-3 насчитывается 13 таких ключевых компонентов динамики германского импорта, десять из них относятся к Евросоюзу (на сумму 6,89 млрд евро), остальные три – к Китаю (на сумму 1,12 млрд евро), у США подобных компонентов не оказалось. Следовательно, базовая тенденция развития импорта формируется германским спросом на товары ЕС, а китайские и/или американские поставки могут лишь скорректировать (усилить или ослабить) эту тенденцию. Масштабы базовой тенденции и коррекции составляют (в среднемесечном измерении): в 2013–2019 гг. – 1,9 и 0,8 млрд евро, в 2020 г. – 5,1 и 1,9 млрд евро, в 2021 г. – 7,9 и 3,0 млрд евро (рассчитано как абсолютное значение размаха изменений), т.е. доля ЕС составила 70, 73 и 72% соответственно. Пропорции между китайской и американской коррекцией

¹ Указаны по мере убывания отрасли с наибольшими объемами/приростами импорта, совокупная доля которых составляет более 50%.

в указанные периоды (62:38, 53:47 и 83:17) свидетельствуют о том, что доминирование КНР над США было сильнее в годы роста и слабее в год спада. Ведущая роль Китая объясняется тем, что в его компонентах преобладают электроника и электротехника (эти отрасли мало пострадали от коронакризиса и быстро восстанавливаются), а в американских компонентах – транспортные средства помимо автомобилей (эта отрасль как раз оказалась заметной жертвой сокращения авиаперевозок и морских круизов во время пандемии и пока остается в кризисе).

Ниже представлены компоненты среднемесячных изменений импорта в ФРГ в виде страновой/отраслевой матрицы (из агрегированной Б-3 на суммы от 10% роста/спада импорта и из дезагрегированной Б-3 на суммы от 0,15 млрд евро).

Матрица ключевых компонентов изменений германского импорта из Б-3

1. Изменение импорта, 2019/2013

	Агрегированная Б-3	Дезагрегированная Б-3	
		Основные страны	Другие страны
Основные отрасли	EC/29(+0,4)	720/26(+0,2)	Нет
	EC/89(+0,3)		
Другие отрасли	EC/19(-0,1)	Нет	Нет
	EC/30(-0,1)		

2. Изменение импорта, 2020/2019

	Агрегированная Б-3	Дезагрегированная Б-3	
		Основные страны	Другие страны
Основные отрасли	EC/29(-1,0)	720/26(+0,2)	017/20(-0,2)
	720/26(+0,2)		
Другие отрасли	EC/19(-0,6)	720/13(+0,5)	Нет
		003/19(-0,4)	
	720/13(+0,5)	400/30(-0,3)	
		003/06(-0,2)	
		001/30(-0,2)	
	EC/21(+0,4)		

3. Изменение импорта, 2021/2020

	Агрегированная Б-3	Дезагрегированная Б-3	
		Основные страны	Другие страны
Основные отрасли	EC/89(+2,7)	720/26(+0,6)	015/89(+0,2)
		003/89(+0,5)	061/89(+0,2)
		720/27(+0,3)	
		060/89(+0,3)	017/20(+0,2)
		005/89(+0,3)	

	Агрегированная Б-3	Дезагрегированная Б-3	
		Основные страны	Другие страны
		001/89(+0,2)	011/89(+0,2)
		060/27(+0,2)	
		720/89(+0,2)	017/89(+0,2)
		720/28(+0,2)	
		400/89(+0,2)	007/20(-0,2)
		003/20(+0,2)	
Другие отрасли	ЕС/24(+1,1)	003/06(+0,3)	017/21(+0,5)
		005/24(+0,3)	
	ЕС/30(-0,3)	003/19(+0,2)	
		001/30(-0,2)	017/24(+0,2)
	720/13(-0,5)	003/21(-0,2)	
		720/13(-0,5)	

Примечания.

1. Ключевые компоненты обозначены следующим образом: код страны/код отрасли, в скобках указано направление изменения (+/-) и его величина (млрд евро). Основные страны-источники импорта: в агрегированной Б-3 – Евросоюз, в дезагрегированной Б-3 – Китай, Нидерланды, США, Польша, Франция, Италия. Основные отрасли-импортеры – автомобилестроение, электронная промышленность, производство прочих товаров, химическая промышленность, машиностроение, электротехническая промышленность.

2. Данные для матрицы рассчитаны автором на основе электронной базы данных Федерального статистического ведомства Германии: Statistisches Bundesamt, Genesis-Online Datenbank, Statistik 51000, Außenhandel, URL: <https://www-genesis.destatis.de/genesis/online> (дата обращения: 10.02.2022).

В 2013–2019 гг. зафиксированы пять компонентов с совокупным объемом изменений в 1 млрд евро, из них *три, выделенные курсивом*, относятся к импортному ядру – *основным странам/основным отраслям (0,9 млрд евро)*, и два – к основным странам/другим отраслям (0,1 млрд евро); компоненты с характеристиками другие страны/основные отрасли и другие страны/другие отрасли отсутствуют. Доля импортного ядра составила 60% по числу компонентов и 88% по объему изменений, в т.ч. на уровнях агрегированной/деагрегированной Б-3 – 50 и 86%/100 и 100%.

В 2020 г. число компонентов увеличивается до 12, объем – до 4,5 млрд евро, их параметры выглядят следующим образом: *два – основные страны/основные отрасли (1,2 млрд евро)*, *восемь – основные страны/другие отрасли (2,9 млрд евро)*, *два – другие страны/основные отрасли (0,3 млрд евро)*, компонентов с характеристиками другие страны/другие отрасли нет. Доля импортного ядра составила 17% по числу компонентов и 25% по объему изменений, в т.ч. на уровнях агрегированной/деагрегированной Б-3 – 20 и 39%/14 и 5%.

В 2021 г. характеристики ключевых компонентов вновь сильно выросли: по числу – до 29, по объему – до 11,3 млрд евро. Их структура такова: *12 – основные*

страны/основные отрасли (6 млрд евро), девять – основные страны/другие отрасли (3,4 млрд евро), шесть – другие страны/основные отрасли (1,2 млрд евро), два – другие страны/другие отрасли (0,7 млрд евро). Доля импортного ядра составила 41% по числу компонентов и 52% по объему изменений, в т.ч. на уровнях агрегированной/деагрегированной Б-3 – 25 и 59%/44 и 47%.

Сравнение трех периодов с точки зрения состояния импортного ядра показывает: в первом периоде в этом ядре была сосредоточена львиная доля изменений, во втором периоде большая часть изменений вышла за пределы ядра, в третьем периоде значительная часть изменений вернулась в рамки ядра, однако его роль еще не достигла своего высокого докризисного уровня.

Далее, следует обратить внимание на степень внутренней противоречивости ключевых компонентов в рамках рассматриваемых периодов, которую можно измерить посредством доли оппозиционных изменений (тех, которые были противоположны итоговой направленности). В период роста 2013–2019 гг. доля отрицательных изменений в общем объеме изменений составила 11,8%, в год спада (2020 г.) доля положительных изменений была гораздо выше – 35% (это свидетельствовало о том, что кризис был в значительной мере неестественным), а в год восстановительного роста (2021 г.) доля отрицательных изменений – 15,8% – оказалась выше, чем в первый период.

Ослабление Евросоюза и укрепление Китая в электронике, доминирование Евросоюза в автомобилестроении

Как отразились свершившиеся сдвиги на соотношении сил между тремя центрами агрегированной Б-3 в рамках отдельных отраслей? Среди основных отраслей-импортеров только у производства прочих товаров доли трех центров в 2021 г. остались почти на тех же уровнях, что в 2013 г., а импорт продукции пяти других основных отраслей довольно заметно усилил свою ориентацию на Китай за счет снижения роли ЕС. Доля последнего сократилась: в автомобилестроении – на 4 п.п., в электронике – на 8 п.п., в химической промышленности и машиностроении – на 6 п.п., в электротехнике – на 5 п.п. Среди остальных отраслей самые значительные (более чем на 10 п.п.) потери ЕС/выигрыши Китая следует отметить в текстильной и мебельной промышленности (16 и 12 п.п. соответственно), а в производстве транспортных средств кроме автомобилей, угледобыче и нефте-/газодобыче главным бенефициаром от снижения роли ЕС стали США (30, 20, 16 п.п. соответственно).

В 2013–2019 гг. Европейский союз играл вторую скрипку только в двух отраслях из 30, и они не относились к числу основных – в импорте продукции швейной промышленности лидером был Китай, а в импорте продукции угледобывающей промышленности лидером были США. В 2020 г. к этим отраслям прибавилась одна из основных – электронная промышленность, главным поставщиком электроники в ФРГ стал Китай, и в 2021 г. его ведущая роль укрепилась. Если в 2013–2019 гг. доля ЕС в импорте электронных товаров из Б-3 уменьшалась в среднем на 0,6 п.п. в год, то в 2020–2021 гг. скорость падения утроилась – до 1,9 п.п. в год.

В осеннем прогнозе развития экономики ФРГ¹ ожидаемый по итогам 2021 г. темп прироста валового внутреннего продукта был определен на уровне 2,6% (на 0,9 п.п. ниже весеннего прогноза), фактический показатель составил 2,7%. Торможение произошло и в начале 2022 г., оно вызвано перебоями в поставках и ускорением инфляции. В свою очередь, первопричиной разрывов снабженческих цепочек является обусловленная последствиями коронакризиса нехватка сырья/материалов (прежде всего полупроводников, стройматериалов, химического сырья) и мощностей в морских грузоперевозках. Самое длительное время требуется для преодоления дефицита полупроводников, одновременно именно эта проблема оказывает наиболее сильное негативное влияние на производство и экспорт автомобилей – краеугольный камень германской экономики [Krise wird allmählich überwunden..., 2021: 13–16].

За последние два года произошли весьма драматические сдвиги в структуре германского импорта электроники из Б-3: если в 2019 г. доли Китая и ЕС составляли 47,8 и 40% (разница – 7,8 п.п.), то в 2021 г. – 53,7 и 36,2% (разница достигла 17,5 п.п.). Главный фактор этих изменений – быстрый рост китайских поставок по трем товарным позициям (устройствам для обработки данных, электронным компонентам и смонтированным печатным платам), происходящий на фоне либо медленного роста, либо сокращения поставок из ЕС и США. Полупроводники входят в товарную позицию «электронные компоненты», доля КНР в ней составляет 68,7%, опережая долю ЕС на 43,4 п.п. Второй и третий после Китая источники импорта электронных компонентов в ФРГ – Малайзия и Япония, не входящие в Б-3. Поставки из этих стран уступают китайским в 2,6 и 5,9 раза соответственно. На четвертом месте находится член Евросоюза Австрия, отстающая от КНР в 7,3 раза.

Таким образом, данные внешнеторговой статистики свидетельствуют, что Китай справился гораздо лучше, чем ЕС, с удовлетворением быстрорастущего германского спроса на продукцию электронной промышленности, критически важную для решения проблемы разрыва снабженческих цепочек. Успех Китая объясняется тем, что он быстрее, чем ЕС, вышел из острой фазы пандемии и, соответственно, пережил в 2020 г. не сокращение ВВП, а торможение роста (до 2,2 с 6% в 2019 г.), а в 2021 г. показал серьезное ускорение роста (до 8,1%)². Следует ожидать, что в процессе преодоления полупроводникового дефицита передел рынка импортируемой электроники в пользу Китая будет продолжаться.

Что касается лидера отраслей-импортеров – автомобилестроения – то плодами сокращения доли ЕС воспользовались США и Китай примерно поровну, однако безоговорочное доминирование Евросоюза на рынке импортируемой автомобильной продукции остается (89% в 2021 г.), базируясь на товарной позиции «автомобили и автомобильные моторы».

¹ Такие экономические прогнозы составляются дважды в год (весной и осенью) пятью ведущими научными институтами Германии по заказу Министерства экономики.

² Темпы роста ВВП Китая в 2021 г. достигли максимума за 10 лет. ТАСС. 17.01.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13442897> (дата обращения: 10.02.2022)

Заключение

Анализ германского импорта с точки зрения тенденций, наблюдаемых на уровне Большой тройки (Б-3), включающей в себя Евросоюз, США и Китай, позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Импорт из Б-3 является ключевым фактором развития совокупного импорта Германии, обеспечивая более 70% его объема. Особенно ярко это проявилось в период роста 2013–2019 гг. и в коронакризисном 2020 г.

2. Главный источник импорта из Б-3 – Евросоюз, он сохраняет бесспорное лидерство (на уровне более $\frac{3}{4}$), несмотря на сокращение своей доли на 4 п.п. с 2013 г. На второй позиции находится Китай, на третьей – США, соотношение сил между ними в качестве стран-поставщиков для Германии четко меняется в пользу КНР, в настоящее время оно составляет примерно 2:1. На уровне дезагрегированной Б-3 к основным странам в дополнение к Китаю и США относятся Нидерланды, Польша и соперничающие между собой Италия и Франция. Важным сдвигом в страновой структуре стал быстрый успех Польши – она присоединилась к основным странам в 2017 г., через два года опередила Италию, еще через год – Францию, и не исключено, что вскоре Польша сможет перегнать США. Этот подъем обусловлен главным образом ростом поставок польской электротехнической продукции. В настоящее время страновой перечень является достаточно устойчивым, значительные перемены в нем произойдут не скоро: несмотря на активный рост импорта из Бельгии (в первую очередь фармацевтика) и Чехии (прежде всего электротехника и машиностроение), они еще не могут конкурировать в одной весовой категории с Францией (ее поставки сфокусированы на автомобилях и химической продукции).

3. Главная отрасль-импортер из Б-3 – автомобилестроение, на втором месте – электронная промышленность. Другие основные отрасли – производство прочих товаров, химическая промышленность, машиностроение и электротехническая промышленность. Наиболее существенная перестройка в этом блоке заключается в том, что электротехническая индустрия вытеснила металлургическую из числа основных отраслей (по большей части вследствие роста германского спроса на аккумуляторы/батареи в электротехнике и снижения германского спроса на чугун/сталь/ферросплавы в металлургии). В 2020–2021 гг. заметно увеличился фармацевтический импорт (основной прирост обеспечила Бельгия, дополнительный – Китай и Ирландия), и все же этого роста не хватило для формирования дополнительных значительных перемен в составе и внутренней иерархии основных отраслей-импортеров. Соответственно отраслевой перечень, как и страновой, является сейчас весьма устойчивым.

4. Главные различия между тремя рассмотренными периодами развития импорта из Б-3 заключаются в изменении роли импортного ядра – комплекса основных стран-поставщиков в увязке с основными отраслями-импортерами. В благополучных 2013–2019 гг. для ключевых компонентов изменений германского импорта из Б-3 была характерна высокая концентрация в рамках этого ядра (88% по объему изменений). Обратной стороной устойчивости ядра стал уверенный рост импорта. В коронакризисном 2020 г. произошла фрагментация изменений (большая их часть

вышла за пределы ядра, в нем осталось лишь 25% объема изменений), и вместе с размыванием ядра произошел спад импорта. В восстановительном 2021 г. значительная часть изменений вернулась в состав ядра (52% объема изменений), но концентрация не достигла прежнего высокого уровня. Параллельно с регенерацией ядра развернулось оживление импорта, которое (как и рост экономики в целом) пока не считается достаточно уверенным. О возможности торможения свидетельствует и тот факт, что доля отрицательных изменений в общем объеме изменений обеих направленностей в восстановительном 2021 г. оказалась на 4 п.п. выше, чем в предыдущие годы роста.

5. Дальнейшее развитие товарного импорта Германии будут, как и раньше, определять поставки из Большой тройки, прежде всего ввоз автомобилей из Евросоюза (главные поставщики – Чехия, Франция, Испания, Венгрия, Польша; в то же время самый заметный рост в 2021 г. обеспечила Италия) и электронных устройств для обработки данных из КНР. Перспективы повышения устойчивости импортного ядра и обеспечения надежного роста во многом зависят от расшивки узких мест в системах снабжения. Ключевой проблемой на этом направлении в настоящее время считается нехватка полупроводников, и главную роль в решении этой проблемы уже играет и будет играть в дальнейшем Китай.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Германия. 2019 (2020), Институт Европы РАН, Москва.
- Beckmann J., Gern K.-J., Jannsen N. (2021) *Lieferengpässe bleiben Belastungsfaktor*. Wirtschaftsdienst, No 11, pp. 915–916.
- Beckmann J., Jannsen N. (2021) *Bedeutung von Lieferengpässen für die laufende Produktion in Deutschland*. IfW-Box, No 9, pp. 1–4.
- Blagov B. (2021) *Uncertainty about exchange rates affects import prices in the Euro area*. RWI impact notes, march, pp. 1–2.
- Brauttsch H.-U., Claudio J.C., Drygalla A., Exß F., Heinisch K., Holtemöller O., Kämpfe M., Lindner A., Müller I., Schultz B., Staffa R., Zeddies G. (2021) *Produktionsengpässe verzögern Erholung*. Konjunktur aktuell, No 3, pp. 64–96.
- Clemens M., Junker S., Pagenhardt L. (2021) *Deutsche Wirtschaft windet sich nur langsam aus der Pandemie*. DIW-Wochenbericht, No 37, pp. 616–630.
- Grimme C., Lehmann R., Nöller M. (2021) *Forecasting imports with information from abroad*. Economic Modelling, Vol. 98(C), pp. 109–117.
- Köllner C. (2021) *Das müssen Sie zur Halbleiter-Krise wissen*. Springerprofessional.de, Onlineartikel, 1. Dezember. URL: <https://www.springerprofessional.de/halbleiter/halbleitertechnik/das-muessen-sie-zur-halbleiter-krise-wissen/19356172> (дата обращения: 10.02.2022)
- Krise wird allmählich überwunden – Handeln an geringerem Wachstum ausrichten* (2021), Gemeinschaftsdiagnose Herbst 2021, Halle (Saale).
- Lieferengpässe bremsen Industrie und treiben Preise* (2021), Onlinedossier des Statistischen Bundesamtes, 2. Dezember. URL: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Wirtschaft/Konjunkturindikatoren/lieferketten.html> (дата обращения: 10.02.2022)

Matthes J. (2021) *Konkurrenzdruck durch China auf dem EU-Markt. Ein tiefer Blick in Außenhandelsstatistik und Industriebranchen*. IW-Report, No 30, pp. 1–24.

Müller H. (2021) „Lieferengpässe“ als Wirtschaftswort 2021 – Wir müssen uns vom Überfluss verabschieden. Spiegel.de, Onlineartikel, 19. Dezember. URL: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/unternehmen/lieferengpaesse-ueberfluss-war-gestern-kolumne-a-594e8bed-0e40-42a3-92e9-273dff012352> (дата обращения: 10.02.2022)

Pertschy F. (2021) *Kein Ende in Sicht. Alle Infos zur Halbleiterkrise in der Autoindustrie*. Automobil-produktion.de, Onlineartikel, 21. Dezember. URL: <https://www.automobil-produktion.de/hersteller/wirtschaft/autoindustrie-leidet-unter-halbleiter-engpaessen-241.html> (дата обращения: 10.02.2022)

Wellenreuther C. (2021) *Rohstoffpreise unter dem Einfluß von COVID-19*. Wirtschaftsdienst, No 2, pp. 147–148.

Wolf A. (2021) *Zeichen der Erholung im deutschen Außenhandel*. Wirtschaftsdienst, No 6, pp. 487–488.

German Imports after the Coronavirus Crisis

M.V. Gracheva*

Candidate of Sciences (Economics)

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences.
23, Profsoyuznaya Street, Moscow, Russia, 117997.*

***E-mail:** mgracheva@mail.ru

Abstract. The article addresses the commodity imports coming to Germany from the main centers of international trade (EU, USA, China). The dynamics of imports and structural shifts in trade flows in 2013–2019 are compared with 2020–2021. The comparison is carried out in three dimensions – country, industry and cross (country/industry) sectional views. In the country breakdown of imports, two levels are distinguished – aggregated one (the EU is considered as a whole) and disaggregated one (the EU is broken down by 27 countries before Brexit and by 26 countries after Brexit). The main sources of imports (the EU as a whole at an aggregate level and China, the Netherlands, the USA, Poland, France, Italy at a disaggregated level) and importers (automotive industry, electronics industry, production of other goods, chemical industry, mechanical engineering, electrical industry) are identified. The author explored the role of the import core (complex of the main supplying countries in conjunction with the main importing industries) in the changes in German imports that occurred in 2021 and in previous periods (2013–2019 and 2020). A certain shift is highlighted from concentration to fragmentation of changes relative to this core and then to the resumption of concentration, accompanied, by a steady growth, then by a decline and again a less confident growth. Shifts in the structure of German electronics imports are considered in connection with supply problems. On the basis of the analysis, assumptions are made about the further development of Germany's commodities imports.

Key words: Germany, foreign trade, import, Big Three, European Union, USA, China, automotive industry, electronics industry.

DOI: 10.31857/S020170832203007X

EDN: GFXSDC

REFERENCES

- Germanya [Germany]. 2019 (2020), Institut Evropy RAN, Moscow. (in Russian).
- Beckmann J., Gern K.-J., Jannsen N. (2021) *Lieferengpässe bleiben Belastungsfaktor*. Wirtschaftsdienst, No 11, pp. 915–916.
- Beckmann J., Jannsen N. (2021) *Bedeutung von Lieferengpässen für die laufende Produktion in Deutschland*. IfW-Box, No 9, pp. 1–4.
- Blagov B. (2021) *Uncertainty about exchange rates affects import prices in the Euro area*. RWI impact notes, march, pp. 1–2.
- Brautzsch H.-U., Claudio J.C., Drygalla A., Exß F., Heinisch K., Holtemöller O., Kämpfe M., Lindner A., Müller I., Schultz B., Staffa R., Zeddies G. (2021) *Produktion-sengpässe verzögern Erholung*. Konjunktur aktuell, No 3, pp. 64–96.
- Clemens M., Junker S., Pagenhardt L. (2021) *Deutsche Wirtschaft windet sich nur langsam aus der Pandemie*. DIW-Wochenbericht, No 37, pp. 616–630.
- Grimme C., Lehmann R., Nöller M. (2021) *Forecasting imports with information from abroad*. Economic Modelling, Vol. 98(C), pp. 109–117.
- Köllner C. (2021) *Das müssen Sie zur Halbleiter-Krise wissen*. Springerprofessional.de, Onlineartikel, 1. Dezember. URL: <https://www.springerprofessional.de/halbleiter/halbleitertechnik/das-muessen-sie-zur-halbleiter-krise-wissen/19356172> (дата обращения: 10.02.2022)
- Krise wird allmählich überwunden – Handeln an geringerem Wachstum ausrichten* (2021), Gemeinschaftsdiagnose Herbst 2021, Halle (Saale).
- Lieferengpässe bremsen Industrie und treiben Preise* (2021), Onlinedossier des Statistischen Bundesamtes, 2. Dezember. URL: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Wirtschaft/Konjunkturindikatoren/lieferketten.html> (дата обращения: 10.02.2022)
- Matthes J. (2021) *Konkurrenzdruck durch China auf dem EU-Markt. Ein tiefer Blick in Außenhandelsstatistik und Industriebranchen*. IW-Report, No 30, pp. 1–24.
- Müller H. (2021) *„Lieferengpässe“ als Wirtschaftswort 2021 – Wir müssen uns vom Überfluss verabschieden*. Spiegel.de, Onlineartikel, 19. Dezember. URL: <https://www.spiegel.de/wirtschaft/unternehmen/lieferengpaesse-ueberfluss-war-gestern-kolumne-a-594e8bed-0e40-42a3-92e9-273dff012352> (дата обращения: 10.02.2022)
- Pertschy F. (2021) *Kein Ende in Sicht. Alle Infos zur Halbleiterkrise in der Autoindustrie*. Automobil-produktion.de, Onlineartikel, 21. Dezember. URL: <https://www.automobil-produktion.de/hersteller/wirtschaft/autoindustrie-leidet-unter-halbleiter-engpaessen-241.html> (дата обращения: 10.02.2022)
- Wellenreuther C. (2021) *Rohstoffpreise unter dem Einfluß von COVID-19*. Wirtschaftsdienst, No 2, pp. 147–148.
- Wolf A. (2021) *Zeichen der Erholung im deutschen Außenhandel*. Wirtschaftsdienst, No 6, pp. 487–488.

УДК 327, 339.9

АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ НЕМЕЦКОГО БИЗНЕСА НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ

© 2022 КОТОВ Александр Владимирович*

Кандидат экономических наук

Отдел страновых исследований

Центр германских исследований

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3.

***E-mail:** alexandr-kotov@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.12.2021

После доработки 28.02.2022

Принята к публикации 15.03.2022

Аннотация. Начало специальной военной операции на территории Украины стало вызовом для немецких фирм, работающих на российском рынке. Компании, заинтересованные в скорейшем разрешении ситуации, принимали решение, покидать российский рынок или нет. Автор проанализировал решения фирм в общем контексте сворачивания деятельности немецкого бизнеса после 2014 г. После завершения острой фазы пандемии торгово-экономическое сотрудничество России и Германии проявило тенденцию к восстановлению. В статье представлена типология публично озвученных решений фирм – уход, сжатие активности, стабилизация – продолжение работы в несанкционных (на конец марта 2022 г.) рамках. На примере сформированной типологии автор показывает, что долгосрочная траектория реальных действий немецких компаний принципиально изменилась. Проведенный анализ позволил установить, что у немецкой внешнеэкономической политики в отношении России размывается фундамент прагматических рыночных отношений. Этим объясняется, почему немецкие компании декларируют готовность к издержкам. Если в период присоединения Крыма к России группы лоббистов интересов немецкой экономики боролись за сохранение контактов, то теперь такие усилия сводятся на нет.

Ключевые слова: Россия, Германия, Европейский союз, санкции, торгово-экономическое взаимодействие, стратегия решений, немецкий бизнес, внешняя администрация.

DOI: 10.31857/S0201708322030081

EDN: GGEGMC

Контекст российско-германских экономических отношений на начало 2022 г.

После начала специальной военной операции России на территории Украины немецкие компании стали определяться с дальнейшей стратегией присутствия на российском рынке. Их деятельность даже не в подпадавших под санкции секторах находилась под массированным репутационным давлением, сформированным СМИ. В подавляющем числе крупные немецкие компании заявляли об уходе с российского рынка либо радикально сокращали сферу деятельности, оставляя возможности избирательного сотрудничества по ранее заключенным контрактам.

Главная сфера – энергетическое сотрудничество между двумя странами – не стала предохранителем для сохранения достигнутого уровня экономических отношений. За последние 50 лет она сыграла позитивную роль в продвижении разрядки международных отношений [Bros, Mitrova, Westphal, 2017]. Ее влияние сказывалось также при включении России после распада СССР в мировые финансово-экономические структуры, особенно когда Берлин в 2000-е гг. задавал тон в отношениях Европы с «возрождающимся соседом» [Rahr, 2007; Stelzenmueller, 2009]. Н. П. Павлов справедливо отмечал, что сам механизм «особых отношений» между странами в экономической сфере явно разладился [Павлов, 2021]. Другие исследователи прогнозировали, что процесс геополитических изменений и эволюция экономических отношений России с Германией на основе потребления её энергоресурсов не могли происходить бесконфликтно [Gutierrez del Cid, 2018].

Хотя напряженность между обеими странами устойчиво росла с декабря 2021 г., экспертам представлялось, что торгово-экономические отношения после пандемийного спада в 2020 г. в целом обретают новый шанс к устойчивому росту [Белов, 2020]. Отметим в связи с этим, что коронавирус не смог разрушить несколько ключевых областей сотрудничества, концептуально осмысленных отечественными исследователями: в водородной энергетике [Белов, 2020а], в горной промышленности [Сергеев, Лебедева, 2016; Павлов, 2019], в цифровизации промышленности и инновациях [Белов, 2020; Тарасова, 2020; Posselt, Rauch, 2011], а также в дальнейшей локализации промышленных проектов [Белов, 2020b; Федоров, 2013].

К обострению кризиса на Украине страны подошли с товарооборотом около 59,8 млрд евро по итогам 2021 г, что на 34,1% больше, чем в предыдущем (экспорт и импорт Германии – 26,6 и 33,1 млрд евро соответственно)¹. С долей 2,3% во внешней торговле Германии Россия стала одним из 15 важнейших торговых партнеров².

Что касается ландшафта немецкого бизнеса в РФ, то по актуальным данным Бундесбанка в 2019 г. немецкие инвесторы контролировали 472 компании в Рос-

¹ Товарообмен между Россией и Германией в 2021 году вырос на 34,1% – торгпред РФ. URL: <https://www.finam.ru/analysis/newsitem/tovaroobmen-mezhdu-rossieiy-i-germanieiy-v-2021-godu-vyros-na-34-1-torgpred-rf-20220214-204654/> (дата обращения: 25.03.2022)

² 12-й и 14-й по значимости по совокупному импорту и экспорту; 4-й и 5-й по импорту и экспорту соответственно среди стран за пределами ЕС.

сии¹. В них работало почти 129 тыс. человек, а годовой объем продаж составлял 38,1 млрд евро. Это соответствует доле в 1,5% от мирового годового оборота, которого компании немецких инвесторов достигли за рубежом². Отметим, что ещё до обострения кризиса на Украине в 2021 г. число фирм из ФРГ в России, учтенных по методологии Российско-Германской внешнеторговой палаты (АНК), снизилось на 8% (до 3651 с 6300 в 2011 г.)³.

Особенности принятия решений немецкими фирмами в свете санкционной политики

Германия, взяв на себя инициативу по формулированию и продвижению пяти пакетов санкций Евросоюза, в отличие от 2014 г. не пыталась активно сочетать санкционную политику с дипломатическим подходом к урегулированию украинского кризиса. Раньше она искала способы вовлечения Москвы в более широкие вопросы безопасности [Siddi, 2016], продвижения демократии и конструирования новой «восточной политики» [Доктороу, 2016] и прагматичного преодоления последствий разногласий для экономики ЕС [Kholodilin, Netsunajev, 2018; Gröschl, Teti, 2021]. В рамках первых санкций Евросоюза в отношении РФ (февраль 2022 г.) были введены запреты на экспорт ряда важнейших товаров и технологий. Санкции и другие меры ограничения экспорта являются прежде всего демонстрацией позиции Германии и ЕС [Басов, 2016]. Как они повлияют на внешнюю торговлю Германии с РФ, покажет статистика в ближайшие несколько месяцев⁴.

В результате санкционных решений выбор дальнейшей стратегии присутствия на российском рынке немецких компаний четко вписывается в общезападную реакцию. Согласно данным *Yale Researches*, на середину апреля 2022 г. около 600

¹ Statistik über Struktur und Tätigkeit von Auslandsunternehmenseinheiten deutscher Investoren (Outward FATS). URL:

<https://www.bundesbank.de/de/statistiken/aussenwirtschaft/auslandsvermoegen-und-verschuldung/statistik-ueber-struktur-und-taetigkeit-von-auslandsunternehmenseinheiten-deutscher-investoren-outward-fats--849442> (дата обращения: 25.03.2022)

² Fakten zum Außenhandel mit Russland. URL:

https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2022/02/PD22_N010_51.html (дата обращения 20.03.2022)

³ Сайт Германо-Российской внешнеторговой палаты на момент написания записки закрыт на реконструкцию с прекращением доступа ко всем ранее опубликованным экспертным материалам и обзорам. Работают лишь экстренные контакты (антикризисная горячая линия, связь с руководством и представительством в Германии). URL: <https://russland.ahk.de/ru/vvedutsja-tekhnikeskieraboty?ysclid=l0zgf9jh9s&cHash=3d57a1daa016d33afbacab5cb813c506> (дата обращения: 20.03.2022)

⁴ Außenhandel mit Russland im Januar 2022 gegenüber dem Vorjahresmonat gestiegen. URL: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2022/03/PD22_110_51.html (дата обращения: 20.03.2022)

крупных международных компаний ушли из России, порядка 130 остались¹. Список постоянно обновляется сотрудниками Йельской школы менеджмента, чтобы он отражал последние изменения².

Есть все основания полагать, что сохранение отношений – это не попытка учесть политику Москвы, а скорее консервация деятельности и надежда на постепенные перемены в России [Handl, 2019]. В то же время есть намерение закрепить-ся на российском рынке в условиях, когда ситуация с предпринимательским климатом внутри страны нуждается в серьезном улучшении [Зарицкий, 2020].

В России прорабатываются в рамках законопроекта «О внешней администрации по управлению организацией»³ три возможных сценария развития событий в связи с заявлениями работающих иностранных производителей об уходе из страны или приостановке своей деятельности на ее территории: первый – компания продолжает полноценную работу; второй вариант – иностранные владельцы передают свои доли под управление российских партнеров и впоследствии смогут вернуться на наш рынок; третий – предприятие прекращает работу, производство закрывается, сотрудники увольняются. Восточный комитет немецкой экономики (*OstAusschuss, OA*) в своем заявлении отметил, что новая модель угрожает компаниям, если они прекратят свою деятельность в РФ⁴.

Публичные заявления ведущих немецких компаний представлены в материалах их пресс-служб или представительств в России. По характеру анонсов, принятые решения можно классифицировать по следующим вариантам: уход, сжатие активности, стабилизация – продолжение работы в несанкционных (по крайней мере, в данный момент) рамках. Компании, которые предпочли остаться, испытывают всё более возрастающее давление, в том числе и со стороны делового сообщества самой Германии.

Уход с рынка

Представителями первой, наиболее массовой стратегии «ухода» являются большинство крупных немецких компаний, представляющих ИТ-сектор, автомобиле- и станкостроение, финансово-страховую сферу, авиационную отрасль. Так, немецкий разработчик *ERP*-систем *SAP* остановил в России продажи и «поставил

¹ Уходят не все. Крупнейшие мировые сети, которые остаются в России. URL: <https://www.malls.ru/rus/news/krupneyshie-mirovyie-seti-kotorye-ostayutsya-v-rossii.shtml> (дата обращения: 20.03.2022)

² Over 600 Companies Have Withdrawn from Russia – But Some Remain. URL: <https://som.yale.edu/story/2022/over-600-companies-have-withdrawn-russia-some-remain> (дата обращения: 14.04.2022)

³ Внесен в Государственную Думу ФС РФ 12.04.2022.

⁴ Verantwortung für die Mitarbeiterinnen und Mitarbeiter. URL: <https://www.ost-ausschuss.de/de/verantwortung-fuer-die-mitarbeiterinnen-und-mitarbeiter>. (дата обращения: 20.03.2022)

на паузу» дальнейшие переговоры. Компания за пять лет спустилась с 49% доли российского ERP-рынка до 11%¹.

В секторе автомобилестроения *BMW Group* в связи с текущей геополитической ситуацией приостановила поставки на российский рынок и локальное производство автомобилей. Пока не ограничено сервисное обслуживание машин клиентов с соблюдением всех стандартов компании². *Volkswagen*, один из якорных резидентов калужского автомобилестроительного кластера, также поставил свой бизнес на паузу. Остановка производства концерна произойдет в Нижнем Новгороде на площадке группы ГАЗ³. *Audi* как часть группы *VW* в связи со сложной ситуацией «по всем индикаторам» остановила отгрузки автомобилей в адрес российских дилерских предприятий с 24 февраля 2022 г.⁴ Немецкий производитель шин *Continental* остановил бизнес и производство в России. У компании был, как и у Фольксвагена, завод в Калуге⁵. *Daimler Truck* прекратил работу с КамАЗом. Компания отказалась производить грузовики и поставлять комплектующие, хотя сотрудничала с российским концерном на протяжении 12 лет. Кроме того, автоконцерн *Mercedes-Benz*, дочерним предприятием которого является *Daimler Truck*, изучает возможность продажи своей доли в российской компании (15%)⁶.

В банковском секторе *Commerzbank* прекращает работу в России. Такое же решение принял один из крупнейших банков ФРГ *Deutsche Bank* и объявил о закрытии оставшегося бизнеса. Он не намерен участвовать в новых проектах в РФ, указано в заявлении⁷. Немецкая авиакомпания *Lufthansa* воздержалась от полетов в воздушном пространстве России вплоть до 27 мая. Причиной такого решения стала «текущая нормативно-правовая ситуация». От сотрудничества с российскими клиентами отказалось сервисное подразделение компании *Lufthansa Systems*⁸. Страхо-

¹ SAP остановила в России продажи и «поставила на паузу» переговоры. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-03-03_nemtsy_pokidayut_rossiyu_iz-za (дата обращения: 20.03.2022)

² BMW уходит из России. URL: <https://www.vedomosti.ru/auto/articles/2022/03/01/911583-bmw-uhodit-iz-rossii> (дата обращения: 20.03.2022)

³ VW-Konzern stellt Russland-Geschäft ein. URL: <https://www.tagesschau.de/wirtschaft/vw-russland-101.html> (дата обращения: 20.03.2022)

⁴ Импортёры начали отказываться от поставок машин в Россию. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/02/24/910843-importeri-otkazivatsya-mashin> (дата обращения: 20.03.2022)

⁵ Германский производитель шин Continental приостанавливает производство и бизнес в России. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14001907?> (дата обращения: 20.03.2022).

⁶ Daimler Truck приостановил работу с КамАЗом. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/28/02/2022/621c99b59a79475a82032b79 (дата обращения: 20.03.2022)

⁷ Deutsche Bank уходит из России. URL: <https://1prime.ru/banks/20220312/836350587.html> (дата обращения: 20.03.2022)

⁸ Свои среди чужих: что будет с персоналом уходящих иностранных компаний в РФ. URL: <https://www.buhgalteria.ru/article/svoi-sredi-chuzhikh-cto-budet-s-personalom-ukhodyashchikh-inostrannykh-kompaniy-v-rf> (дата обращения: 20.03.2022)

вая компания *Allianz SE* прекратило страховать новые предприятия и не будет делать новые инвестиции¹.

В отрасли станкостроения в конце февраля *DMG MORI* прекратила торговую и сервисную деятельность в России, а также производство в Ульяновске. Сюда же входят поставки машин, запасных частей, комплектующих и услуг. В общей сложности пострадали около 200 сотрудников современного производственно-сборочного предприятия в Ульяновске, а также трех торговых и сервисных компаний в Москве, Ульяновске и Екатеринбурге².

Сжатие активности

Спустя почти месяц после начала специальной военной операции далеко не все крупные международные концерны объявили о временном уходе с рынка. Компании электротехнического, химико-фармацевтического, медицинского, ресурсного, потребительского и логистического сектора продолжают работать и закрываться не планируют, одновременно сильно снижая масштабы деятельности.

Siemens заявил о приостановке поставок продукции в Россию. Вместе с тем обслуживание и ремонт техники компания обещала проводить «в строгом соответствии с санкциями». 15 марта стало известно, что концерн продолжит техобслуживание поездов «Ласточка» и «Сапсан» в РФ³. За рамки санкций были вынесены сельскохозяйственная продукция, медицинская техника и лекарства. Медицинское подразделение *Siemens Healthineers*, один из крупнейших в мире производителей медтехники, осталось на рынке⁴.

В концерне *Bosch* заявили, что изучают введенные санкции, включая меры против отдельных лиц. Клиенты компании предупреждены о возможных задержках поставок из-за границы. Перебои с поставками уже ощущаются в сегменте автозапчастей. Эксперты *Bosch* находятся в тесном контакте с российскими партнерами, но как международная компания со штаб-квартирой в ФРГ обязаны исполнять требования европейского законодательства⁵. Компания вынуждена остановить завод в Санкт-Петербурге из-за запрета ЕС на ввоз компонентов. *Bosch*, главный подряд-

¹ Allianz приостанавливает страхование нового бизнеса и инвестиций в России. URL: <https://ua.interfax.com.ua/news/general/813517.html> (дата обращения: 20.03.2022.)

² «Пострадали около 200 сотрудников». *DMG MORI* закрыла производство в Ульяновске ещё в феврале. 15.03.2022. Урал-Пресса.

³ Плюс ASUS и The North Face. Список компаний, которые прекратили или приостановили работу в России. URL: <https://biz.nv.ua/markets/kakie-kompanii-uhodyat-iz-rossii-spisok-poslednie-novosti-50222290.html>. (дата обращения: 20.03.2022)

⁴ «Все будет дороже, сложнее и медленнее». Аркадий Столпнер – о том, что будет с российской медициной. URL: <https://thebell.io/vse-budet-dorozhe-slozhnee-i-medlennee-arkadiy-stolpner--o-tom-chto-budet-s-rossiyskoy-meditsinoy>. (дата обращения: 20.03.2022)

⁵ Какие немецкие компании остаются в России? URL: <https://aussiedlerbote.de/2022/03/kakie-nemeckie-kompanii-ostayutsya-v-rossii/>. (дата обращения: 20.03.2022)

чик микроэлектроники «АвтоВАЗа», отправила сотрудников в отпуск из-за проблем с поставками¹.

Химико-фармацевтический концерн *Bayer* в специальном заявлении напомнил, что снабжает Россию лекарствами для лечения онкологических и сердечно-сосудистых заболеваний, фармацевтической продукцией для поддержания здоровья беременных женщин и детей, а также семенами для выращивания продуктов питания. В то же время компания приостанавливает в РФ и Беларуси на неопределенное время «несущественные виды бизнеса» (к ним концерн отнес новые инвестиционные проекты, маркетинговые мероприятия и размещение любой рекламы²).

Аналогичная аргументация у производителя медицинского оборудования *Fresenius*: «Наша ответственность как предприятия, работающего в области здравоохранения, состоит и в том, чтобы не бросать наших пациентов в России». Компания с 2005 г. содержит более 90 диализных центров в 36 регионах РФ. К тому же ее оборудованием оснащены около 300 клиник и научно-исследовательских учреждений. Необходимо отметить, что выручка от бизнеса в России у материнского концерна *Fresenius* в 2021 г. была существенно меньше 1% от общего оборота в 37,5 млрд евро.

В более сложной ситуации оказалась фармацевтическая компания *Stada*. Для этого производителя дженериков и безрецептурных препаратов Россия была вторым по значению рынком сбыта после Германии, где трудится каждый шестой ее сотрудник (примерно 2100 чел.). Доля местного рынка в глобальной выручке в размере примерно 3 млрд евро превышала 14%. *Stada* имеет по всему миру 20 производственных площадок, из них два завода находятся в России: «Нижфарм» в Нижнем Новгороде и «Хемофарм» в Обнинске. Компания предлагает в РФ свыше 170 наименований препаратов, и уровень локализации производства (использование сырья, компонентов и оборудования российского происхождения) для отрасли превышает 65%³.

В химической отрасли *Henkel*, полностью поддержав «все санкции против страны, ее правительства и финансового сектора», приостановил инвестиции, прекратил размещать рекламу в государственных СМИ и спонсорскую деятельность. В то же время концерн объявил, что пока намерен снабжать Россию товарами повседневного спроса, но будет внимательно наблюдать за ситуацией и принимать дальнейшие решения. На предприятиях *Henkel* работает порядка 2,5 тыс. сотрудников на 11 заводах в Московской, Ленинградской, Саратовской, Ульяновской, Челябинской, Новосибирской областях, в Ставропольском и Пермском краях. До сих пор

¹ Список компаний, которые уходят и остаются в России. URL: <https://rozetked.me/cancellations/>. (дата обращения: 20.03.2022)

² Bayer приостанавливает рекламу и инвестиции в России и Белоруссии. URL: <https://ria.ru/20220314/bayer-1778078942.html?> (дата обращения: 20.03.2022)

³ Из-за денег или ради россиян? Какие фирмы из ФРГ продолжают бизнес в РФ. URL: <https://www.facenews.ua/news/2022/522028/>. (дата обращения: 20.03.2022)

Россия обеспечивала примерно 5% годовой выручки концерна, составившей в 2021 г. свыше 20 млрд евро¹.

Ограничения коснутся и арктического вектора кооперации России и Германии [Котов, 2020]. Однако *Wintershall* продолжит участвовать в трёх газовых проектах совместно с Газпромом. Сохранение своей доли участия в существующих проектах в России компания объяснила тем, что речь идет о добыче природного газа для энергоснабжения Европы².

Немецкая группа по производству спортивной обуви, одежды и аксессуаров *Adidas AG* приостановила работу собственных магазинов и онлайн-магазина, но продолжала пока платить зарплату сотрудникам³. Транспортная компания *DHL* прекратила прием и доставку международных посылок в Россию на неопределенный период; в то же время оборот грузов и документов на внутреннем рынке осуществляется в штатном режиме⁴.

Стабилизация и продолжение работы

В категории тех, кто заявил о продолжении работы на российском рынке в полном объеме, – крупные компании потребительского и строительного сектора, использующих преимущественно отечественное сырье и товары. Решение остаться в России приняли две крупные немецкие торговые сети – *Metro* и *Globus*, которые в РФ обеспечивали, соответственно, почти 10 и 15% глобального оборота. «*Metro Россия*» собиралась и дальше обслуживать предприятия малого и среднего бизнеса из области общественного питания и розничной торговли. На предприятиях концерна в России работает свыше 10 000 сотрудников. *Globus* опроверг сообщения об уходе с российского рынка⁵. Ключевые акционеры концерна – фонд *Meridian* и холдинг *Beisheim* – поддержали решение правления продолжить работу⁶.

Один из лидеров рынка строительных материалов *Knauf* не собирался прекращать свою работу на российском рынке. «Мы остаемся до тех пор, пока политиче-

¹ Henkel продолжает операционную и производственную деятельности в России. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5249206>. (дата обращения: 20.03.2022)

² Wintershall Dea остается в российских добычных проектах, но вложения в Северный поток 2 списывает. URL: <https://neftegaz.ru/news/companies/728245-wintershall-dea-ostaetsya-v-rossiyskikh-dobychnykh-proektakh-no-vlozheniya-v-severnyy-potok-2-spisyv/> (дата обращения: 24.03.2022)

³ Adidas приостановит работу своих магазинов в России. URL: <https://www.rbc.ru/business/08/03/2022/62266b5d9a7947d348fb389fhttps://www.rbc.ru/business/08/03/2022/62266b5d9a7947d348fb389f> (дата обращения: 20.03.2022)

⁴ DHL: компания не останавливает работу на российском рынке. URL: <https://www.bfm.ru/news/494233>. (дата обращения: 20.03.2022)

⁵ «Ашан» и Globus заявили, что не планируют уходить с российского рынка. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5251119>. (дата обращения: 20.03.2022)

⁶ Из-за денег или ради россиян? Какие фирмы из ФРГ продолжают бизнес в РФ. URL: <https://www.facenews.ua/news/2022/522028/>. (дата обращения: 20.03.2022)

ская и коммерческая ситуация позволит нам это делать. Мы однозначно несем ответственность за более чем 4000 сотрудников и их семей, а также за клиентов и поставщиков, со многими из которых у нас были отличные и давние отношения на протяжении многих лет», – заверили в компании. С 1993 г. производитель вложил в экономику России более 1,65 млрд евро. На начало 2022 г. в группу компаний входили 20 заводов, шесть сбытовых организаций, шесть собственных учебных центров и 29 ресурсных центров в системе среднего профобразования в составе корпоративной академии¹.

Слабая надежда на новое начало

Предприниматели Германии выражают обеспокоенность о возможном введении внешнего управления в приостановивших свою деятельность немецких компаниях. Немецкое предпринимательское сообщество в целом поддержало антироссийские санкции. Ситуация отличается от 2014 г. Теперь речь идет не о приспособлении к санкциям, а о сохранении сколько бы то ни было значимого характера торгово-экономических связей России и Германии. Немецкие фирмы, остающиеся на рынке, продолжение своего присутствия ставят в прямую зависимость от завершения специальной военной операции на Украине.

Такая ситуация складывается впервые, что свидетельствует о существенном пересмотре германскими деловыми кругами отношения к своим перспективам на российском рынке. У немецкой внешнеэкономической политики в отношении РФ размывается фундамент прагматических, сугубо рыночных отношений. С весны 2014 г. до марта 2022 г. германское бизнес-сообщество декларировало готовность к издержкам, связанных с событиями вокруг Украины. Теперь такая точка зрения осталась в прошлом.

В текущих условиях сохранятся лишь отдельные площадки, на которых может вестись эпизодический диалог по направлениям, наиболее интересующим немецких партнеров с учетом корректировки экономической политики ФРГ в целом (например, в сфере энергетики). Небольшое окно возможностей сохраняется для компаний, принявших решение остаться на российском рынке и работать в условиях ограничительных мер, введенных правительством РФ. Поиск компаниями развязок в условиях политического давления и угрозы потерять рынок будет сложен. Вместе с тем экономические власти РФ, судя по всему, предложат приемлемые условия работы для тех экономических субъектов, которые продолжают свою деятельность и станут подспорьем для будущих российско-немецких хозяйственных связей.

¹ Кнауф продолжит работать в России. URL: <https://realty.interfax.ru/ru/news/articles/134596/> (дата обращения: 20.03.2022)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Басов Ф.А. (2016) Германия, Европарламент и политика санкций в отношении России. *Мировая экономика и международные отношения*. № 60(12). С. 62–68. DOI:10.20542/0131-2227-2016-60-12-62-68.

Белов В.Б. (2021) Германо-российское сотрудничество – вызовы 2020 г. и перспективы 2021 г. часть 2. экономические аспекты. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 2(20). С. 22–33. DOI 10.15211/vestnikieran220212233.

Белов В.Б. (2020a) Новые водородные стратегии ФРГ и ЕС: перспективы кооперации с Россией. *Современная Европа*. № 5(98). С. 65–76. DOI 10.15211/soveurope520206576.

Белов В.Б. (2020b) Специальные инвестиционные контракты и российско-германское экономическое сотрудничество. Часть вторая. *Современная Европа*. № 1(94). С. 146–158. DOI 10.15211/soveurope12020146157.

Белов В.Б. (2018) Цифровая повестка российско-германской хозяйственной кооперации. *Современная Европа*. № 2(81). С. 120–128. DOI 10.15211/soveurope22018120128.

Васильев В.И. (2016) Германия: мощная экономика, глобальный игрок, важный партнёр России. *Современная Европа*. № 1. С. 152–154.

Доктороу Г. (2016) Новая восточная политика Германии. *Сравнительная политика*. № 7(1). С. 116–121.

Зарицкий Б.Е. (2020) Проблемы и перспективы малого и среднего бизнеса в Германии. *Вестник МГИМО Университета*. № 13(6). С. 133–152. DOI 10.24833/2071-8160-2020-6-75-133-152.

Котов А.В. (2021) Арктический вектор внешней политики Германии. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 2(20). С. 48–54. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran220214854>.

Сергеев И.Б., Лебедева О.Ю. (2016) Россия и Германия: новые перспективы сотрудничества в сырьевом секторе. *Записки Горного института*. Т. 221. С. 749–755.

Тарасова А.С. (2020) Сотрудничество России и Германии в сфере цифровой экономики. *Вестник ученых-международников*. № 1(11). С. 183–189.

Федоров Г.М. (2013) Перспективы сетевого сотрудничества России и стран ЕС в инновационной сфере на Балтике. *Балтийский регион*. № 1(15). С. 7–26.

Павлов Н.В. (2019) Германия-Россия-ЕС: треугольник сотрудничества или противоречий? *Мировая экономика и международные отношения*. № 63(5). С. 67–75. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-67-75.

Павлов Н.В. Россия и Германия: назад в будущее? (2021) *Мировая экономика и международные отношения*. № 65(9). С. 69–78. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-69-78.

Bros A., Mitrova T., Westphal K. (2017) German-Russian gas relations: a special relationship in troubled waters. *SWP Research Paper*. No 13.49. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssaoar-55597-5>. (accessed: 24.03.2022).

Gröschl J., Teti F. (2021) The Impact of Russia Sanctions on Companies. *Ifo Schnelldienst*. No 74(1), pp. 43–48.

Gutierrez del Cid A.T. (2018) The Keys to the Conflict between Russia and the West after Crimea and the Conflict with Ukraine. *Foro Internacional*. No 57(2), pp. 356–388. URL: DOI: 10.24201/fi.v57i2.2430

Handl V. (2019) Alienation and cooperation a paradigm change in Germany's policy towards Russia? *Osteuropa*. No 69(1–2), pp. 53–66.

Kholodilin K.A., Netsunajev A. (2018) Crimea and punishment: the impact of sanctions on Russian economy and economies of the euro area. *Baltic Journal of Economics*. Vol. 19(1), pp. 39–51. URL: DOI 10.1080/1406099X.2018.1547566.

Posselt T., Rauch M. (2011) German-Russian Business R&D Cooperation: A Bridge Still Too Far? *Journal Of East-West Business*. No 17(2–3), pp. 170–183. DOI:10.1080/10669868.2011.634777.

Rahr A. (2007) Germany and Russia: A Special Relationship. *The Washington Quarterly*. No 30 (2), pp. 137–145.

Siddi M. (2016) German Foreign Policy towards Russia in the Aftermath of the Ukraine Crisis: A New Ostpolitik? *Europe-Asia Studies*. No 68(4), pp. 665–667. DOI:10.1080/09668136.2016.1173879.

Stelzenmueller C. (2009) Germany's Russia Question A New Ostpolitik for Europe. *Foreign Affairs*. No 88(2), pp. 89–100.

Current Challenges for German Business in the Russian Market

A.V. Kotov*

Candidate of Science (Economics)

Department of Country Studies

Center for German Studies

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.

11-3, Mohovaja Str., Russia, Moscow, 125009.

***E-mail:** alexandr-kotov@yandex.ru

Abstract. The article explores the reaction of leading German companies in the Russian market after the start of the special military operation on the territory of Ukraine. The author considers it especially important to consider the decisions of firms in the general context of the winding down of German business activities after 2014. It is shown that after the end of the acute phase of the pandemic, trade and economic cooperation between Russia and Germany demonstrated a tendency to recover. However since 24 February 2022 German companies generally supported anti-Russian sanctions. There has been only a small number of exceptions has become one of the most hotly debated firms' situations. The paper describes the conceptual typology of firms' decisions – “exit”, “activity compression”, “stabilization – continuation” of work in the difficult environment. The author concludes that the long-term trajectory of the real actions of German companies has fundamentally changed. Based on analysis, the paper revealed the foundation of pragmatic market relations erode in the German foreign economic policy in Russia towards politicized decisions. This explains why German companies declare their willingness to pay. Recently, during the joining of Crimea, groups of lobbyists

from the German economy still fought to maintain their usual contacts, now they have practically been reduced to nothing.

Key words: Russia, Germany, European Union, sanctions, trade and economic co-operation, decision strategy, German business, external administration.

DOI: 10.31857/S0201708322030081

EDN: GGEGMC

REFERENCES

Basov F.A. (2016) Germanija, Evroparlament i politika sankcij v otnoshenii Rossii [Germany, the European Parliament and the policy of sanctions against Russia]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. No 60(12), pp. 62–68. URL: DOI10.20542/0131-2227-2016-60-12-62-68. (in Russian).

Belov V.B. (2021) Germano-rossijskoe sotrudnichestvo – vyzovy 2020 G. I perspektivy 2021 G. chast' 2. jekonomicheskie aspekty [German-Russian cooperation – challenges in 2020 and prospects for 2021 part 2. economic aspects]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*. No 2, pp. 22–33. URL: DOI 10.15211/vestnikieran220212233. (in Russian).

Belov V.B. (2020a) Novye vodorodnye strategii FRG i ES: perspektivy kooperacii s Rossiej [New hydrogen strategies of Germany and the EU: prospects for cooperation with Russia]. *Sovremennaja Evropa*. No 5, pp. 65–76. URL: DOI 10.15211/soveurope520206576. (in Russian).

Belov V.B. (2020b) Special'nye investicionnye kontrakty i rossijsko-germanskoe jekonomicheskoe sotrudnichestvo. Chast' vtoraja [Special investment contracts and Russian-German economic cooperation. Part two]. *Sovremennaja Evropa*. No 1, pp. 146–158. URL: DOI 10.15211/soveurope12020146157. (in Russian).

Belov V.B. (2018) Zifrovaja povestka rossijsko-germanskoj hozjajstvennoj kooperacii [Digital agenda of Russian-German economic cooperation]. *Sovremennaja Evropa*. No 2, pp. 120–128. URL: DOI 10.15211/soveurope22018120128. (in Russian).

Bros A., Mitrova T., Westphal K. (2017) German-Russian gas relations: a special relationship in troubled waters. *SWP Research Paper*. No 13.49. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-55597-5>. (accessed: 24.03.2022).

Doctorow G. (2016) Novaja vostochnaja politika Germanii [Germany's new Ostpolitik]. *Sravnitel'naya Politika*. No 7(1), pp. 116–121. (in Russian).

Fedorov G.M. (2013) Perspektivy setevogo sotrudnichestva Rossii i stran ES v innovacionnoj sfere na Baltike [Innovations in the Baltic Sea region and network cooperation between Russia and the EU]. *Baltic Region*. No 1, pp. 4–18. DOI10.5922/2079-8555-2013-1-1. (in Russian).

Gröschl J., Teti F. (2021) The Impact of Russia Sanctions on Companies. *Ifo Schnelldienst*. No 74(1), pp. 43–48.

Gutierrez del Cid A.T. (2018) The Keys to the Conflict between Russia and the West after Crimea and the Conflict with Ukraine. *Foro Internacional*. No 57(2), pp. 356–388. URL: DOI: 10.24201/fi.v57i2.2430

Handl V. (2019) Alienation and cooperation a paradigm change in Germany's policy towards Russia? *Osteuropa*. No 69(1–2), pp. 53–66.

Kholodilin K.A., Netsunajev A. (2018) Crimea and punishment: the impact of sanctions on Russian economy and economies of the euro area. *Baltic Journal of Economics*. Vol. 19(1), pp. 39–51. URL: DOI 10.1080/1406099X.2018.1547566.

Kotov A.V. (2021) Arkticheskij vektor vneshnej politiki Germanii [The Arctic vector of German foreign policy]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*. No 2, pp. 48–54. URL: DOI: 10.15211/vestnikieran220214854. (in Russian).

Pavlov N.V. (2019) Germanija-Rossija-ES: treugol'nik sotrudnichestva ili protivorechij? [Germany-Russia-EU: a triangle of cooperation or contradictions?]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. No 63(5), pp. 67–75. URL: DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-67-75. (in Russian).

Pavlov N.V. (2021) Rossija i Germanija: nazad v budushhee? [Russia and Germany: back to the future?]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. No 65(9), pp. 69–78. URL: DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-9-69-78. (in Russian).

Posselt T., Rauch M. (2011) German-Russian Business R&D Cooperation: A Bridge Still Too Far? *Journal Of East-West Business*. No 17(2–3), pp. 170–183. DOI:10.1080/10669868.2011.634777.

Rahr A. (2007) Germany and Russia: A Special Relationship. *The Washington Quarterly*. No 30 (2), pp. 137–145.

Sergeev I.B., Lebedeva O.Y. (2016) Russia and Germany: new opportunities for cooperation in the primary sector. *Journal of Mining Institute*. Vol. 221, pp. 749–755. URL: DOI:10.18454/PMI.2016.5.749. (in Russian).

Siddi M. (2016) German Foreign Policy towards Russia in the Aftermath of the Ukraine Crisis: A New Ostpolitik? *Europe-Asia Studies*. No 68(4), pp. 665–667. DOI:10.1080/09668136.2016.1173879.

Stelzenmueller C. (2009) Germany's Russia Question A New Ostpolitik for Europe. *Foreign Affairs*. No 88(2), pp. 89–100.

Tarasova A.S. (2020) Sotrudnichestvo Rossii i Germanii v sfere zifrovoj jekonomiki [Cooperation between Russia and Germany in the digital economy]. *Vestnik uchenyh-mezhdunarodnikov*. No 1, pp.183–189. (in Russian).

Vasiliev V.I. (2016) Germanija: moshhnaja jekonomika, global'nyj igrok, vazhnyj partnjor Rossii [Germany: Powerful Economy, Global Player, Important Partner of Russia]. *Sovremennaya Evropa*. No 1, pp. 152–154. (in Russian).

Zarickij B.E. (2020) Problemy i perspektivy malogo i srednego biznesa v Germanii [Problems and prospects of small and medium-sized businesses in Germany]. *Vestnik MGIMO Universiteta*. No 13(6), pp. 133–152. URL: DOI: 10.24833/2071-8160-2020-6-75-133-152. (in Russian).

УДК 329

ИЗ ОППОЗИЦИИ В ПРАВИТЕЛЬСТВО: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА «СВОБОДНЫХ ДЕМОКРАТОВ» НА ВЫБОРАХ В БУНДЕСТАГ 2021 г.

© 2022 СОКОЛОВ Артем Павлович*

Кандидат исторических наук

Институт международных исследований МГИМО МИД России.

119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского 76.

***E-mail:** a.sokolov@inno.mgimo.ru

© 2022 ДАВЫДОВ Александр Дмитриевич**

эксперт Института международных исследований МГИМО МИД России.

119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского 76.

****E-mail:** a.davydov@inno.mgimo.ru

Поступила в редакцию 09.07.2021

После доработки 11.03.2022

Принята к публикации 15.03.2022

Аннотация. Статья посвящена анализу места Свободной демократической партии Германии (СвДП) в партийно-политической системе ФРГ до и после выборов в Бундестаг в 2021 г. В работе проанализированы причины успехов СвДП на федеральном и региональном уровнях после провала на парламентских выборах в 2013 г., выявлены характерные особенности работы партии в период 2017–2021 гг. и исследованы позиции СвДП как одной из правящих партий в легислатурном цикле 2021–2025 гг. Рассматривается, как партии удалось сохранить свой основной электорат, привлечь новых избирателей и преодолеть ключевые вызовы. Представлена позиция либералов по центральным вопросам развития российско-германских отношений. Авторы считают, что на фоне нарастания предвыборной борьбы либералы оказались достаточно сплоченной политической силой, что определило их успешное выступление на выборах в Бундестаг в 2021 г. Благодаря этому участие СвДП в коалиционных переговорах стало практически неизбежным, а при формировании правительства свободным демократам удалось занять руководящие должности в приоритетных для себя ведомствах.

Ключевые слова: СвДП, Бундестаг, выборы, внутренняя политика ФРГ, партийная система ФРГ.

DOI: 10.31857/S0201708322030093

EDN: GGIRRA

Выборы в Бундестаг 2021 г. отличались высоким уровнем конкуренции среди основных политических сил ФРГ. Уход из большой политики канцлера А. Меркель завершил продолжительную эпоху в жизни немецкого общества. Высокий уровень доверия к канцлерин со стороны большинства граждан ФРГ определял высокие результаты блока ХДС/ХСС на общегерманских выборах и обеспечивал стабильность партийно-политической системы Германии. Миграционный кризис 2015 г. и пандемия коронавируса стали чувствительными ударами для немецкого руководства, однако не привели к обвальному падению рейтингов Меркель или к преждевременной отставке её правительства.

В то же время за последние годы немецкая партийная система продолжила свою трансформацию. Появление в Бундестаге правых популистов из партии «Альтернатива для Германии» в 2017 г., а также их устоявшееся присутствие в ландтагах всех федеральных земель стало новым фактором немецкой политики. Бойкот АдГ, который объявили все политические силы Германии, привел к череде сложных ситуаций при формировании правящих коалиций по итогам земельных выборов, когда идейно далеким друг от друга партиями приходилось заключать ситуативные союзы между собой для формирования дееспособного правительства.

С другой стороны, значительно укрепила свои позиции партия «Союз 90/Зеленые», которой удалось представить себя в качестве прогрессивной политической силы, ориентированной на проблемы экологии, защиты окружающей среды и соблюдение прав человека. В период 2017–2021 гг. «экологи» смогли значительно улучшить свое представительство в ландтагах большинства федеральных земель ФРГ. Высокие рейтинги партии позволили ей впервые всерьез претендовать на кресло канцлера, а в итоге стать второй силой в правящей коалиции.

На фоне ослабления поддержки «народных партий» и усиления «зеленых» и АдГ другие политические силы на время перестали быть объектами исследовательского и общественного интереса. Прежде всего, это касается Свободной демократической партии Германии (СвДП), которой удалось добиться высоких для себя результатов на выборах 2017 г., но прервавшей коалиционные переговоры с ХДС/ХСС и «Союзом 90/Зелеными». Немецкие либералы оказались в оппозиции, где были вынуждены соседствовать с правыми и левыми популистами и идеологически далекими от себя «зелеными». Сложившиеся условия требовали от партии выработки адекватной стратегии поведения, которая позволила бы ей выполнять функцию оппозиционной силы, избегая ассоциаций с популистами, при этом имея возможность нарастить уровень поддержки среди избирателей.

В результате СвДП подошла к выборам в Бундестаг 2021 г. в статусе динамичной политической силы, а после голосования стала незаменимым участником коалиционных переговоров. В значительной степени данное положение определяется действиями партийного руководства во главе с К. Линднером, которое смогло оправиться от критики в свой адрес, в целом преодолев трудности, с которыми столкнулась партия после выхода из коалиционных переговоров.

Российские германисты регулярно анализируют партийно-политическую систему Германии. В период канцлерства Меркель изменение партийного ландшафта исследовали Е.П. Тимошенкова [Тимошенкова, 2020: 41], А.В. Кузнецов [Кузнецов,

2015], А.В. Огнева [Огнева, 2015: 114], М.В. Хорольская [Хорольская, 2019: 81] и другие. К особенностям внутриполитической жизни Германии регулярно обращаются авторы аналитических записок ИЕ РАН. Партийно-политические и социально-экономические последствия выборов в Бундестаг 2021 г. исследованы в работе В.Б. Белова [Белов, 2021].

В ходе выборов 2021 г. увеличилось значение меньших партий, что заметно на примере СвДП. В данной статье мы рассмотрим логику и особенности действий СвДП в период 2017–2021 гг., определившие успех немецких либералов в непростых условиях трансформации партийно-политической системы ФРГ.

СвДП после выборов 2017 г.

На выборах в Бундестаг в 2017 г. либералы достигли значительных успехов, набрав 10,7% голосов и обеспечив свое возвращение в парламент. Своим успехом партия, прежде всего, обязана своему председателю К. Линднеру, который возглавил СвДП вскоре после провала на выборах 2013 г., когда партия впервые с 1949 г. не преодолела пятипроцентный барьер. Его предшественник Ф. Реслер прославился популистскими заявлениями и оттолкнул часть избирателей от партии из-за неспособности либералов к компромиссам в правящей коалиции с ХДС/ХСС [Тимошенкова, 2020: 41]. За несколько лет Линднеру удалось реализовать курс «партийной модернизации» [Montag, 2018]. Политик смог обновить руководство партии, преодолеть разногласия и мобилизовать внутрипартийные силы, обеспечив целостность, взаимопонимание и сплоченность в рядах либералов в ходе предвыборной гонки [Огнева, 2015: 114].

Одновременно Линднер добился успехов в восстановлении партийного имиджа. Политику удалось вернуть партию к изначальным ценностям, сделав основной упор на идеях свободного рынка и конкуренции [Höhne, Hellmann, 2017]. Чтобы вновь заручиться поддержкой зажиточного среднего класса Германии, Линднер выстраивал предвыборную кампанию вокруг критики экономической, финансовой и налоговой политики правительства [Höhne, 2020]. Помимо возвращения к классическим либеральным идеям Линднер также активно выступал за ускоренную цифровизацию и реформирование системы образования для привлечения молодых избирателей. Все эти идеи нашли свое место в документе «Десять изменений трендов для Германии» (Zehn Trendwenden für Deutschland), принятом на партийном съезде в сентябре 2017 г.

В результате на выборах 2017 г. свободные демократы добились прироста в 5,9% по сравнению с 2013 г. За либералов проголосовало почти 5 млн немцев¹. При анализе социальной структуры избирателей видно, что свободным демократам удалось достичь успехов почти по всем показателям и стать гораздо более молодой партией, которая привлекает разные слои населения, а не только «зажиточных

¹ Wahlergebnisse und Wählerschaft der FDP. Bundeszentrale für politische Bildung. 05.01.2021. URL: <https://www.bpb.de/politik/grundfragen/parteien-in-deutschland/fdp/273480/wahlergebnisse-und-waehlerschaft> (дата обращения: 20.05.2021)

коммерсантов», как неоднократно признавался сам Линднер¹. Современный имидж помог либералам добиться серьезного прироста среди избирателей моложе 29 лет, в то же время СвДП осталась преимущественно «мужской партией» (57% проголосовавших – мужчины)².

Вскоре после голосования между партиями ХДС/ХСС, «Союзом 90/Зелеными» и свободными демократами начались переговоры о формирования коалиции, которые продлились около месяца и завершились 20 ноября. Тогда К. Линднер объявил о выходе своей партии из коалиционных переговоров, заявив, что «лучше не править вообще, нежели править неправильно³». Позже он отметил, что в ходе переговоров сторонам не удалось прийти к соглашению почти ни по одному вопросу, добавив, что либералам «пришлось бы отказаться от основных идей, над которыми они работали долгие годы⁴».

Однако при сопоставлении «Десяти изменений трендов для Германии» и основных вопросов, которые были в повестке коалиционных переговоров, многие аналитики пришли к выводу, что в сложившихся условиях компромисс был вполне возможен, а реальные причины выхода СвДП составили, скорее, в долгосрочных целях либералов⁵. Отказавшись идти на компромиссы, необходимые для заключения договора, Линднер продемонстрировал избирателям, что в СвДП ставят свои ценности выше стремления войти в правительство. Более того, либералы не хотели повторить ошибку прошлого: сформировав коалицию с ХДС/ХСС в 2009 г., СвДП не выполнила большинство предвыборных обещаний, прежде всего в вопросе налогового послабления, из-за чего провалилась на выборах 2013 г.

Линднер подвергался особенной критике в докладах фонда Конрада Аденауэра, ассоциированного с партией ХДС. По мнению аналитиков, своими действиями Линднер снизил уровень доверия к свободным демократам со стороны правящей партии и усилил сомнения в том, что с либералами стоит формировать правительство в будущем. Избиратели также остались недовольны решением выйти из коалиционных переговоров.

Таким образом, стратегия Линднера заключалась в том, чтобы прежде всего консолидировать силы СвДП в оппозиции, и не создать образ партии, одержимой властью. Однако в тот период его действия возымели обратный эффект. Часть тра-

¹ Lindner und der "Full-Flavour-Liberalismus". Zeit Online. 06.01.2019. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2019-01/fdp-dreikoenigstreffen-christian-lindner-liberalismus/komplettansicht> (дата обращения: 06.05.2021)

² Wahlergebnisse und Wählerschaft der FDP. Bundeszentrale für politische Bildung. 05.01.2021. URL: <https://www.bpb.de/politik/grundfragen/parteien-in-deutschland/fdp/273480/wahlergebnisse-und-waehlerschaft> (дата обращения: 20.05.2021)

³ Es ist besser, nicht zu regieren, als falsch zu regieren. Zeit Online. 20.11.2017. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-11/christian-lindner-sondierung-jamaika-abbruch-fdp> (дата обращения 20.05.2021)

⁴ Wir sind für Trendwenden gewählt worden. Facebook. 20.11.2017. URL: <https://www.facebook.com/21289227249/posts/10155905426882250/> (дата обращения 20.05.2021)

⁵ Die Rückkehr. Konrad-Adenauer-Stiftung e. V. 07.11.2018. URL: <https://www.kas.de/ru/einzeltitel/-/content/die-rueckkehr> (дата обращения: 08.05.2021)

диционного электората СвДП разочаровалась таким исходом и обвинила Линднера в намеренном срыве переговоров [Тимошенкова, 2018: 29–39].

Вскоре после формирования большой коалиции ХДС/ХСС и СДПГ в СвДП сложился общий консенсус, что провал переговоров стал большой неудачей Линднера. Сам политик фактически признал допущенную на коалиционных переговорах ошибку и не раз заявлял о готовности вновь начать консультации с ХДС/ХСС и «зелеными» в том случае, если распадется правящая коалиция и в Германии состоятся новые выборы¹.

Результаты партии на земельном уровне с 2016 г. были крайне неоднородными – от 3% на выборах в земле Мекленбург- Передняя Померания в 2016 г. до 12,6% на голосовании в земле Северный Рейн-Вестфалия в 2017 г. В пяти землях (Бранденбург, Гамбург, Мекленбург-Передняя Померания, Саар, Саксония) либералы не преодолели барьер в 5%. Зато в Берлине, Баварии, Рейнланд-Пфальц, Саксонии-Анхальт наблюдался серьезный прирост, благодаря которому партия вернулась в местный законодательный орган власти. Либералы вошли в правительство в землях Шлезвиг-Гольштейн, Северный Рейн-Вестфалия, Рейнланд-Пфальц.

Таблица 1

**Результаты СвДП в ходе земельных избирательных кампаний
за последние три электоральных цикла**

Земля	Результат 1	Результат 2	Результат 3
Бавария	8% (2008)	3,3% (2013)	5,1% (2018)
Баден-Вюртемберг	5,3% (2011)	8,3% (2016)	10,5% (2021)
Берлин	7,6% (2006)	1,8% (2011)	6,7% (2016)
Бранденбург	7,2% (2009)	1,5% (2014)	4,1% (2019)
Бремен	2,4% (2011)	6,6% (2015)	5,9% (2019)
Гамбург	6,7% (2011)	7,4% (2015)	4,9% (2020)
Гессен	16,2% (2009)	5% (2013)	7,5% (2018)
Мекленбург-Передняя Померания	9,6% (2006)	2,8% (2011)	3% (2016)
Нижняя Саксония	8,2% (2008)	9,9% (2013)	7,5% (2017)

¹ Lindners Flirt mit dem Populismus. Sueddeutsche Zeitung. 17.12.2019. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/fdp-lindner-kommentar-1.4725282> (дата обращения: 07.05.2021)

Саар	9,2% (2009)	1,2% (2012)	3,3% (2017)
Саксония	10% (2009)	3,8% (2014)	4,5% (2019)
Саксония-Анхальт	3,8% (2011)	4,9% (2016)	6,4% (2021)
Северный Рейн-Вестфалия	6,7% (2010)	8,6% (2012)	12,6% (2017)
Рейнланд-Пфальц	4,2% (2011)	6,2% (2016)	5,5% (2021)
Тюрингия	7,6% (2009)	2,5% (2014)	5% (2019)
Шлезвиг-Гольштейн	14,9% (2009)	8,2% (2012)	11,5% (2017)

Источник: <https://www.wahlrecht.de/umfragen/landtage/index.htm>

В целом либералы испытывают больше трудностей в Восточной Германии. В землях бывшей ГДР имидж свободных демократов всегда воспринимался в значительной степени негативно [Кузнецов, 2015]. В Западной Германии либералы, напротив, стабильно пользуются поддержкой, особенно в наиболее зажиточных землях с высоким ВВП (Северный Рейн-Вестфалия, Баден-Вюртемберг, Нижняя Саксония).

СвДП как оппозиционная партия

К июню 2021 г. рейтинг партии в опросах общественного мнения в среднем составлял 10–13%. Особым ударом по ее популярности стала пандемия коронавируса. Это связано с тем, что главной оппозиционной силе бундестага не удалось наладить конструктивную критику действий правящих партий.

Во-первых, в СвДП были недовольны тем, что меры по борьбе с распространением коронавируса одобрялись не в парламенте, где партия могла оказать какое-то влияние на принятие решений, а в правительстве и на встречах канцлера с премьер-министрами германских земель. Во-вторых, в партии пытались использовать сложившуюся ситуацию, чтобы продвигать идеи либеральных прав и свобод. К примеру, когда коалиция ХДС/ХСС и СДПГ большинством голосов приняла в бундестаге поправки к закону о защите от инфекционных заболеваний, либералы оценили данные действия как посягательство на основные права граждан¹. В-третьих, критике партии подвергалась налоговая политика в стране. «Если бы я был министром финансов, в нашей стране не было бы повышения налогов на доходы работников и работодателей», – заявлял Линднер.

¹ Infektionsschutzgesetz gibt keine Leitplanken vor. Freie Demokraten. 18.11.2020. URL: <https://www.fdp.de/infektionsschutzgesetz-gibt-keine-leitplanken-vor> (дата обращения: 07.05.2021)

Однако большинство поддержало жесткие ограничения, вводимые правительством. Согласно опросам общественного мнения, на конец декабря 2020 г. 69% респондентов приветствовали данные меры¹, а 16% считали ограничения даже недостаточными. В период пандемии росли также рейтинги союза ХДС/ХСС и отдельных политиков, которые взяли на себя роль «кризисных менеджеров». Социологические исследования показывали, что к июню 2021 г. самым популярным политиком в Германии являлась А. Меркель. Помимо канцлера популярностью пользовались министр здравоохранения Й. Шпан (ХДС), премьер-министр Баварии М. Зёдер (ХСС), премьер-министр земли Баден-Вюртемберг В. Кречман («Союз 90/Зеленые»), вице-канцлер Германии и министр финансов О. Шольц (СДПГ). Именно на последнего обрушилась критика Линднера в отношении налоговой политики. Сам же лидер либералов занял лишь восьмую строчку².

Оценивая снижение на тот момент популярности своей партии, многие отмечали, что либералы потеряли «дух времени» (*Zeitgeist*) и не предлагали эффективные решения важнейших проблем. Бывший министр внутренних дел Г. Баум, к примеру, отмечал, что его партия «проявляет чрезмерный скепсис по отношению к ключевым современным тенденциям», а представители молодого поколения либералов Й. Фегель и К. Кухле призывали партийное руководство сформулировать конкретную программу по наиболее актуальным вопросам, включая миграцию и климат. «Мы видим, что целое поколение молодых людей расколото по этим вопросам. Задача партии – за 2021 г. четко изложить свою позицию по этим темам³», – говорил Кухле.

Находясь в затруднительном положении, СвДП стремилась одновременно решить две важнейшие задачи: с одной стороны, старейшая и уважаемая немецкая партия хотела сохранить образ конструктивной силы и не накалять риторику, чтобы не оттолкнуть свой основной электорат. С другой стороны, пытаясь привлечь новых избирателей и выполнять роль привлекательного оппозиционного движения, некоторые либералы выступали с достаточно популистскими заявлениями, порой доходя до крайностей.

Ярким примером служат события в земле Тюрингия, когда в 2019 г. после земельных выборов глава местного отделения СвДП Т. Кеммерих был избран премьер-министром земли при поддержке со стороны депутатов от ХДС и «Альтернативы для Германии», хотя сами либералы едва преодолели пятипроцентный барьер и были представлены в Ландтаге всего пятью депутатами. Пойдя на сближение с правопопулистской АдГ, свободные демократы вызвали серьезный скандал, для разрешения которого пришлось вмешаться Линднеру. Он публично извинился за

¹ «Deutschlandtrend 2020». Tagesschau. 17.12.2020. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/deutschlandtrend/archiv/2020/> (дата обращения: 07.06.2021)

² Noten für deutsche Spitzenpolitiker im Juni 2021. Statista. 25.06.2021. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1817/umfrage/noten-fuer-spitzenpolitiker/> (дата обращения: 26.06.2021)

³ Eine Partei sucht sich selbst. Tagesschau. 06.01.2021. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/fdp-dreikoenigstreffen-stuttgart-101.html> (дата обращения: 08.06.2021)

такое решение своих однопартийцев, заявив, что партия «несет ответственность за то, что позволила АдГ издеваться над демократией в Германии»¹. Как отмечает В.Б. Белов, события в Тюрингии произвели «эффект взорвавшейся бомбы» [Белов, 2021].

СвДП на выборах в Бундестаг 2021 г.

Несмотря на все трудности, к маю 2021 г. в СвДП наметился позитивный сдвиг как с точки зрения внутрипартийных процессов, так и рейтингов партии. Главная причина заключалась в отсутствии серьезных межфракционных разногласий и в широкой поддержке действующего руководства. Так, на майском съезде СвДП за Линднера проголосовало 93% членов партии². Либералам удалось объединиться вокруг его фигуры, что позволило поступательно наращивать рейтинг на фоне разгоревшихся скандалов в других политических силах (расследования участия депутатов ХДС в коррупционных махинациях, связанных с закупкой масок (Maskenaffäre); обвинения «зеленых» в том, что они не задекларировали 25 тыс. евро и приукрасили биографию своего лидера А. Бербок).

На выборах в Бундестаг, которые состоялись 26 сентября 2021 г, СвДП набрали 11,5%, добившись прироста в 1,7% по сравнению с голосованием в 2017 г. В результате либералы получили 92 места, увеличив свои позиции в парламенте на 12 депутатских мандатов. Вместе с СДПГ и «зелеными» либералов можно отнести к победителям, в то время как блок ХДС/ХСС, который руководил правительственными коалициями с 2005 г., потерпел поражение. Слабо показали себя также «Альтернатива для Германии» и «Левые». Первая потеряла 11 мест, вторая – 30.

Кроме общего прироста голосов либералы добились и того, что стали одной из наиболее популярных партий среди молодежи. За СвДП, как и за «зеленых», проголосовали по 23% избирателей, впервые участвовавшие в выборах. Активная кампания в социальных сетях позволила СвДП привлечь на свою сторону молодых избирателей и избавиться от имиджа партии «зажиточных бизнесменов». Молодой части населения оказались близки основные направления партийной программы – финансовая политика, цифровизация, урбанизация и климат. В результате за СвДП активно голосовала молодежь из крупных городов на западе страны.

«Делатели королей»

Сразу после объявления результатов голосования начались консультации между партиями о перспективах формирования правительства. Ни ХДС/ХСС, ни СДПГ

¹ Christian Lindner: Wir sind beschämt. Süddeutsche Zeitung. 13.02.2020. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/thueringen-lindner-fdp-entschuldigung-paul-ziemiak-1.4797499> (дата обращения: 10.06.2021)

² Lindner als FDP-Vorsitzender wiedergewählt. ZDF. 14.05.2021. URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/fdp-parteitag-lindner-rede-100.html> (дата обращения: 10.06.2021)

не были готовы формировать друг с другом очередную «Большую коалицию». Математически были возможны еще два формата коалиции: СДПГ, «зеленые» и СвДП либо ХДС/ХСС, «зеленые» и СвДП. Ввиду того, что АдГ и «Левые» считаются нерукопожатными партиями на федеральном уровне, сотрудничество с ними исключалось.

Так как участие «зеленых» и либералов предполагалось в обоих форматах коалиции, их мнение оказалось решающим для создания нового правительства. Перед началом зондирующих переговоров с наиболее крупной партией «экологи» и либералы провели консультации друг с другом. В преддверии выборов обе силы выступали за перемены в Германии и обновление политического курса, поэтому перспектива совместного правления с христианскими демократами была для них менее выигрышной. Представители двух партий предпочли продолжить переговоры с СДПГ. Либералов и «зеленых» прозвали в Германии «делателями королей», ведь именно от их выбора зависело, кто станет главной силой в новом правительстве, и кто будет преемником Меркель на должности канцлера.

Сложившаяся ситуация, когда расхождения, существовавшие между либералами, с одной стороны, и более близкими друг к другу по социально-экономическим вопросам СДПГ и «зелеными» – с другой, не стали поводом, чтобы прервать переговоры и упустить возможность сформировать совместную коалицию. Кристиан Линднер и его сторонники сделали выводы из ошибки 2017 г. и с энтузиазмом вступили в переговорный процесс.

Либералы в правительстве

К началу декабря 2021 г. три партии завершили переговоры и представили проект коалиционного договора, а 5 декабря 92% участников съезда СвДП проголосовали в его поддержку. 8 декабря был объявлен новый кабинет министров, после чего правительство приступило к выполнению своих обязанностей.

Анализ коалиционного договора¹ показывает, что либералам удалось добиться успехов на переговорах по наиболее значимым для партии вопросам. Главным из них Линднер называл проведение новым правительством «солидной финансовой политики» (Solide Finanzen). В коалиционном договоре либералы настояли на том, чтобы предотвратить повышение налогов в новом электоральном цикле, оставшись верными своим предвыборным обещаниям по наиболее принципиальному для них вопросу.

Распределение министерских позиций оказалось удачным для СвДП. Линднер возглавил министерство финансов – одно из ключевых ведомств в политической системе ФРГ. Руководство Минфином позволяет либералам претворять в жизнь предвыборные обещания и сохранять значительный рычаг давления на другие ведомства. Во-первых, министерство финансов Германии обладает правом вето в отношении других министерств, когда вопрос касается финансовой сферы. Во-

¹ SPD, Bündnis 90 / Die Grünen & FDP (2021). Mehr Fortschritt Wagen. Bündnis für Freiheit, Gerechtigkeit und Nachhaltigkeit. 24.11.2021. URL: https://www.spd.de/fileadmin/Dokumente/Koalitionsvertrag/Koalitionsvertrag_2021-2025.pdf (дата обращения: 14.12.2021)

вторых, именно оно ведет подготовку ежегодного бюджета страны. В-третьих, Линднер несет ответственность за финансовое и валютное сотрудничество на уровне Европейского союза. В прошлом кабинете его предшественник и новый канцлер Олаф Шольц смог набрать политические очки за счет того, что совместно с коллегами из других стран-членов занимался выработкой программы выхода ЕС из кризиса, вызванного пандемией. В-четвертых, министерство финансов занимается налоговой политикой страны – ключевым направлением для либералов.

Помимо Минфина в новом правительстве они руководят тремя другими ведомствами: министерством юстиции, министерством образования, а также министерством транспорта и цифровой инфраструктуры. Таким образом, распределение кабинетных позиций в пользу либералов соответствует ценностным ориентирам и приоритетам СвДП: проведение «солидной финансовой политики», поддержание либеральных ценностей, улучшение системы образования, а также развитие цифровой и транспортной инфраструктуры. Для партии, за которую свой голос отдал в среднем каждый десятый избиратель, либералы получили значительные полномочия в руководстве страной.

Российский вопрос

На международной арене СвДП продвигает либеральные идеи и предлагает ценностный подход к выстраиванию внешней политики Германии. Свободные демократы стремятся укрепить свой имидж правозащитной партии и активно используют для этого российский вопрос, упрекая Москву в систематических нарушениях прав человека и критикуя правительство Германии за недостаточно жесткий ответ.

То, как в СвДП использует Россию для внутривнутриполитических целей, наглядно проявилось на федеральном съезде партии в 2018 г. В ходе заседания заместитель председателя партии В. Кубикки выступил против решения ЕС о введении новых санкций против России в связи с «делом Скрипалей», а также призвал провести более тщательное расследование и предоставить неоспоримые доказательства причастности российских спецслужб¹. Кубикки также отметил неэффективность санкций против России и тем самым усомнился в предложенном Линднером курсе на усиление санкционного режима. Однако после этого на политика обрушилась критика и голословные обвинения в том, что он получает финансовую поддержку Кремля. В результате большинство делегатов съезда поддержало европейские санкции.

Фракция СвДП также стремится использовать российский вопрос для критики действий правительства Германии. Свободные демократы выступают за формирование более наступательной позиции в отношении России и призывают правительство «перечислить и осудить все нарушения прав человека и международного права

¹ Wer weiß, wer der Täter ist, der braucht keine Aufklärung. Deutschlandfunk. 22.03.2018. URL: https://www.deutschlandfunk.de/skripal-affaere-kubicki-kritisiert-den-westen-wer-weiss-wer.694.de.html?dram:article_id=413685 (дата обращения: 18.05.2021)

со стороны Москвы¹). Об этом либералы говорили, например, на заседаниях Бундестага, посвященных громкому делу об убийстве бывшего чеченского полевого командира З. Хангошвили в Берлине². После того, как была опубликована информация о предполагаемой хакерской атаке российских спецслужб на немецкий бундестаг, члены СвДП обвинили лично Меркель в том, что она «проявляет недостаточную решительность»³.

Свободные демократы превратили российско-германские отношения в инструмент предвыборной борьбы. После того как на должность председателя партии ХДС был избран А. Лашет, выступавший в пользу проекта «Северный поток — 2», свободные демократы подвергли его критике. Линднер потребовал объявить мораторий на достройку газопровода, пока Россия «не прекратит нарушения прав человека и гражданина»⁴.

В новом правительстве СвДП поддерживали, скорее, «зеленых», выступавших за сочетание жесткого подхода и диалога с Россией, нежели социал-демократов, которые по традиции выступали за более взвешенный диалог с Москвой. В нынешнем легислатурном цикле одним из главных сторонников ужесточения российского вектора внешней политики ФРГ является глава комитета по обороне, член СвДП Мари-Агнес Штрак-Циммерман. Она регулярно заявляла об «угрозах» со стороны России и необходимости поддерживать Украину и страны Прибалтики. Тем не менее Штрак-Циммерман, как и другие члены СвДП, не ставит под вопрос коалиционное соглашение, согласно которому Германия не должна поставлять оружие в зоны военных конфликтов (в том числе на Украину). Кроме того, в коалиционном договоре отсутствовала идея либералов ввести мораторий на «Северный поток — 2».

В целом российский вопрос в коалиционном договоре был изложен на основе предвыборных формулировок социал-демократов. Так как либералы не получили высоких правительственных постов, связанных с внешней политикой, то эта сфера не является для них приоритетной.

Несмотря на общее негативное отношение к Москве, либералы выступали в 2021 г. за сохранение и интенсификацию существующих торговых связей. По мнению ряда аналитиков, это связано со стремлением СвДП перехватить роль СДПГ как переговорщика с восточными соседями. Либералы стремятся поддерживать

¹ FDP erwartet klare Haltung gegenüber Russland. FDP. 03.09.2020. URL: <https://www.fdp.de/fdp-erwartet-klare-haltung-gegenueber-russland> (дата обращения: 12.05.2021)

² Folgeschwerer Übergriff Russlands und eine massive Belastung. Welt. 18.06.2020. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article209861959/Georgier-in-Berlin-erschossen-Folgeschwerer-Uebergriff-Russlands-und-eine-massive-Belastung.html> (дата обращения: 12.05.2021)

³ Maas hätte längst den russischen Botschafter einbestellen müssen. der Tagesspiegel. 14.05.2020. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/nach-russischem-hackerangriff-auf-den-bundestag-maas-haette-laengst-den-russischen-botschafter-einbestellen-muessen/25831276.html> (дата обращения: 15.05.2021)

⁴ Lindner fordert Moratorium für Nord Stream 2. Süddeutsche Zeitung. 23.01.2021. URL: <https://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/energie-schwerin-lindner-fordert-moratorium-fuer-nord-stream-2-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-210123-99-143009> (дата обращения: 15.05.2021)

традиции «восточной политики», проводимой в том числе министром иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншером в период объединения Германии, а также сохраняют веру в принцип «изменения через торговлю» (Wandel durch Handel), согласно которому развитие торговых отношений способствует улучшению политического сотрудничества [Хорольская, 2019: 81].

* * *

Период 2017–2021 гг. стал непростым для СвДП. Партии пришлось оправдывать доверие своих избирателей после отказа от участия в работе правящей коалиции. Несмотря на череду сравнительно успешных результатов на региональном уровне, в общегерманской политике СвДП в лучшем случае демонстрировала стагнацию.

Тем не менее на фоне нарастания предвыборной борьбы летом 2021 г. либералы сумели сплотиться, оставив позади крупные скандалы. Свободные демократы стали конструктивной альтернативой как курсу правительства А. Меркель, так и гипертрофированному «экологизму» партии «Зеленые».

В результате они удачно выступили на парламентских выборах 2021 г. и привлекли достаточное количество голосов, чтобы стать участниками коалиционных переговоров. Либералам удалось добиться закрепления основных предвыборных позиций в коалиционном договоре, а также получить ключевые для своей программы портфели в правительстве. Прежде всего, это относится к министерству финансов, которое возглавил К. Линднер. В ближайшие четыре года либералы будут важным фактором в немецкой политике, а популярность партии среди молодежи открывает перед ней благоприятные перспективы. При этом у либералов сохраняется достаточно большая свобода действий: в случае распада коалиции формирование нового правящего объединения без СвДП будет практически невозможно.

Не имея контроля над ключевыми внешнеполитическими ведомствами в правительстве, у партии не было прямого рычага влияния на российско-германские отношения. Тем не менее в случае конфликта между двумя другими партнерами по коалиции – СДПГ и «зелеными» – из-за российского вектора внешней политики ФРГ, либералы тяготели к «экологам», которые выступали за ужесточение политики в отношении России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белов В.Б. (2021) Партийно-политические и социально-экономические последствия выборов в германский Бундестаг. *Общественные науки и современность*. № 6. С. 24–39. DOI:10.31857/S086904990017879-8

Белов В.Б. (2020) Тюрингия: новое политическое землетрясение в Германии. *Аналитические записки ИЕ РАН*. № 1, DOI: <http://doi.org/10.15211/analytics12020>

Кузнецов А.В. (2015) Современное положение малых партий в Германии. *Современная Европа*. № 2. С. 107–112. DOI: 10.15211/sovereurope22015107112

Огнева А.В. (2015) СвДП: причины кризиса и поиск путей выхода из него. *Доклады Института Европы*. № 314. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/314.pdf> (дата обращения: 25.06.2021)

Тимошенкова Е.П. (2018) Итоги выборов в бундестаг: новые вызовы – старые ответы. *Современная Европа*. № 2. С. 29–39. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220182939>

Тимошенкова Е.П. (2020) Партийно-политическая система Германии в период канцлерства А. Меркель (2005–2017 гг.). *Доклады Института Европы*. № 369. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/369.pdf> (дата обращения: 29.08.2020) DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report22020_369

Хорольская М.В. (2019) Новое во внешнеполитических ориентирах ведущих партий ФРГ. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. № 1. С. 70–85. DOI: 10.20542/afi j-2019-1-70-85.

Höhne B. (2020) Die FDP zwischen Wahlerfolgen, Regierungsflucht und Stagnation, in Jun U., Niedermayer O. (ed.) *Die Parteien nach der Bundestagswahl 2017*. Springer VS, Wiesbaden, pp. 133–157.

Höhne B. and Hellmann D. (2017) “Die Freien Demokraten“, Konrad-Adenauer-Stiftung e. V, Berlin, Germany.

Montag T. (2018) *Die Rückkehr. Die FDP vor und nach der Bundestagswahl 2017*, Konrad-Adenauer-Stiftung e. V, Berlin, Germany.

From Opposition into Government: Free Democrats Political Dynamics at the Bundestag 2021 Elections

A.P. Sokolov*

Candidate of Science (History)

Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University).

76, Vernadskogo Prosp., Moscow, Russia, 119454.

***E-mail:** a.sokolov@inno.mgimo.ru

A.D. Davydov*

Expert, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University).

76, Vernadskogo Prosp., Moscow, Russia, 119454.

***E-mail:** a.davydov@inno.mgimo.ru

Abstract. The article explores the position of the Free Democratic Party (FDP) in the German party system before and immediately after the 2021 Bundestag elections. It presents the reasons for the FDP success at the federal and regional levels after the failure in the 2013 parliamentary elections, identifies the party's major achievements and problems in 2017–2021 and looks into the FDP position as a ruling party in the current legislative session. It is shown how the party managed to

retain its core electorate, win new votes, and overcome main challenges. By stressing such topics as education, digitalization, and infrastructure the FDP succeeded in attracting young voters, getting rid of stereotypes of a party for business, and in creating a new appealing profile in the western part of the country. The authors demonstrate that during the election campaign the FDP was a relatively united political force, with this factor determining their successful performance in elections. As a result, the participation of the FDP in coalition negotiations became unavoidable and the Liberals managed to take leading governmental positions in their sphere of priorities. The article also describes the position of the FDP on the key issues of the Russian-German relations and their possible influence on the bilateral dialogue.

Key words: FDP, Bundestag, elections, German internal policy, Germany's party system.

DOI: 10.31857/S0201708322030093

EDN: GGIRRA

REFERENCES

Belov V.B. (2021) Partijno-politicheskie i social'no-ekonomicheskie posledstviya vyborov v germanskij Bundestag. [Party-Political and Socio-Economic Consequences of Elections to the German Bundestag]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. № 6, pp. 24–39. DOI: 10.31857/S086904990017879-8

Belov V.B. (2020) Tyuringiya: novoe politicheskoe zemletryasenie v Germanii. [Thuringia: A New Political Earthquake in Germany]. *Analiticheskie zapiski IE RAN*. No 1. <http://doi.org/10.15211/analytics12020>

Christian Lindner: Wir sind beschämt. *Süddeutsche Zeitung*. 13.02.2020. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/thueringen-lindner-fdp-entschuldigung-paul-ziemiak-1.4797499> (accessed: 10.06.2021)

Die Rückkehr. Konrad-Adenauer-Stiftung e. V. 07.11.2018. URL: <https://www.kas.de/ru/einzeltitel/-/content/die-ruckkehr> (accessed: 08.05.2021)

Eine Partei sucht sich selbst. Tagesschau. 06.01.2021. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/fdp-dreikoenigstreffen-stuttgart-101.html> (accessed: 08.06.2021)

Es ist besser, nicht zu regieren, als falsch zu regieren. *Zeit Online*. 20.11.2017. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2017-11/christian-lindner-sondierung-jamaika-abbruch-fdp> (accessed: 20.05.2021)

Folgenschwerer Übergriff Russlands und eine massive Belastung. *Welt*. 18.06.2020. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article209861959/Georgier-in-Berlin-erschossen-Folgenschwerer-Uebergriff-Russlands-und-eine-massive-Belastung.html> (accessed: 12.05.2021)

Höhne B. (2020) Die FDP zwischen Wahlerfolgen, Regierungsflucht und Stagnation, in Jun U., Niedermayer O. (ed.) *Die Parteien nach der Bundestagswahl 2017*. Springer VS, Wiesbaden, pp. 133–157.

Höhne B. and Hellmann D. (2017) “Die Freien Demokraten“, Konrad-Adenauer-Stiftung e. V, Berlin, Germany.

Horolskaya M.V. (2019), *Novoe vo vneshnepoliticheskikh orientirakh vedushchih partij FRG. Analiz i prognoz* [New foreign policy guidelines of the leading parties of the Federal Republic of Germany. Analysis and Forecast], IMEMO RAN. No 1, pp. 70–85. DOI: 10.20542/afi.j-2019-1-70-85

Kuznecov A.V. (2015) *Sovremennoe polozhenie malyh partij v Germanii* [The current situation of small parties in Germany], *Sovremennaya Evropa*. No 2, pp. 107–112. DOI: 10.15211/sovereurope22015107112

Lindners Flirt mit dem Populismus. *Sueddeutsche Zeitung*. 17.12.2019. URL: <https://www.sueddeutsche.de/politik/fdp-lindner-kommentar-1.4725282> (accessed: 07.05.2021)

Lindner fordert Moratorium für Nord Stream 2. *Süddeutsche Zeitung*. 23.01.2021. URL: <https://www.sueddeutsche.de/wirtschaft/energie-schwerin-lindner-fordert-moratorium-fuer-nord-stream-2-dpa.urn-newsml-dpa-com-20090101-210123-99-143009> (accessed: 15.05.2021)

Lindner und der "Full-Flavour-Liberalismus". *Zeit Online*. 06.01.2019. URL: <https://www.zeit.de/politik/deutschland/2019-01/fdp-dreikoenigstreffen-christian-lindner-liberalismus/komplettansicht> (accessed: 06.05.2021)

Maas hätte längst den russischen Botschafter einbestellen müssen. *der Tagesspiegel*. 14.05.2020. URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/nach-russischem-hackerangriff-auf-den-bundestag-maas-haette-laengst-den-russischen-botschafter-einbestellen-muessen/25831276.html> (accessed: 15.05.2021)

Montag T. (2018) *Die Rückkehr. Die FDP vor und nach der Bundestagswahl 2017*, Konrad-Adenauer-Stiftung e. V, Berlin, Germany.

Ogneva A.V. (2015) *SvDP: prichiny krizisa i poisk putej vyhoda iz nego* [FDP: Causes of the Crisis and the Search for a Way Out]. *Analiticheskie zapiski IE RAN*. No 314. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/314.pdf> (accessed: 25.06.2021)

Timoschenkova E.P. (2018) *Itogi vyborov v bundestag: novye vyzovy – starye otvety* [Results of the Bundestag elections: new challenges – old answers]. *Sovremennaya Evropa*. No 2, pp. 29–39. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220182939>

Timoschenkova E.P. (2020) *Partijno-politicheskaya sistema Germanii v period kanclerstva A. Merkel (2005–2017)* [A party political system in Germany at the time of Angela Merkel' chancellorship (2005–2017)]. Institute of Europe. Moscow, Russia. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report22020_369

Wahlergebnisse und Wählerschaft der FDP. Bundeszentrale für politische Bildung. 05.01.2021. URL: <https://www.bpb.de/politik/grundfragen/parteien-in-deutschland/fdp/273480/wahlergebnisse-und-waehlerschaft> (accessed: 20.05.2021)

Wer weiß, wer der Täter ist, der braucht keine Aufklärung. *Deutschlandfunk*. 22.03.2018. URL: https://www.deutschlandfunk.de/skripal-affaere-kubicki-kritisiert-den-westen-wer-weiss-wer.694.de.html?dram:article_id=413685 (accessed: 18.05.2021)

УДК. 327:355/359

Статья подготовлена в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783)

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРО НАТО НА ЕВРОПЕЙСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

© 2022 КРИВОЛАПОВ Олег Олегович*

Кандидат политических наук

Институт США и Канады РАН, 121069, Россия, Москва, Хлебный пер., 2/3.

***E-mail:** o.krivolapov@iskran.ru

Поступила в редакцию 27.12.2021

После доработки 23.02.2022

Принята к публикации 15.03.2022

Аннотация. Руководство США и НАТО утверждают, что Москва развернула ракеты средней дальности в европейской части страны и, кроме прочих мер регионального сдерживания России, планируют усиление региональной ПРО НАТО. Цель статьи – определить потенциальное влияние усиления региональной ПРО (ПРО театра военных действий, ТВД) блока НАТО на региональную безопасность. Ответ на этот вопрос важен для понимания перспектив европейской безопасности. В статье проведён критический анализ предлагаемых западными экспертами сценариев действий России и НАТО в отношении стран Балтии, места и роли систем ПРО ТВД в них, сопоставлены доктринальные установки США и России в сфере регионального неядерного сдерживания. Выявлены ситуации, в которых усиленная региональная ПРО НАТО помогла бы альянсу укрепить региональное сдерживание, и ситуации, где это менее вероятно. С учётом доктринальных установок обеих сторон сделаны выводы о дестабилизирующем потенциале усиления региональной ПРО НАТО и о безальтернативности контроля над вооружениями и режимов прозрачности в укреплении региональной стабильности.

Ключевые слова: региональная ПРО, ПРО театра военных действий, НАТО, Россия, сдерживание, политико-военный кризис, неядерное сдерживание, меры «до пуска», «эскалация для деэскалации».

DOI: 10.31857/S020170832203010X

EDN: GGOQUV

Важной частью проблематики международной безопасности является тема европейской безопасности. Отношения России и НАТО, а также России и США находятся в самой низкой точке со времён холодной войны. Экспертное сообщество усиленно ищет способы снижения рисков прямого военного столкновения обеих сторон¹. Одно из центральных мест среди многих вопросов отношений России и НАТО занимает проблема противоракетной обороны (ПРО). Официальная Москва говорит о системах ПРО “*Aegis Ashore*” в Европе как о части проблемы стратегической стабильности, как о перспективной угрозе для стратегических ядерных сил РФ. Российская сторона также рассматривает ПРО в рамках темы приближения инфраструктуры НАТО к границам России. У проблемы ПРО существует очень важное региональное измерение. Развал Договора о РСМД повысил вероятность развёртывания ракет средней и меньшей дальности в Европе. В этом контексте возрастает роль региональных систем ПРО (ПРО театра военных действий, ПРО ТВД).

Проблема ПРО в основном изучается учёными и экспертами в России и США как часть тематики стратегической стабильности в российско-американских отношениях [Rogov, 2021; Есин, 2017; Thielmann, 2020]. Гораздо меньше обсуждается подобное влияние ПРО ТВД на региональную стабильность [Дворкин, 2019]. В отличие от стратегической ПРО системы ПРО ТВД имеют гораздо больше удачных перехватов на испытаниях. Интерпретация этого факта как показателя более высокой надёжности данных систем является одной из причин, почему почти не ставится под сомнение стабилизирующий потенциал ПРО ТВД для региональной обстановки. Другая причина – мнение о противоракетной обороне как исключительно оборонительном средстве, способствующем стабилизации, особенно в нестратегическом, региональном контексте.

Многие специалисты признают, что ядерный конфликт РФ и США/НАТО возможен как результат эскалации неядерного конфликта в развитии политико-военного кризиса в Европе. В массиве исследовательской литературы на эту тему есть целый ряд статей, где упоминается фактор ПРО ТВД. Практически везде это

¹ Рекомендации участников диалога экспертов по сокращению рисков военной конфронтации между Россией и НАТО в Европе. ИСК РАН, ИЕ РАН. Декабрь 2020. URL: <http://iskran.ru/rossiya-nato-novye-rekomendacii-ekspertov/> (дата обращения: 01.02.2022)

Экспертный диалог по сокращению рисков военной конфронтации между Россией и НАТО в Европе. Семь рекомендаций. ИСК РАН, ИЕ РАН. Февраль 2022. URL: <https://www.europeanleadershipnetwork.org/group-statement/the-expert-dialogue-on-nato-russia-risk-reduction-seven-recommendations/> (дата обращения: 01.02.2022)

упоминание идёт на уровне отдельных тезисов в рамках статей, посвящённых более общим вопросам. Например, в рамках отношений США и союзников в Европе [Früling, 2016; Kühn, 2018], перспектив развёртывания ракет средней дальности [Kühn, 2019; Simon, Lanoszka, 2020], российских высокоточных вооружений большой дальности [Johnson, 2017], доктрины «эскалации для деэскалации» [Kort et al., 2019; Anderson, McCue, 2021; Kroenig, 2018; Kofman, Fink, Edmonds, 2020]. Практически нет исследований, специально посвящённых анализу фактора региональной ПРО в контексте действий США и НАТО по региональному сдерживанию России в Европе. Данная статья является развитием исследований автора на тему влияния региональных архитектур ПРО США на региональную стабильность [Криволапов, 2021].

Цель статьи – определить, каким образом усиление архитектуры ПРО НАТО может повлиять на региональную безопасность. В этой связи нужно ответить на следующие вопросы: (1) Поможет ли усиление региональной ПРО (а) сдерживать предполагаемую западными экспертами и руководством НАТО наступательную операцию войск РФ в регионе, проводимую Москвой с применением неядерных ракет и с последующей угрозой применения ядерного оружия в рамках приписываемой России доктрины «эскалация для деэскалации»? (б) сдерживать применение Россией ракет в ядерном оснащении в рамках указанного сценария? (2) Нарушит или укрепит региональную стабильность усиление ПРО ТВД блока НАТО? За пределами статьи остаются такие темы как влияние ПРО в Европе на стратегический баланс между РФ и Соединёнными Штатами, а также пути эскалации ядерного конфликта России и США/НАТО от регионального до стратегического уровня.

Речь пойдёт только о региональной ПРО (ПРО ТВД) НАТО, под которой понимаются системы, предназначенные для защиты от баллистических ракет с дальностью менее 5500 км, а также от крылатых ракет различной дальности¹. Они могли бы применяться для усиления архитектуры ПРО ТВД. Необходимость учёта систем ПРО ТВД стран НАТО (в том числе, присутствующих в Европе американских систем ПРО) обусловлена существованием долгосрочных планов США по интеграции их в единую архитектуру через центр командования и контроля ПРО НАТО на авиабазе Рамштайн (Германия)². К наступательным ракетам РФ, о которых пойдёт речь в статье, относятся оперативно-тактические ракеты (дальность 100–500 км), крылатые ракеты морского и воздушного базирования (КРМБ, КРВБ), гиперзвуковые аэробаллистические ракеты, а также разрабатываемые баллистические и кры-

¹ С учётом имеющихся у России ракетных систем имеются в виду следующие системы ПРО и ПВО/ПРО стран НАТО: “*Aegis*”, “*Patriot*”, *SAMP/T* с соответствующими моделями противоракет *SM-2*, *SM-6*, *PAC-3*, “*Aster*”. В документах НАТО говорится только о «ПВО/ПРО» (*air and missile defense*), куда входят все эти системы. Кроме того, перехватчик *SM-6* официально заявлен как часть потенциала в сфере защиты от гиперзвуковых вооружений (См. Vice Admiral Jon A. Hill, Director, Missile Defense Agency Before the Senate Armed Services Committee, 09.06.2021, p. 16.). Он также может использоваться как наступательная ракета для уничтожения наземных и надводных целей на дальности до 240 км.

² Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. 2019. P. 71, 77.

латые ракеты наземного базирования и гиперзвуковые ракеты морского, воздушно-го и наземного базирования (дальность менее 5500 км).

Понятие «сдерживание», являющееся одним из основных для данного исследования, имеет два толкования. Первое – «сдерживание через угрозу наказания» (*deterrence by punishment*). Второе – «сдерживание через препятствование» (*deterrence by denial*), а именно – создание военных возможностей для предотвращения успеха потенциальной агрессии [Mazarr et al., 2018: 7–8]. Первое чаще всего ассоциируется с развёртыванием наступательных вооружений, второе – оборонительных.

«Региональное сдерживание» связано с действиями сторон в рамках регионального противостояния. Под регионом имеется в виду Европа, в частности, её Прибалтийский субрегион. В отличие от стратегического сдерживания региональное сдерживание с участием ПРО ТВД и неядерных ракет не подразумевает уничтожения России или блока НАТО как таковых в результате первого и ответного ударов. Поскольку есть риск эскалации обычного вооружённого конфликта РФ и НАТО на ядерный уровень, в региональном контексте также требуются ответы на указанные выше вопросы об эффективности сдерживания наступления и ракетных пусков.

Другое ключевое понятие – «политико-военный кризис». Его основные составляющие: риск вооружённого столкновения (в том числе, непреднамеренного, в результате недопонимания намерений какой-то из сторон или обеими сторонами из-за нехватки информации и ухудшенной коммуникации между ними), психологическое давление извне на руководство вовлечённой в кризис страны, исключительно низкий уровень доверия сторон противостояния друг другу, наличие хотя бы у одной из сторон страха внезапного нападения [Schelling, 2008: 95–101]. Соответственно, под «региональной стабильностью» в данной статье понимается ситуация отсутствия политико-военного кризиса.

Вклад в региональное сдерживание

Российские ракеты с дальностью менее 5500 км были официально названы в числе ракетных угроз для войск США и их союзников в «Обзоре ПРО-2019». Представители администрации Дж. Байдена на слушаниях в Конгрессе повторили данную позицию. В Брюссельском коммюнике НАТО в июне 2021 г. в связи с этим отражено намерение усилить ПВО/ПРО НАТО¹. Указанные наступательные ракеты Вашингтон считает частью российского потенциала «перекрытия доступа» (*anti-access/area denial, A2/AD*), который в случае регионального политико-военного кризиса в Европе даст России преимущество². Хотя основой потенциала «перекрытия доступа» американские военные называют системы ПВО/ПРО и ракетные комплексы береговой обороны, у наступательных ракет – вспомогательная роль, состоящая в недопущении свободного движения войск НАТО и прихода подкрепления

¹ Brussels Summit Communiqué Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels. 14.06.2021.

² Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. 2019. P. 18.

Европе из США. Соответственно, одна из задач региональной ПРО, включая ПВО/ПРО НАТО, – препятствовать стратегии «перекрытия доступа»¹.

Как наиболее вероятный сценарий применения указанных ракетных и противоракетных вооружений в Европе военные и гражданские эксперты стран НАТО называли агрессию России против стран Балтии [Kelly, Gompert, Long, 2017: 140–163, 167–180; Hodges et al., 2020; Brauß, Rácz, 2021]. По их оценкам, хотя общая численность обычных вооружённых сил (ОВС) стран НАТО выше общей численности российских ОВС, в районе Прибалтики у России есть численный перевес над силами НАТО, а также развёрнуто множество средств из потенциала «перекрытия доступа». Это, по мнению западных экспертов, создаёт условия для стремительного локального наступления России на страны Балтии, и для поддержки такого наступления Москва применит неядерные ракеты морского, воздушного и наземного базирования с дальностью менее 5500 км. По мысли авторов докладов и представителей военно-политического руководства США и НАТО, Россия, взяв под контроль определённую территорию в Прибалтике, будет угрожать применением тактического ядерного оружия, чтобы не дать остальным странам НАТО вмешаться в происходящее и вытеснить российские войска обратно.

Региональная ПРО в Европе официально является инструментом поддержания не только неядерного, но и ядерного сдерживания, как об этом написано в основных действующих программных документах НАТО². В США офицеры Стратегического командования и чиновники министерства обороны помещают ПРО ТВД среди инструментов противодействия приписываемой России доктрине «эскалация для деэскалации» [Kort et al., 2019: 78; Anderson, McCue, 2021: 44, 45]. Ряд гражданских экспертов соглашаются с тем, что ПРО ТВД вполне успешно может быть применена как средство противодействия доктрине «эскалация для деэскалации» [Kroenig, 2018: 17–18; Kofman, Fink, Edmonds, 2020: 26, 65, 75].

В анализе возможной роли региональной ПРО в сдерживании применения ядерных ракет малой и средней дальности следует учитывать условия, при которых РФ может применять ядерное оружие. Официальные представители РФ отрицают наличие у России доктрины «эскалация для деэскалации»³. Согласно Основам политики РФ в области ядерного сдерживания от 2020 г., ядерное оружие будет применено Москвой в одной из четырёх ситуаций⁴. Учитывая характер описанных ситуаций, наличие у противника региональной ПРО вряд ли станет сдерживающим фактором для применения, например, ядерных оперативно-тактических ракет.

¹ Statement of Ms. Leonor Tomero Deputy Assistant Secretary of Defense for Nuclear and Missile Defense Policy before the Senate Armed Services Committee on Missile Defense. 09.06.2021. P. 6; Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. 2019. P. 71, 77.

² См. Deterrence and Defence Posture Review. North Atlantic Treaty Organization, May 2012; Brussels Summit Communiqué ... 2021.

³ Посол Антонов назвал ошибочными слова о выработке РФ доктрины "эскалация для деэскалации". ТАСС, 9.4.2019.

⁴ Указ Президента РФ от 2 июня 2020 г. № 355 "Об Основых государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания", п. 19.

Даже если придерживаться сценария, предполагаемого руководством НАТО и западными экспертами, и допустить наличие у России доктрины «эскалация для деэскалации», необходимо принимать во внимание факт того, что, если хотя бы одна ядерная боеголовка преодолеет такую систему ПРО, это может привести к тяжёлым последствиям для защищаемой стороны. Построение эффективной ПРО (в том числе, региональной) от ядерных ракет всё ещё находится под большим вопросом [Золотарёв, 2019]. Соответственно, эффективное сдерживание с помощью ПРО ТВД применения указанных ракет в ядерном оснащении вряд ли возможно.

Гораздо более сложна ситуация с ролью региональной ПРО в сдерживании наступления со стороны РФ с применением неядерных вооружений в рамках рассматриваемого сценария.

Согласно «Обзору ПРО-2019», региональная ПРО сдержит ракетные атаки по развёрнутым в различных регионах мира войскам США и их союзников, даст Вашингтону дополнительное время и варианты ответа на агрессию помимо нанесения удара¹. Гражданские эксперты утверждают, что наличие региональной ПРО поднимет порог агрессии с применением неядерных вооружений, в частности, со стороны РФ². Делается вывод, что региональная ПРО занимает место среди инструментов контроля эскалации наряду с ракетами средней дальности [Kaushal, 2019: vi; Fröling, 2016: 93; Karako, 2016]. Соответственно, от успеха сдерживания применения Россией указанных ракет зависит успех всего сдерживания предполагаемой российской агрессии.

Системы ПРО ТВД предлагается развернуть так, чтобы обеспечить защиту только командных центров, передовых развёрнутых войск, военных баз, складов, систем “*Aegis Ashore*”, транспортных узлов и больших населённых пунктов [Karako, 2016: 6–7; Fröling, 2016: 91; Kühn, 2018: 60, 69].

С учётом всего вышесказанного можно ответить на вопросы о вкладе ПРО ТВД в сдерживание применения Россией неядерных ракет в рамках предполагаемого в НАТО сценария. Для целей анализа примем тезис, что у российского руководства есть и намерение к наступлению, и достаточно времени для его подготовки³. Чтобы гарантировать успех, российская сторона будет осуществлять быструю операцию только при наличии средств, достаточных для преодоления ПРО НАТО.

Хотя испытания систем ПРО ТВД гораздо более успешны, чем испытания стратегической ПРО, с учётом опыта боевого применения систем “*Patriot*” Саудовской Аравией в 2015–2020 гг. [Williams, Shaikh, 2020: 24–25] российская сторона вполне может исходить из возможности преодоления данной системы имеющимися у Рос-

¹ См. Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. 2019. P. 27, 29–30.

² В экспертном сообществе западных стран есть разные взгляды на эффективность ПРО ТВД как части регионального сдерживания. Подробный анализ этих обсуждений и критический разбор доводов администрации США и различных групп экспертов был дан автором ранее [Криволапов, 2021].

³ Западные эксперты, как правило, не рассматривают ситуации, которые Москва может воспринять как угрожающие национальной безопасности РФ. Например, появление у НАТО планов по развёртыванию в Прибалтике неядерных ракет малой и средней дальности или элементов стратегической ПРО.

сии ракетами¹. Это означает, что наличие у НАТО систем ПРО ТВД не сможет сдержать применение указанных неядерных ракет в рамках такого сценария, если у РФ есть чёткое намерение к наступлению и уверенность в преодолении этих систем ПРО. Это уверенность в том, что количества имеющихся у России ракет достаточно для гарантированного поражения намеченных объектов, а её гиперзвуковые ракеты способны с ещё большей вероятностью преодолевать имеющиеся в НАТО системы региональной ПРО. При этом учитывается, что гиперзвуковые ракеты очень дорогие и их не может быть большое количество.

В теории также возможна ситуация, где у российской стороны нет возможности выделить на решение задач нужное количество какой-то из частей ракетного арсенала (либо гиперзвуковых, либо обычных ракет) для гарантированного поражения ограниченного числа наиболее важных объектов в рамках поддержки указанного наступления. Исходя из логики западных экспертов, Москва заинтересована в быстрой операции. Таким образом, наличие у НАТО систем ПРО ТВД, численно превосходящих российские возможности в сфере ракетных систем, может сдержать российское наступление. Тогда Россия продолжит наращивание соответствующих ракетных комплексов в субрегионе. В такой ситуации возникает другой вопрос: укрепит ли региональная ПРО обстановку в сфере региональной стабильности?

Влияние на стабильность

В трудах Т. Шеллинга и других теоретиков сдерживания разобраны ситуации, где описанные в сценариях западных экспертов шаги (вторжение, ракетные удары) не всегда являются результатом односторонней инициативы. Иногда это следствие ситуации, где предполагаемый агрессор оказывается в условиях, которые он по каким-то причинам воспринимает как безвыходные для себя [Mazarr et al., 2018: 1–2]. Существует риск скатывания к войне из-за действий, которые изначально призваны сдержать агрессора [Schelling, 2008: 225].

Сдерживание как таковое связывается в первую очередь с препятствованием намерению, которое уже сформировалось у потенциального агрессора. Стабильность подразумевает ситуации, когда ни у одной из сторон нет стимула к агрессии, то есть отсутствие кризиса. Рассмотрим ситуацию, где у России изначально нет намерения ни к вторжению, ни к ракетным ударам. В этом случае её вооружённые силы вблизи Прибалтики построены только для осуществления защиты от потенциальной агрессии со стороны альянса. В непосредственной близости находятся Санкт-Петербург, база Балтийского флота в Кронштадте и уязвимая для блокирования Калининградская область. С учётом этого, приведёт ли к напряжённости усиление странами НАТО архитектуры ПРО ТВД в странах Балтии и Польше?

С одной стороны, это усиление может и не привести к обострению обстановки. По оценкам западных экспертов, в подразделениях вооружённых сил РФ под

¹ О потенциально низкой эффективности систем “Patriot” против ракет «Калибр» и «Искандер» говорили некоторые западные эксперты. Например, [Kühn, 2019: 158; Simon, Lanoszka, 2020: 20].

Санкт-Петербургом, вблизи границы с Эстонией и Латвией, а также в Калининградской области имеется в общей сложности 33 батареи систем ПВО/ПРО (С-300 и С-400)¹. Сопоставимые с ними системы “Patriot” в этом субрегионе пока не развернуты. В 2022 г. ожидается поставка закупленных Польшей двух батарей “Patriot” [Frisel et al., 2021: 91]. Данные системы уже есть у Германии (до 14 батарей) [Friesel et al., 2021: 103] и США (до 12 батарей на территории Германии). У остальных стран альянса подобных систем ПРО меньше. Таким образом, всего НАТО располагает около 26 батареями, теоретически доступными для быстрой переброски в страны Балтии². У России есть численный перевес по данным системам в рассматриваемом субрегионе. Исходя из этого можно предположить, что небольшое добавление в данный район подобных комплексов со стороны НАТО может и не привести к напряжённости. Например, Россия практически никак не отреагировала на закупку Польшей и Швецией систем “Patriot”.

В то же время стягивание в район более значительного числа (более 4 батарей) таких систем с целью уравнивать возможности сторон в сфере ПВО/ПРО может быть воспринято Москвой как подготовка к более решительным действиям или попытка оказания давления³. Тогда это приведёт к стягиванию в регион дополнительных российских ракет [Kühn, 2019: 158], включая, возможно, гиперзвуковых⁴.

Дополнительное развёртывание указанных наступательных ракет со стороны России может быть продиктовано поддержкой концепции неядерного сдерживания. Согласно военной доктрине РФ от 2014 г., неядерное сдерживание – комплекс внешнеполитических, военных и военно-технических мер, направленных на предотвращение агрессии против РФ неядерными средствами⁵. Это включает «демонстрацию готовности к реализации угрозы нанесения неядерными средствами в ответных или упреждающих действиях ущерба жизненно важным интересам и объектам государств – потенциальных агрессоров, заведомо превышающего выгоды от осуществления агрессии» [Буренок, Ачасов, 2007: 12]. Как признают западные эксперты, ПРО ТВД может ограничить или исключить для Москвы некоторые варианты неядерного сдерживания на региональном уровне, в частности, «помешать до-

¹ Подробнее об этом, см. [Muzyka, 2021: 39, 50].

² В данном сценарии не рассматривается возможность стягивания в Балтийское море дополнительных кораблей с системами “Aegis” и противоракетами SM-2 и SM-6 для прикрытия портов, так как предполагаемое наличие у них КРМБ делает их априори более дестабилизирующим фактором чем системы “Patriot”.

³ Для сравнения: в самые опасные периоды противостояния с Ираном (май 2019 г. и март 2020 г.) США разворачивали на Ближнем Востоке дополнительно всего 1-3 батареи для прикрытия ключевых объектов.

⁴ Появление гиперзвуковых вооружений в регионе во время кризиса само по себе может дестабилизировать ситуацию. Потому что при применении гиперзвуковых ракет в региональном контексте у противостоящей стороны (1) практически нет времени на реакцию, (2) неизвестна мишень этих ракет и (3) доподлинно неизвестно оснащение таких ракет – ядерное или неядерное.

⁵ Военная доктрина Российской Федерации. Ноябрь 2014. С. 4.

зированной и гарантированному выполнению задач деэскалации» [Johnson, 2017: 74]. Преодоление ПВО/ПРО является важным фактором обеспечения неядерного сдерживания [Кокошин, 2014: 201].

Таким образом, возможны два варианта развития событий. Если российская сторона уверена в способности своих наступательных ракет, уже имеющихся вблизи Балтии, преодолеть системы региональной ПРО НАТО для выполнения неядерного сдерживания, то вероятность дополнительного развёртывания российских наступательных ракет в регионе объективно снижается, как и вероятность эскалации. Если подобной уверенности в Москве нет (например, низкая численность ракет), то вероятность дополнительного развёртывания российских ракет в регионе повышается.

В ситуации кризиса высока вероятность недопонимания намерений друг друга. В НАТО могут быть опасения насчёт стран Балтии, а в Москве могут быть опасения о возможности блокирования Калининграда, даже если ни то ни другое не является замыслом соответствующей стороны. В этих условиях действия любой из них по наращиванию сил и средств в субрегионе будут интерпретироваться именно как подготовка агрессии. Так продолжится цикл «действия – противодействия».

Во время кризиса, если руководство РФ посчитает, что противник изготовился к нанесению удара (в том числе ограниченного), то в рамках концепции неядерного сдерживания может быть принято решение о нанесении «по жизненно важным объектам противника высокоэффективных выборочных ударов, не связанных с потерями населения и живой силы противника» [Буренок, Ачасов, 2007: 13]. Среди возможных целей этих неядерных ударов могут быть такие объекты в странах НАТО, как носители КРМБ и КРВБ, корабли с системами ПРО, РЛС [Пономарёв, Поддубный, Полегаев, 2019: 100], наземные центры радиоэлектронной разведки, крупные корабли аналогичного назначения, узлы связи и управления [Кокошин, 2014: 201]. Решение о демонстрационных ударах будет принято, только если сложившуюся ситуацию воспримут как крайне опасную, и тогда наличие ПРО у данных объектов не сможет сдержать применение по ним неядерных ракет.

Объём статьи не позволяет полностью изучить в данном контексте фактор развёртывания ракет меньшей и средней дальности в странах НАТО. Для более полной картины доктрин обеих сторон в сфере неядерного регионального сдерживания необходимо указать, что у США также есть концепция, предусматривающая применение неядерных высокоточных вооружений по изготовившемуся к ракетной атаке противнику (меры ПРО “left-of-launch”)¹. Она распространяется и на региональную ПРО². Применение этих мер возможно как после непосредственного начала конфликта, так и до его начала³.

¹ Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. 2019. P. 60.

² U.S. Missile Defense Policy. Prepared Remarks by Dr. Robert M. Soofer before the Senate Armed Services Committee. 09.06.2021, p. 2.

³ Unclassified Report to Congress, Declaratory Policy, Concept of Operations, and Employment Guidelines for Left-of-Launch Capability, U.S. Department of Defense, Joint Chiefs of Staff, 10.05.2017, p. 1.

Заключение

С учётом анализа представленного западными экспертами сценария российского наступления в Прибалтике усиление региональной ПРО НАТО (включая ПВО/ПРО) не поможет сдержать применение Россией указанных ракет в ядерном оснащении как ответ на одно из четырёх условий, описанных в Основах политики РФ в области ядерного сдерживания от 2020 г., и даже как ответ в рамках приписываемой России концепции «эскалация для деэскалации». Положения западных военных чиновников и гражданских экспертов здесь неубедительны. В то же время подобное усиление ПРО ТВД блока НАТО в большинстве случаев поможет сдержать применение Россией неядерных ракет. Здесь взгляды представителей военно-политического руководства и экспертного сообщества стран НАТО более аргументированы. Однако необходимо учитывать, что в ситуации, когда потенциал ПРО ТВД превышает потенциал наступательных ракет, всё равно создаётся угроза региональной стабильности.

С одной стороны, наличие у России большого числа систем ПВО/ПРО вблизи Балтии и низкая оценка эффективности ПРО НАТО против указанных российских ракет могут снизить вероятность резкого ответа Москвы на усиление данной ПРО. С другой, – сопоставление доктринальных положений США и РФ в области регионального неядерного сдерживания показало, что существенное усиление архитектуры оборонительных вооружений (более 4 дополнительных батарей систем “*Patriot*”) может быть воспринято в Москве как подготовка противодействия её концепции неядерного сдерживания и потребовать стягивания дополнительных ракетных комплексов к субрегиону.

При этом западные эксперты и военно-политическое руководство НАТО периодически повторяют, что для эффективности регионального сдерживания России нужно не только усиление ПРО ТВД, но и неядерные наступательные ракеты с дальностью менее 5500 км. При том, что у обеих сторон имеются концепции упреждающих неядерных ударов по изготовившемуся к атаке противнику, а также есть недопонимание в сфере ядерных доктрин хотя бы одной из сторон (например, споры об «эскалации для деэскалации»), усиление архитектуры региональной ПРО НАТО (включая ПВО/ПРО) будет иметь, скорее, негативный эффект для региональной стабильности. Присутствует риск возникновения цикла «действие – противодействие» в сфере наращивания вооружений в регионе, а в случае обмена ограниченными ударами неядерными ракетами – ещё и в сфере ударов по противнику. Таким образом, при всём, на первый взгляд, исключительно оборонительном характере ПРО ТВД эти системы нельзя признать надёжным средством стабилизации в рассматриваемом регионе. Это означает, что для укрепления региональной стабильности не видно более разумной альтернативы, чем варианты контроля над вооружениями и режимы прозрачности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буренок В.М., Ачасов О.Б. (2007) Неядерное сдерживание. *Военная мысль*, № 12. С. 12–15.

Есин В.И. (2017) Американская и российская системы противоракетной обороны и стратегическая стабильность. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*, № 4. С. 3–41.

Дворкин В.З. (2019) Влияние систем ПРО на стратегическую стабильность и перспективы ядерного разоружения. *Мировая экономика и международные отношения*, № 8. С. 5–12. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-5-12.

Золотарев П.С. (2019) Ядерные аспекты военной политики и российско-американские отношения. *Россия и Америка в XXI веке*. Выпуск 1. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760004694-0-1/> (дата обращения: 12.06.2020) DOI: 10.18254/S207054760004694-0.

Кокошин А.А. (2014) Стратегическое ядерное и неядерное сдерживание: приоритеты современной эпохи. *Вестник РАН*, № 3. С. 195–205. DOI: 10.7868/S0869587314030086.

Криволапов О.О. (2021) Дискуссии о роли американской ПРО театра военных действий в региональном сдерживании России и Китая. *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*, № 1. С. 58–84. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-1-58-84.

Пономарёв С.А., Поддубный В.В., Полегаев В.И. (2019) Критерии и показатели неядерного сдерживания: военный аспект. *Военная мысль*, № 11. С. 97–100.

The Influence of the NATO Regional Missile Defense on the European Security

The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

O.O. Krivolapov*

Candidate of Science (Politics)

Institute for the U.S. and Canadian studies, Russian Academy of Sciences,

2/3, Khleby per., Moscow, Russia, 121069.

***E-mail:** o.krivolapov@iskran.ru

Abstract. The problem of missile defense is considered by Russian researchers, first of all, as part of the strategic stability problem in relations between Russia and the United States. At the same time, the impact of regional missile defense (theater missile defense) on the regional security remains largely unexplored. The U.S. and NATO leadership continue to claim that Russia has deployed intermediate-range missiles in the European part of the country. As a response to this step, in addition to other measures of regional deterrence towards Russia, it is planned to strengthen

NATO's regional missile defense system. The purpose of the article is to determine the potential impact of enhancing NATO's theater missile defense on regional security. The answer to this question is important for understanding the prospects for European security. The article provides a critical analysis of Western experts' scenarios of actions of Russia and NATO around the Baltic countries, the place and role of theater missile defense in these scenarios, and compares the doctrinal guidelines of the US and Russia regarding regional non-nuclear deterrence. There are situations in which NATO's enhanced regional missile defense could strengthen regional deterrence, and there are situations where this is less likely. Taking into account the doctrinal guidelines of both sides, conclusions are drawn about the destabilizing potential of NATO's regional missile defense enhancement and that, in strengthening regional stability, there is no alternative to arms control and transparency regimes.

Key words: regional missile defense, theater missile defense, NATO, Russia, deterrence, political-military crisis, non-nuclear deterrence, left-of-launch, escalate to de-escalate.

DOI: 10.31857/S020170832203010X

EDN: GGOQUV

REFERENCES

- Anderson J., McCue J. (2021) Deterring, Countering, and Defeating Conventional-Nuclear Integration. *Strategic Studies Quarterly*, Vol. 15, Issue 1, pp. 28–60.
- Brauß H., Rácz A. (2021) Russia's Strategic Interests and Actions in the Baltic Region. Berlin: German Council on Foreign Relations.
- Burenok V., Achasov O. (2007) Neyadernoe sderzhivanie [Non-nuclear deterrence]. *Voennaya Mysl*, No 12, pp. 12–15. (In Russian).
- Esin V. (2017) Amerikanskaya i rossiiskaya sistemy protivoraketnoi oborony i strategicheskaya stabilnost [The U.S. and Russian missile defense systems and strategic stability]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, No 4, pp. 3–41, (in Russian).
- Dvorkin V. (2019) Vliyanie system PRO na strategicheskuyu stabilnost i perspektivy yadernogo razoruzheniya [Impact of missile defense systems on strategic stability and prospects for nuclear disarmament]. *World Economy and International Relations*, No 8, pp. 5–12. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-8-5-12, (in Russian).
- Frisel E.H. et al. (2021) Western Military Capability in Northern Europe. Part II: National Capabilities. Stockholm: FOI.
- Früling S. (2016) Managing escalation: missile defence, strategy and US alliances. *International Affairs*, Vol. 92, Issue 1, pp. 81–95.
- Hodges B., Bugajski J., Wojcik R., Schmiedl C. (2020) One Flank, One Threat, One Presence. A Strategy for NATO's Eastern Flank. Center for European Policy Analysis.
- Johnson D. (2017) Russia's Conventional Precision Strike Capabilities, Regional Crises, and Nuclear Thresholds. Livermore, Lawrence Livermore National Laboratory.

Karako T. (2016) Looking East: European Air and Missile Defense after Warsaw. Washington, DC: Center for Strategic & International Studies.

Kaushal S. (2019) A critical enabler for power projection: Options for a UK missile defense capability in an age of escalation control. London: Royal United Services Institute.

Kelly T., Gompert D., Long D. (2017) Smarter Power, Stronger Partners. Vol. II. Trends in Force Projection Against Potential Adversaries. Santa Monica: RAND Corporation.

Kofman M., Fink A., Edmonds J. (2020) Russian Strategy for Escalation Management. Evolution of Key Concepts. Arlington: CNA.

Kokoshin A. (2014) Strategicheskoe yadernoe i neyadernoe sderzhivanie: priority sovremennoi epohi [Strategic nuclear and non-nuclear deterrence: priorities of the modern era] *Vestnik RAN*, No 3, pp. 195–205. DOI: 10.7868/S0869587314030086, (in Russian).

Kort R., Bersabe C., Clarke D., Di Bello D. (2019) Twenty-first century nuclear deterrence operationalizing the 2018 Nuclear Posture Review. *Joint Forces Quarterly*, No 3 (94), pp. 74–79.

Krivolapov O. (2021) Discussii o roli amerikanskoi PRO teatra voennykh deistvii v regionalnom sderzhivanii Rossii i Kitaya [Debates on the role of the U.S. theater missile defense in regional deterrence of Russia and China]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, No. 1, pp. 58–84. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-1-58-84, (in Russian).

Kroenig M. (2018) A Strategy for Deterring Russian Nuclear De-Escalation Strikes. Washington DC: Atlantic Council.

Kühn U. (2018) Preventing Escalation in the Baltic. A NATO Playbook. Washington DC: Carnegie Endowment for International Peace.

Kühn U. (2019) Between a rock and a hard place: Europe in a post-INF world, *The Non-proliferation Review*, Vol. 26, No. 1–2, pp. 155–166. DOI: 10.1080/10736700.2019.1593677.

Mazarr M. et al. (2018) What deters and why. Exploring requirements for effective deterrence of interstate aggression. Santa Monica: RAND Corporation.

Muzyka K. (2021) Russian Forces in the Western Military District. Arlington: CNA.

Ponomarev S., Poddubny V., Polegaev V. (2019) Kriterii i pokazateli neyadernogo sderzhivania: voennyi aspekt [Criteria and indicators of non-nuclear deterrence: military aspect] *Voennaya Mysl*, No 11, pp. 97–100, (in Russian).

Rogov S. (2021) Global and Regional Stability in the Nuclear World. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, No 3, pp. 374–387. DOI: 10.1134/S101933162103014X.

Schelling T. (2008) Arms and Influence. New Haven: Yale University Press.

Simon L., Lanoszka A. (2020) The Post-Inf European Missile Balance: Thinking About NATO's Deterrence Strategy, *Texas National Security Review*, Vol. 3, Issue 3, pp. 13–30.

Thielmann G. (2020) Incorporating Missile Defense in Strategic Arms Control. Deep Cuts Issue Brief #12.

Williams I., Shaikh S. (2020) The Missile War in Yemen. Washington, DC: Center for Strategic & International Studies.

Zolotarev P. (2019) Yadernye aspekty voennoi politiki i rossiisko-amerakanskie otnosheniya [Nuclear Aspects of Military Policy and Russian-American Relations] *Rossiia i Amerika v XXI veke*. Issue 1. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760004694-0-1/> (accessed: 12.06.2020). DOI: 10.18254/S207054760004694-0, (in Russian).

УДК 327.7

УКРЕПЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ ОДКБ

© 2022 ЛЕШЕНИЮК Олег Николаевич*

*Факультет международных отношений, Белорусский государственный университет.
Республика Беларусь, 220004 г. Минск, ул. Ленинградская 20/1108.*

**E-mail: leshenyuk.oleg@gmail.com*

Поступила в редакцию 02.12.2021

После доработки 28.02.2022

Принята к публикации 15.03.2022

Аннотация. В статье проанализированы процессы укрепления региональной системы коллективной безопасности в рамках ОДКБ. Автор описывает причины перехода от универсальной системы коллективной безопасности к региональной, рассматривает основополагающие принципы ОДКБ, ее роль в урегулировании кризисных ситуаций на территориях ответственности. В свете появления новых вызовов универсальным системам безопасности, в том числе ООН, все сложнее находить консенсус ввиду разнонаправленных, а иногда и противоречащих национальных интересов государств. В этих условиях многие международные институты теряют свою значимость или требуют кардинальных изменений и новаторских подходов. В региональной системе коллективной безопасности осуществление управления системами коллективной безопасности обеспечивается за счет миротворческих операций и в ходе военного сотрудничества посредством сил систем управления коалиционными группировками войск: Центральноазиатской, Восточноевропейской и Кавказской. Особая роль отводится Союзному государству Беларуси и России в ОДКБ. Сделан вывод о необходимости усилить потенциал Коллективных сил оперативного реагирования, принять совместные усилия по противодействию национал-радикалам, расчищающим путь вооруженным экстремистам, а также внедрять единые стандарты в вооруженных силах, обеспечить их совместимость, развивать логистическую инфраструктуру, поддерживать высокий уровень подготовки.

Ключевые слова: ОДКБ, Союзное государство, ООН, региональная система коллективной безопасности, многостороннее сотрудничество, Республика Казахстан.

DOI: 10.31857/S0201708322030111

EDN: GGPTNG

Развитие региональных систем коллективной безопасности носит закономерный характер. Зачастую понятие коллективной безопасности ассоциируется с деятельностью Совета Безопасности ООН. Но в связи с тем, что государствам-членам ООН все сложнее находить консенсус ввиду разнонаправленных, а иногда и противоречащих национальных интересов, государства развивают региональные системы коллективной безопасности в целях поддержания мира.

В регионе СНГ развитие системы коллективной безопасности базируется на основополагающих принципах Устава ООН, соответственно, на принципах международного права. Реализация положений Концепции коллективной безопасности государств-участников Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. (далее – ОДКБ) предусматривает осуществление государствами-участниками согласованных политических, экономических, военных и других мер на принципах: неделимости безопасности, равенства ответственности государств-участников за обеспечение безопасности, соблюдения территориальной целостности и уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела и учета интересов друг друга, коллективности обороны, создаваемой на региональной основе, принятия решений по принципиальным вопросам обеспечения коллективной безопасности на основе консенсуса, соответствия состава и готовности сил и средств масштабу военной угрозы¹.

Принципы Устава ООН направлены на обеспечение непротиворечивого развития универсальной системы безопасности наряду с региональными, но отдельные региональные системы порой действуют вразрез с его принципами, заявляя о «порядке, основанном на правилах». Изучением этой проблематики занимаются отечественные политологи, например, Н.Н. Бордюжа, С.В. Зась, А.В. Русакович, Л.С. Мальцев и другие, а также зарубежные юристы и политологи: Joensson, J. H., Franck T. M., Zacher M. W., de Luca S. M., Neuhold H., Thakur R. и т.д. В соответствии с региональной системой ОДКБ коллективная безопасность заключается в предотвращении и устранении угроз миру, совместной защите от агрессии, обеспечении суверенитета и территориальной целостности государств-членов².

С точки зрения практики основными механизмами обеспечения коллективной безопасности стали действия по поддержанию мира, миротворческие операции. Не ограничиваясь различными бюрократическими и техническими составляющими, в процессе осуществления они корректируются посредством институциональных и инструментальных способов.

С каждым годом необходимость в обеспечении коллективной безопасности возрастает, о чем свидетельствуют многочисленные конфликты в разных регионах

¹ Концепция коллективной безопасности государств-участников договора о коллективной безопасности. URL: <http://www.odkb.gov.ru/b/azc.htm> (дата обращения: 03.02.2022)

² Концепция коллективной безопасности государств – участников Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/kontseptsiya_kollektivnoy_bezopasnosti_gosudarstv_uchastnikov_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 03.02.2022)

мира и соответствующий рост числа проводимых миротворческих операций. Действующие в рамках международных организаций миротворческие контингенты способствуют снижению угроз и стабилизации мира. Согласно Уставу ООН, они носят универсальный и неполитизированный характер. Существует противоречие между практическими действиями международных организаций и самой системой коллективной безопасности, которая представляет собой сферу влияния, которая призвана не ограничиваться обеспечением так называемого миростроительства, другими словами, обеспечением мира, а может быть расширена до «государствостроительства», например, в случае предложения определенных законодательных инициатив после конфликта [Joensson, 2010: 12]. Такие концепции, получившие особое распространение в западной литературе, часто носят нормативный характер, а консультативная деятельность миротворцев, например, в области прав человека, нередко входит в противоречие с принципами Устава ООН.

Подобные операции, преследующие не универсальные цели, привели к тому, что в XXI в. страны вынуждены анализировать риски развития многочисленных систем региональной безопасности. Государства не могут полагаться на мирные условия сосуществования, а иногда даже и на обеспечение безопасности и мира в собственных границах. Изменяются условия жизни, на что влияют глобальные геополитические процессы, появляются новые вызовы и угрозы. Современные угрозы представляют собой процессы, которые способны подорвать межгосударственную природу международных отношений, а затем и саму универсальную систему коллективной безопасности. Данные угрозы часто представляют собой попытки отдельных государств представить одну из региональных систем в качестве универсальной. К сожалению, в западной литературе часто делают акцент на трансграничном характере угроз [Franck, 2006: 601], забывая о том, что у трансграничных угроз, например, организованной преступности или терроризма, есть и межгосударственное измерение. В этих условиях многие международные институты теряют свою значимость или, по крайней мере, требуют кардинальных изменений и новаторских подходов, но не в ущерб их межгосударственному компоненту.

В основу исследования положены следующие методы. Во-первых, это общенаучный метод абстрагирования. Анализ литературы показал, что большая часть исследований по проблемам интеграции в сфере безопасности ограничены исследованиями конкретных организаций. Это несколько не умаляет аналитическую ценность таких исследований, но ограничивает перспективы выхода на фундаментальный обзор военно-политических организаций в принципе, т. е. без акцента на нормативном компоненте той или иной организации. Исключением является научная школа А.Д. Богатурова, определяющая противоречие между региональными и универсальными системами безопасности как следствие укрепления «плюралистической однополярности» [Богатуров, Косолапов, Хрусталеv, 2002: 335]. Во-вторых, с целью обойти нормативные ограничения использован метод «grounded theory»: текущее исследование показало необходимость комбинирования подходов, разработанных в рамках отечественных школ, например, А.Д. Богатурова, с подходами, разработанными в функционалистских исследованиях расширения полномочий международных организаций [Жеребцов, 2004: 89]. В-третьих, использован метод ситуа-

ционного анализа событий начала 2022 г. в Республике Казахстан, проведённого на материале новостных статей, на основе качественного контент-анализа зарубежных и отечественных СМИ. Особое значение имело изучение договорной и процедурной базы ОДКБ и сопоставление с нормативно-правовой базой ООН.

Многостороннее сотрудничество в рамках формирования региональной системы коллективной безопасности

Члены ООН пришли к единому мнению, что мир нуждается в разделении ответственности и институционализации наиболее успешных практик, адаптированных к конкретным регионам [Russett, Sutterlin, 1991; Thakur, 2006]. На принципе международного сотрудничества и диалога государства активно формируют региональные системы коллективной безопасности. В центре этого процесса лежит 51 статья Устава ООН¹. Данной статьёй закреплено право государств на коллективную самооборону в случае «вооружённого нападения на члена организации». Подобная норма существовала задолго до ООН: не только как норма в рамках Лиги наций, но и как классическая норма систем договорённостей в Европе XIX в. В этой связи стоит отметить, что достоинством и важным приобретением Устава ООН является коллективная самооборона военных союзов. В рамках региональных систем коллективная самооборона может быть задействована до решений Совета Безопасности ООН. Однако практика показывает, что и действия Совета Безопасности, затрагивающие национальные интересы постоянных членов, существенно ограничены.

Подобное положение закреплено в документах ОДКБ: «Агрессия против одного государства рассматривается как агрессия против всех государств – участников», т.е. провозглашен принцип неделимости безопасности². Концепция коллективной безопасности этой организации, основанная на принципах ООН, международного права, Договора о коллективной безопасности, а также положениях других документов, отражает военную политику государств-участников, основные направления и этапы создания системы коллективной безопасности, регламентирует осуществление миротворческой деятельности исключительно на добровольных началах³.

¹ Устав ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 03.02.2022)

² Концепция коллективной безопасности государств-участников Договора о коллективной безопасности. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/kontseptsiya_kollektivnoy_bezopasnosti_gosudarstv_uchastnikov_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 03.02.2022)

³ Соглашение о миротворческой деятельности Организации Договора о коллективной безопасности. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/soglasenie_o_mirotvorcheskoy_deyatelnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 03.02.2022)

Между тем в условиях противоречий между региональными системами особую актуальность приобретает развитие полноценной институциональной связи с универсальной системой коллективной безопасности. Регион СНГ демонстрирует положительную динамику в этом направлении. В целях взаимодействия с ООН 18 марта 2010 г. была подписана Совместная декларация о сотрудничестве между секретариатами ООН и ОДКБ, которая предусматривает взаимодействие по вопросам международного мира и безопасности. Среди угроз эксперты отмечают недостаточный уровень практического международного сотрудничества в области противодействия вызовам в сфере безопасности государств Евразийского региона, опасность эскалации существующих и возникновения новых очагов международных и внутригосударственных конфликтов, применение технологий так называемых «цветных революций» и «гибридных войн», незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ [Панарина, Казанцева, 2017: 9]. Подобное многостороннее сотрудничество могло бы охватывать такие области, как борьба с терроризмом, транснациональная преступность, предотвращение и урегулирование конфликтов, незаконная торговля оружием и предотвращение чрезвычайных ситуаций, и реагирование на них¹.

Данный инструмент взаимодействия приобрёл особую актуальность в 2022 г. После январских событий в Казахстане, в ходе которых была предпринята попытка террористической атаки и государственного переворота, успешно и эффективно сработавшая система обеспечения коллективной безопасности в рамках ОДКБ позволила возобновить переговоры о многостороннем сотрудничестве для обеспечения коллективной безопасности совместно с ООН. С учётом развития потенциала ОДКБ сотрудничество в рамках механизмов Организации Объединённых Наций помогло бы оперативно решать кризисные ситуации на национальном, региональном и международном уровнях. Н.Н. Бордюжа заявил о готовности ОДКБ к выполнению задач с подключением как миротворческого контингента на территории ОДКБ, так и по мандату Совета Безопасности ООН [Бордюжа, 2011: 39].

Привлечение миротворческих сил ОДКБ по инициативе Республики Казахстан позволило этой организации впервые за свою историю заявить о себе как о военно-политической силе, которая вправе развиваться и в будущем перейти от региональной к универсальной организации. Переброска контингента стран-союзниц ОДКБ в кратчайшие сроки устранила угрозу разрушения государственности, обеспечила стабилизацию ситуации и восстановление конституционного порядка в Казахстане. Решение руководства ОДКБ о направлении миротворческого контингента в Казахстан по просьбе законной власти свидетельствует о фактической

¹ Совместная декларация о сотрудничестве между секретариатами ООН и ОДКБ от в Москве 18 марта 2010 года. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/sovmestnaya_deklaratsiya_o_sotrudnichestve_mezhdu_sekretariatami_organizatsii_obedinennykh_natsiy_i_/#loadedhttps://odkb-csto.org/documents/documents/sovmestnaya_deklaratsiya_o_sotrudnichestve_mezhdu_sekretariatami_organizatsii_obedinennykh_natsiy_i_/#loaded (дата обращения: 03.02.2022)

реализации интеграционного потенциала. Подобные действия вызвали бурную реакцию со стороны коллективного Запада, что нашло отражение в нелестных комментариях в адрес России и всего евразийского пространства. Факт укрепления многостороннего сотрудничества в рамках ОДКБ говорит о готовности структуры стать на защиту любого ее члена, что осложняет задачи агентов влияния по дестабилизации региона и *обеспечивает региональную безопасность в условиях активизации международного терроризма и экстремизма [Башаратьян, 2012: 15]*. Стоит отметить повышенное внимание и оперативность реагирования каждой страны-члена, скорость передислокации миротворческих сил для охраны стратегических объектов.

Как отметил президент Касым-Жомарт Токаев, силовые структуры Казахстана «проспали» террористическое нападение на государство. Хотя речь идет о компетентных военнослужащих с достаточным инструментарием и полномочиями. Тактически выверенные действия митингующих в Казахстане свидетельствуют о внешней координации протестов. Напрашивается аналогия с организацией белорусских протестов в 2020 г. Подобные акции прокатились практически по всем странам-членам ОДКБ. Протесты в Беларуси и Кыргызстане, война в Армении. Последуют и дальнейшие попытки дестабилизации государств ОДКБ. Смог бы Казахстан справиться без помощи сил ОДКБ? Однозначно да, но мобилизация заняла бы несколько недель. Это означало бы больший ущерб городам, инфраструктуре и большее количество жертв среди мирного населения.

До этого исторического момента западные страны не воспринимали Организацию договора о коллективной безопасности как серьезного партнёра, хотя уже много лет ведутся дискуссии о необходимости выстраивания диалога ОДКБ и НАТО. Несмотря на многочисленные предложения о диалоге, США, Евросоюз и НАТО не признают правовую субъектность ОДКБ, ЕАЭС и других региональных интеграционных проектов. Более того, конфронтация в отношениях России и Беларуси с коллективным Западом нарастает.

В конце 2021 г. Российская Федерация выдвинула условия нормализации отношений с США и НАТО: соблюдение принципа невмешательства во внутренние дела, уважение национальных интересов, нерасширение НАТО на восток и т.д. В целом были конкретизированы уже озвученные ранее предложения по укреплению неделимой безопасности. Вместо международного сотрудничества на основе принципов Устава ООН США и остальные члены НАТО фактически отказались от предложений России. Более того, был повышен градус милитаризации Польши и Украины, что вкупе с попытками решить конфликт Украины и Донбасса военными методами привело к решению о проведении специальной военной операции по защите ДНР и ЛНР. О вынужденном характере специальной операции свидетельствует строительство инфраструктуры НАТО на территории Украины, заявление президента Украины В. Зеленского на Мюнхенской конференции по безопасности о возможностях обретения Украиной ядерного статуса, выявленные факты реализации Германией на Украине собственной военно-биологической программы, а

также формирование сети из около 30 биологических лабораторий на территории Украины по заданию Минобороны США¹.

Долгое время деятельность ОДКБ подвергалась скептическим оценкам экспертов. Однако стоит подчеркнуть, что постоянные инициативы Российской Федерации и Республики Беларусь по поводу начала процесса «Хельсинки 2.0», а именно создания системы коллективной безопасности, отвечающей вызовам современности, к удивлению западного мира находят реализацию в деятельности ОДКБ.

Инициативы России по снижению присутствия и влияния НАТО у границ Союзного государства появились именно в этом контексте. Процесс нагнетания обстановки в Восточной Европе начался задолго до украинского кризиса 2014 г. Примерно в это время стали оформляться интеграционные договорённости между постсоветскими государствами. Принципы коллективной безопасности были «сломаны» на Всемирном саммите ООН в 2005 г., когда США и их союзники размыли понятие коллективной самообороны при помощи прав человека, на региональном уровне «корзины» хельсинского процесса были «демократизированы». Деятельность Совета Безопасности ООН также подверглась критике. Несмотря на то, что силовой компонент ответственности по защите, разработанной западными странами в 2005 г., отделен от гуманитарного, НАТО не остановилось от задействования силового компонента «ответственности по защите» в разрез с Уставом ООН. Это было сделано в ряде ближневосточных и африканских стран. Такие же сюжеты отрабатывались и до появления «ответственности по защите». Об этом свидетельствует разработка концепций предотвращения конфликтов и нарушений прав человека, а также разработка концепции «права на безопасную окружающую среду»².

В этой ситуации укрепление региональной системы коллективной безопасности в рамках ОДКБ закономерно. Если миротворческие операции осуществляются на добровольной основе всеми странами-членами ОДКБ, то в свете военного сотрудничества обеспечение коллективной безопасности ОДКБ осуществляется силами трех систем управления коалиционными (региональными) группировками войск в регионах коллективной безопасности: Центральноазиатского региона (формируется на основе двусторонних и региональных соглашений между Сторонами); Восточноевропейского региона (обеспечивается в рамках Союзного госу-

¹ Министерство иностранных дел РФ. Выступление Постоянного представителя РФ при отделении ООН и международных организациях в Женеве Г.М. Гатилова на пленарном заседании Конференции по разоружению, Женева, 31 марта 2022 года. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1807445/ (дата обращения: 31.02.2022)

² Обязательства в области прав человека, связанные с использованием безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей средой. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N18/231/06/PDF/N1823106.pdf?OpenElement> (дата обращения: 03.02.2022)

дарства Республики Беларусь и РФ); Кавказского региона (на основе двусторонних соглашений между Республикой Армения и РФ)¹.

Необходимо подчеркнуть значимость и своевременность отдельно созданного Восточноевропейского направления в рамках ОДКБ и Военной доктрины Союзного государства. Военная интеграция России и Беларуси определена НАТО как угроза (коммюнике от 14 июля 2021 г.)², а само Союзное государство не признается, что закреплено в «Акте о демократии, правах человека и суверенитете Беларуси» от 30 ноября 2020 г. Конгресс США намерен использовать санкционные механизмы и другие инструменты давления для предотвращения интеграции Беларуси и России в рамках Союзного государства³. Подобные действия были вполне ожидаемы и от Европарламента: осуждение интеграции России и Беларуси и возможность введения санкций закреплены резолюцией от 7 октября 2021 г.⁴

Выводы

Использование успешного опыта миротворческих операций и деятельности ОДКБ может стать постоянной практикой в регионе не только для урегулирования кризисных ситуаций, но и в превентивных целях. Для мониторинга социальной ситуации стоит подключить интеграционные структуры. Подобный баланс интересов конкретного государства и интеграционных объединений, установленный в ходе задействования миротворческого контингента, будет способствовать укреплению международного взаимодействия и свидетельствовать об эффективности системы коллективной безопасности региона. Это позволит противостоять попыткам посягательства на территориальную целостность и независимость каждого государства, производить обмен актуальными сведениями о ситуации в регионе ОДКБ. Деятельность ОДКБ следует усилить в направлении координации на уровне спецслужб, профилактики, обмена знаниями и опытом. Целесообразно предположить, что угрозы будут более изощренные, продуманные и подготовленные с учетом опыта неудавшихся попыток государственного переворота. Поэтому стоит стратегически проработать деятельность ОДКБ и обеспечить тесную координацию между спецслужбами стран ОДКБ для более оперативного реагирования на транснациональные угрозы, вести деятельность по обеспечению и противодействию информа-

¹ Соглашение о создании системы управления силами и средствами системы коллективной безопасности ОДКБ ратифицирован Федеральным законом РФ от 24 ноября 2008 года N 212-ФЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902279836> (дата обращения: 03.02.2022)

² NATO – News: Brussels Summit Communiqué issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 14 June 2021. (дата обращения: 14.06.2021)

³ Belarus Democracy, Human Rights, and Sovereignty Act of 2020. Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/8438> (дата обращения: 03.02.2022)

⁴ Европарламент принял резолюцию по Белоруссии с требованием новых санкций. РИА Новости URL: <https://ria.ru/20211007/sanktsii-1753557421.html> (дата обращения: 03.02.2022)

ционной угрозе, рассмотреть возможности по защите от хакерских атак, т.е. действовать не только на уровне военно-политического оборонного блока.

ОДКБ уже стала организацией, позицию которой учитывают ведущие центры силы мировой политики. В дальнейшем целесообразно ожидать расширения ОДКБ, в том числе в формате института наблюдателей, углубления военно-политического сотрудничества для противодействия экстремизму, терроризму и транснациональной организованной преступности, а также в вопросах разоружения. Перспективно расширять представительские полномочия ОДКБ в системе ООН с целью защиты принципов и норм Устава ООН, укреплять сотрудничество ОДКБ с региональными организациями африканских, арабских, латиноамериканских и азиатских государств.

На внутреннем направлении ОДКБ перспективно усилить координацию, в том числе через введение института координирующего государства. Наличие координирующего государства позволит перераспределять ведущую роль между членами ОДКБ, что может снизить количество обвинений в адрес России со стороны коллективного Запада о ее преобладающей роли в этой организации. Опыт по координации будет получен всеми государствами-членами, что фактически подчеркнет независимость и нейтральный статус ОДКБ.

Особая роль в ОДКБ отводится Союзному государству Беларуси и России. Это интеграционное объединение призвано не допустить силовые способы решения международных проблем, вмешательства извне по западной границе. ОДКБ – гарант региональной безопасности, территориальной целостности и суверенитета ее государств-участников. Поэтому необходимо укреплять потенциал Коллективных сил оперативного реагирования, наращивать совместные усилия по противодействию национал-радикалам, расчищающим путь вооруженным экстремистам. Необходимо продолжать внедрять единые стандарты в вооруженных силах, доводя их совместимость до наивысшего уровня, развивать логистическую инфраструктуру, поддерживать высокий уровень выучки и подготовки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Башаратьян М. (2012) Военно-политическая безопасность Центральной Азии и роль ОДКБ в ее обеспечении. *Мировая экономика и международные отношения*, № 12. С. 15–23. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2012-12-15-23>

Бордюжа Н. (2011) ОДКБ: 10 лет противодействия угрозам и вызовам. *Международная жизнь*. № 7. С. 39.

Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. (2002) Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений, НОФМО, Научно-образовательный форум по международным отношениям, Москва. 384 с.

Жеребцов М. В. (2004) Метод «Grounded theory» как метод качественного анализа данных. *Вестник Московского университета*. Серия 18. Социология и политология. № 1. С. 89–90.

Мальцев Л.С. (2011) ОДКБ – важнейший инструмент поддержания стабильности в странах бывшего СССР. URL: <https://odkb->

csto.org/news/smi/maltsev_odkb_vazhneyshiy_instrument_podderzhaniya_stabilnosti_v_stranakh_byvshogo_sssr/?bxajaxid=8066a39b55b77ed44ae3744616f340e8#loaded (дата обращения: 27.01.2022)

Панарина И. Н., Казанцева А. А. (2017) *Угроза международного терроризма и религиозного экстремизма государствам – членам ОДКБ на центральноазиатском и афганском направлениях*. Аналитическая ассоциация ОДКБ; Институт международных исследований МГИМО МИД России, Москва. 50 с.

Русакович А.В. (2021) Роль ОДКБ в укреплении региональной безопасности. *Евразия. Эксперт*. Выпуск 2. С. 54–56. URL: <https://journal.eurasia.expert/s271332140015841-2-1/> (дата обращения: 27.01.2022) DOI: 10.18254/S271332140015841-2

De Luca S.M. (1991) The Gulf Crisis and Collective Security under the United Nations Charter. *Pace Yearbook of International Law*. No. 1, pp. 267–307.

Franck T.M. (2006) Collective Security and the UN Reform: between the Necessary and Possible. *Chicago Journal of International Law*. No. 2, pp. 597–611.

Joensson J.H. (2010) *Understanding Collective Security in the 21st Century: a Critical Study of Un Peacekeeping in the Former Yugoslavia*. Florence. 279 p.

Neuhold H. (2000) Collective Security after «Operation Allied. Force». *Max Planck Yearbook of United Nations Law*, pp. 73–106.

Russett B., Sutterlin J.S. (1991) The U.N. in a New World Order. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1991-03-01/united-nations-in-a-new-world-order>. (accessed: 03.02.2022)

Thakur R. (2006) *The United Nations: Peace and Security: From Collective Security to Responsibility to Protect*. Cambridge: Cambridge University Press. 388 p.

Zacher M.W. (1979) *International Conflicts and Collective Security, 1946–1977: The United Nations, Organization of American States, Organization of African Unity, and Arab League*. NY: Prague Publishers. 297 p.

Strengthening the Regional System of Collective Security within the Framework of the CSTO

O.N. Leshenyuk*

Faculty of International Relations, Belarusian State University.

20/1108, Leningradskaya Street, Minsk, Republic of Belarus, 220004.

***E-mail:** *leshenyuk.oleg@gmail.com*

Abstract. The article explores the processes of strengthening the regional system of collective security within the framework of the Collective Security Treaty Organization (CSTO). The author describes the reasons for the transition from a universal system of collective security to a regional one, defines the fundamental principles of the CSTO, its role in resolving crisis situations on its territories. In the light of new challenges, it is increasingly difficult for universal security systems, including the UN, to provide consensus due to the divergent and conflicting na-

tional interests. Many international institutions lose their significance or require fundamental changes and innovative approaches. In the regional system of collective security, the management of collective security systems is ensured through peacekeeping operations and military cooperation — through the control systems of coalition groups of forces: Central Asian, East European and Caucasian. A special role in the CSTO is assigned to the Union State of Belarus and Russia. It is necessary to strengthen the potential of the Collective Rapid Reaction Forces to take joint efforts to counter national radicals who pave the way for armed extremists, to introduce unified standards in the armed forces, to ensure their compatibility, develop logistics infrastructure, maintain a high level of training.

Key words: CSTO, Union State, UN, regional system of collective security, multi-lateral cooperation, Republic of Kazakhstan.

DOI: 10.31857/S0201708322030111

EDN: GGPTNG

REFERENCES

- Basharat'jan M. (2012) Voenno-politicheskaja bezopasnost' Central'noj Azii i rol' ODKB v ee obespechenii [Military and political security in Central Asia and the Role of CSDO in its ensuring]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, No 12, pp. 15–23. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2012-12-15-23> (In Russian).
- Bordjuzha N. (2011) ODKB: 10 let protivodejstvija ugrozam i vyzovam [CSDO: 10 years of countering threats and challenges]. *Mezhdunarodnaja zhizn'*. No 7, p. 39. (In Russian).
- Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Hrustalev M.A. (2002) Oчерки теории i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnyh otnoshenij, [Essays on the theory and methodology of political analysis of International Relations.]. NOFMO, Nauchno-obrazovatel'skij forum po mezhdunarodnym otnoshenijam, Moscow. 384 p. (In Russian).
- De Luca S.M. (1991) The Gulf Crisis and Collective Security under the United Nations Charter. *Pace Yearbook of International Law*. No 1, pp. 267–307.
- Franck T.M. (2006) Collective Security and the UN Reform: between the Necessary and Possible. *Chicago Journal of International Law*. No 2, pp. 597–611.
- Joensson J.H. (2010) *Understanding Collective Security in the 21st Century: a Critical Study of Un Peacekeeping in the Former Yugoslavia*. Florence. 279 p.
- Mal'cev L.S. (2011) ODKB – vazhnejshij instrument podderzhanija stabil'nosti v stranah byvshego SSSR [CSTO is the most important instrument for maintaining stability in the countries of the former USSR]. URL: https://odkb-csto.org/news/smi/maltsev_odkb_vazhneyshiy_instrument_podderzhanija_stabilnosti_v_stranakh_byvshego_sssr/?bxajaxid=8066a39b55b77ed44ae3744616f340e8#loaded (accessed: 27.01.2022) (In Russian).
- Neuhold H. (2000) Collective Security after «Operation Allied. Force». *Max Planck Yearbook of United Nations Law*, pp. 73–106.

Panarina I. N., Kazanceva A. A. (2017) *Ugroza mezhdunarodnogo terrorizma i religioznogo jekstremizma gosudarstvam – chlenam ODKB na central'noaziatskom i afganskom napravlenijah* [The threat of international terrorism and religious extremism to the CSTO member states in the Central Asian and Afghan directions]. Analiticheskaja asociacija ODKB; Institut mezhdunarodnyh issledovanij MGIMO MID Rossii, Moscow. 50 p. (In Russian).

Rusakovich A.V. (2021) Rol' ODKB v ukreplenii regional'noj bezopasnosti [The role of the CSTO in strengthening regional security]. *Evracija. Jekspert*. Vol. 2, pp. 54–56. URL: <https://journal.eurasia.expert/s271332140015841-2-1/> (accessed: 27.01.2022) DOI: 10.18254/S271332140015841-2 (In Russian).

Russett B., Sutterlin J.S. (1991) The U.N. in a New World Order. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1991-03-01/united-nations-in-a-new-world-order>. (accessed: 03.02.2022)

Thakur R. (2006) *The United Nations: Peace and Security: From Collective Security to Responsibility to Protect*. Cambridge: Cambridge University Press. 388 p.

Zacher M.W. (1979) *International Conflicts and Collective Security, 1946–1977: The United Nations, Organization of American States, Organization of African Unity, and Arab League*. NY: Prague Publishers. 297 p.

Zherebtsov M.V. (2004) Metod «Grounded theory» kak metod kachestvennogo analiza dannyh [The "Grounded theory" method as a method of qualitative data analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija*. No 1, pp. 89–90. (In Russian).

УДК 316.74:2

ЦЕРКОВЬ, ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО НА УКРАИНЕ: ТРИ ГОДА ПОСЛЕ ТОМОСА

© 2022 МУДРОВ Сергей Александрович*

Кандидат социологических наук, доцент

Кафедра социальных коммуникаций, Полоцкий государственный университет.

Ул. Блохина, 29, Новополоцк, 211440, Республика Беларусь.

***E-mail:** s.mudrov@psu.by

Поступила в редакцию 11.01.2022

После доработки 24.01.2022

Принята к публикации 15.03.2022

Аннотация. Статья посвящена анализу последствий создания автокефальной Православной церкви Украины (ПЦУ), о признании которой объявлено в Томосе Вселенского (Константинопольского) патриарха 5 января 2019 г. Признание независимости и самоуправления ПЦУ, созданной путём слияния Киевского патриархата (КП) и Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ), не привело к решению проблемы разделённости украинского православия. По прошествии более трёх лет с момента издания Томоса, на Украине параллельно существуют две крупные юрисдикции – УПЦ МП (признанная во всём православном мире) и ПЦУ (признанная частично), а также небольшое число приходов Киевского патриархата. Продолжают сохраняться региональные диспропорции в количестве верующих УПЦ МП и ПЦУ, а также наблюдаются существенные региональные различия в отношении к Томосу об автокефалии (65% поддержки на западе страны по сравнению с 10,7% на востоке). Наиболее многочисленная юрисдикция (УПЦ МП) подвергается дискриминации, в том числе в связи с действием поправок, внесённых в «Закон о свободе совести и религиозных организациях», принятых в декабре 2018 – январе 2019 гг.

Ключевые слова: Украина, Православная Церковь, автокефалия, Московский патриархат, Константинопольский (Вселенский) патриархат.

DOI: 10.31857/S0201708322030123

EDN: GGUJGL

В январе 2022 г. исполнилось три года с того дня, как созданная на Объединительном соборе в декабре 2018 г. Православная церковь Украины (ПЦУ) получила официальное признание со стороны Вселенского (Константинопольского) патриархата. В Томосе, подписанном патриархом Варфоломеем 5 января 2019 г. и вручённом на следующий день, 6 января, в Стамбуле митрополиту Епифанию (Думенко), предстоятелю ПЦУ, было «определено и провозглашено», что вся Православная церковь, находящаяся в границах Украины, «отныне существует канонически автокефальной, независимой и самоуправляемой». Согласно этому документу, ПЦУ (или, по терминологии Томоса – СЦУ (Святейшая церковь Украины)) признаётся духовной дочерью Константинополя и её предстоятелю, митрополиту Киевскому, предписано для разрешения «значимых вопросов церковного, догматического и канонического характера» обращаться во Вселенский патриархат¹.

В процессе создания автокефальной Православной церкви Украины каждый из участников преследовал определённые цели, исходя из своих приоритетов и возможностей, с учётом интересов страны и общества (как их понимала на тот момент украинская власть), а также в контексте геополитической обстановки. Очевидно, что формирование этих целей происходило в русле политики «нация-государство», которая преобладает на Украине последние тридцать лет [Mudrov, 2019]. Эта политика подразумевает доминирование национального фактора с одновременным подавлением организаций и институций, которые не вписываются в «нацие-государственный» проект [Stepan et al., 2010; Tromble, 2014].

В данной статье проанализированы последствия и итоги (для Украины и мирового православия) создания украинской автокефальной Церкви. В этом контексте рассмотрены следующие вопросы. Во-первых, определены цели и задачи, которые были поставлены в начале процесса по созданию ПЦУ. Во-вторых, проанализированы методы, избранные для достижения поставленных целей. В-третьих, рассмотрены результаты на начало 2022 г. Информация для статьи была собрана из открытых источников (заявления, декларации, аналитические материалы, статистические сведения), а также из интервью, проведённых автором на Украине в 2021 г.

Автокефальный процесс: основные вехи

С момента обретения Украиной независимости в 1991 г. отношение её властей к созданию автокефальной Церкви было положительным, невзирая на идеологические расхождения в воззрениях глав государства, руководивших страной последние тридцать лет. Президенты благоволили идее «своей» церкви, центр управления которой находился бы исключительно в Киеве, а не за рубежом [Грива и Якса, 2020]. Первый президент Украины Леонид Кравчук активно поддержал митрополита Филарета (Денисенко), объявившего об отходе от Московского патриархата и созда-

¹ Томос. Повний текст українською (05.01.2019). URL: <https://www.ukrinform.ua/rubric-society/2614225-tomos-povnij-tekst-ukrainskou.html> (дата обращения: 03.01.2022)

нии независимой церковной структуры – Киевского патриархата (КП). К середине 1990-х гг. на Украине оформилось разделение православия с параллельным существованием трёх юрисдикций: Украинской православной церкви Московского патриархата (УПЦ МП), Украинской православной церкви Киевского патриархата (УПЦ КП) и Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ). Две последние не имели признания со стороны других православных церквей, а потому воспринимались в православном мире как раскольнические. Соответственно, не признавался священный сан «духовенства» КП и УАПЦ.

Невзирая на попытки Кравчука решить проблему признания раскольников и добиться канонической автокефалии для УПЦ КП, эти действия не увенчались успехом¹. В годы правления Леонида Кучмы (1994–2005) проводилась более сбалансированная политика по отношению к православным церквям, хотя существует мнение, что к концу второго срока Кучма также склонялся к идее «независимой церкви». Для Виктора Ющенко, пришедшего к власти на волне массовых протестов (Майдан-I, 2004 г.), было исключительно важно добиться автокефалии для Украинской церкви (и третий президент Украины приложил к этому немалые усилия). Переговоры, которые Ющенко вёл с патриархом Варфоломеем, имели результат: предстоятель Вселенского патриархата склонялся к решению принять УАПЦ и КП под свой омофор, учредив митрополию Константинополя на Украине. Однако противодействие Филарета Денисенко, для которого идея независимой церкви, без всякого управления извне, продолжала оставаться краеугольным камнем религиозного строительства, привела к провалу проекта Ющенко.

Украинское государство и общество должны были пройти через радикальное переформатирование Майдана-II (2014) и конфликт с Россией, чтобы запрос на автокефалию со стороны КП и УАПЦ был одобрен на высшем государственном уровне как президентом, так и парламентом [Metreveli, 2019]. Мировому православию пришлось, в свою очередь, пройти через кризис Критского собора 2016 г.², чтобы идея украинской автокефалии получила однозначное одобрение со стороны Вселенского патриархата, даже в условиях противодействия Москвы. При этом следует иметь в виду, что в Константинополе в целом придерживаются мнения, что именно у Вселенского патриархата есть эксклюзивное право даровать автокефалию поместным православным церквям, когда в этом возникает необходимость [Buciora, 2020]. Наконец избрание в июне 2014 г. на должность президента Украины Петра Порошенко, равнодушного к религиозным вопросам³, стало катализирующим фактором. Порошенко принимал непосредственное участие в процессе

¹ В 1993 г. переговоры на эту тему с патриархом Варфоломеем вёл вице-премьер правительства Украины Н. Жулинский (см. <https://spzh.news/ru/istorija-i-kulytrua/53699-ot-kravchuka-do-poroshenko-pervomu-projektu-jepc-uzhe-25-let>).

² Собор созывался Константинополем с претензией на статус «всеправославного», однако отказ от участия со стороны РПЦ (за несколько недель до открытия Собора), а также Антиохийской, Грузинской и Болгарской Церквей лишил его этого статуса.

³ Порошенко был прихожанином церкви Московского патриархата, даже прислуживал во время богослужений (в качестве пономаря).

объединения православных церквей и получения Томоса об автокефалии [Sysyn, 2020].

В постмайданный период можно отметить три основных документа, в которых украинская власть выражала свою консолидированную поддержку автокефалии (делая основной акцент на вопросах политико-идеологического характера). В июне 2016 г. Верховная рада приняла обращение к патриарху Варфоломею, в котором говорилось об «особых обстоятельствах», вызванных «вооружённой агрессией со стороны Российской Федерации». Идеологизированный характер обращения отобразился, в частности, в заявлениях о том, что Московский патриархат «слишком тесно» связан с политическим режимом России, а потому украинское общество воспринимает МП более как «министерство идеологии» РФ, нежели как Церковь. Парламентарии заявили, что доверие к Московскому патриархату на Украине находится на минимальном уровне¹, а усилия МП урегулировать украинский церковный кризис «абсолютно бесперспективны» (тем более, что многие граждане Украины воспринимают Московский патриархат как «морального соучастника российской агрессии»). Судя по тексту обращения, Верховная рада стремилась доказать Константинополю, что в условиях конфликта на юго-востоке Украины роль и значение УПЦ МП будут сведены к минимуму в силу негативного отношения к этой Церкви со стороны большинства украинских граждан.

Парламентарии также высказали суждение, что церковный раскол может быть преодолен с помощью «автокефального статуса». При этом, по мнению Рады, по всем критериям, «Православная церковь в Украине готова... получить статус местной автокефальной церкви». Используя такие формулировки в официальных документах, парламент парадоксально взял на себя функцию определения готовности Церкви получить конкретный и исключительно важный церковный документ (невзирая на то, что подобное суждение неуместно для светского органа власти). В контексте своих позиций Верховная рада разработала конкретные рекомендации Стамбулу, попросив Вселенского патриарха: (1) отменить решение, принятое в 1686 г. о передаче Киевской митрополии Московскому патриархату; (2) созвать «Всеукраинский объединительный собор для решения всех спорных вопросов и для объединения украинского Православия»; и (3) выдать Томос об автокефалии Православной церкви в Украине². Постановление парламента поддержали 245 депутатов, против проголосовали 20 человек. Единение депутатов почти всех фракций в

¹ Согласно данным Центра Разумкова, в 2010 г. патриарху Кириллу доверяли 44,4% опрошенных, но к 2018 г. уровень доверия снизился до 15,3%. Уровень доверия митрополиту Киевскому Онуфрию, предстоятелю УПЦ МП, был гораздо более высоким – 31,6% (при этом процент тех, кто «не доверяет», составил 25,7%). У предстоятеля УПЦ МП даже в постмайданные годы никогда не было отрицательного рейтинга доверия.

² Верховна Рада України (2016) Про Звернення Верховної Ради України до Його Всесвятості Варфоломія, Архієпископа Константинополя і Нового Риму, Вселенського Патріарха щодо надання автокефалії Православній Церкві в Україні. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/1422-19#Text> (дата обращения: 03.01.2022)

церковном вопросе было очевидным и бесспорным, как и основные идеологемы, озвученные в документе законодательной власти.

Вторым документом стало обращение в апреле 2018 г. президента Порошенко к патриарху Варфоломею. Выступая в качестве главы государства, который «представляет своих граждан, в том числе принадлежащих к православной общине», Порошенко назвал Варфоломея «единственным человеком в мире», который имеет право и полномочия «решать такие [религиозные] вопросы». Аргументация президента с просьбой об издании Томоса об автокефалии была сосредоточена на свободе, правах и суверенитете людей, с предположением, что документ Константинополя «ещё больше укрепит религиозную свободу и межконфессиональный мир в Украине, а также улучшит права и свободы [её] граждан». Кроме этого, Порошенко заверил патриарха, что Томос завершит консолидацию суверенитета и независимости «в духовном измерении»¹.

В контексте второго документа был издан третий – постановление парламента о поддержке обращения президента (принятое большинством голосов: 268 против 36). Депутаты, как и в 2016 г., подвергли резкой критике Московский патриархат, указав на его «политическую роль», которая, по их мнению, «всё чаще носит характер пропаганды аннексии Крыма и поддержки вооруженного вторжения России на востоке нашего государства»². Парламентарии также указали на растущую поддержку автокефалии в народе, сославшись на социологический опрос³. В целом резолюция носила характер политического вторжения в церковные дела, поскольку парламентарии говорили о необходимости ускорить «изменение статуса Украинской православной церкви и установить её независимость от государства-агрессора»⁴.

¹ Зверення Президента України до Вселенського Патріарха Варфоломія про надання Томосу про автокефалію Православної Церкви в Україні (2018). URL: <http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc34?id=&pf3511=63879&pf35401=453073> (дата обращения: 03.01.2022)

² В реальности, как отмечал Р. Лункин, «Руководство РПЦ заняло особую позицию по поводу Крыма и гражданской войны на Донбассе <...> Официально РПЦ не поддержала присоединение Крыма... и епархия в Крыму осталась Симферопольской епархией УПЦ <...> РПЦ не сотрудничает официально с руководством непризнанных Луганской и Донецкой Республик... В рамках антитеррористической операции властей Украины военнослужащих окормляет духовенство УПЦ» (Лункин, 2021).

³ Действительно, по данным социологической службы «Рейтинг», на 10% выросла доля тех, кто «всецело позитивно» относился к автокефалии (с 21% в мае 2017 г. до 31% в мае 2018 г.). В то же время наблюдалась растущая поляризация: количество «всецело негативных» оценок увеличилось почти вдвое – с 9 до 17%.

⁴ Верховна Рада України. Проект Постанови про підтримку звернення Президента України до Вселенського Патріарха Варфоломія про надання Томосу про автокефалію Православної Церкви в Україні. 2018. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=63879 (дата обращения: 03.01.2022)

Таким образом, украинская власть обозначила, что получение автокефалии было необходимо для минимизации влияния Московского патриархата на Украине. Кроме этого, автокефалия представлялась единственным действенным способом для преодоления церковного раскола. Устремления власти совпали с интересами руководства КП, в особенности Филарета Денисенко. Предстоятель Киевского патриархата в своей риторике неоднократно обращался к интересам государства, ради спасения которого нужны «не только сильная армия», но и «Церковь для духовного основания» (что невозможно без единства православия, а для этого требуется Томос). Выражая своё негативное отношение к УПЦ МП, Филарет предложил переименовать её в «Русскую православную церковь в Украине», запретив УПЦ использовать в названии слово «украинский». Кроме этого, Денисенко заявил, что Лавры в Киеве и Почаеве должны принадлежать [новой] Украинской Церкви, подчеркнув, что «иначе и быть не может», даже если монахи, живущие в этих Лаврах, имеют другое мнение¹.

Процесс создания автокефальной церкви

Поскольку сторонники «единой поместной церкви» заняли конфронтационную позицию, стремясь к дискредитации УПЦ МП, процесс создания автокефальной церкви на Украине оказался в немалой степени конфликтным [Mudrov, 2019a]. Принципиальная позиция УПЦ с неприятием вторжения власти (и внешних сил в лице Константинополя) в церковные дела привела к росту критики и угроз в её адрес. В целом Церковь стала объектом беспрецедентных кампаний запугивания вскоре после прихода к власти в 2014 г. сторонников Евромайдана [Мудров, 2020]. Украинские СМИ никогда не сочувствовали УПЦ, но степень этой антипатии колебалась. Так, достаточно сильный негативизм в отношении Украинской православной церкви проявлялся в начале 1990-х гг., когда неканонические церкви и грекокатолики активно формировали свои новые структуры на Украине. Сравнивая нынешнюю ситуацию с ранее происходившими событиями, управляющий делами УПЦ митрополит Антоний (Паканич) отмечал, что «в 90-е гг. было нечто подобное: церкви захватывали, священников выгоняли, верующие подвергались гонениям». Но было и отличие: даже в 90-е гг., когда начались уже постсоветские испытания для УПЦ, «не было такого количества лжи против Церкви, которое мы наблюдаем сейчас»². Идеологически мотивированное противопоставление УПЦ украинскому государству и обществу служило оправданием для более радикальных действий, включая насилие.

¹ Кошкина С. Патріарх Філарет: «Томос буде надано вже цього року» (2018). URL: https://lb.ua/news/2018/07/21/403360_patriarh_filaret_tomos_bude_nadano.html (дата обращения: 03.01.2022)

² Митрополит Антоний: агрессия сегодня действительно происходит. И её очень много. В нас с вами. URL: <https://pravlife.org/ru/content/mitropolit-antoniy-agressiya-segodnya-deystvitelno-proishodit-i-ee-ochen-mnogo-v-nas-s-vami> (дата обращения: 03.01.2022)

Апогей давления на УПЦ МП пришёлся на конец 2018 и 2019 гг. – то есть время проведения Объединительного собора (декабрь 2018 г.) и формирования структур ПЦУ по всей Украине. Невзирая на прогнозы о том, что в Объединительном соборе примет участие 15–20 архиереев УПЦ, в реальности в церковь св. Софии в Киеве (где проходил этот собор) прибыли только два архиерея МП, из них один – викарный (никогда самостоятельно не управлявший епархией). Власть, разочарованная нежеланием УПЦ включаться в объединительный процесс, инициировала ряд жёстких мер, направленных против Церкви. Так, были приняты поправки в «Закон о свободе совести и религиозных организациях», которые обязывали УПЦ МП в своём названии указать принадлежность «государству-агрессору» (авторы поправок подразумевали, что УПЦ будет переименована, как и говорил об этом Филарет Денисенко, в «РПЦ в Украине»). Для Церкви, большую часть прихожан которой составляют этнические украинцы, подобное переименование равнозначно отказу от своей идентичности. Закон № 2662-VIII от 20.12.2018 был оспорен в Конституционном суде (решение пока не принято)¹, а приказ Министерства культуры о религиозно-экспертной оценке (в рамках «закона о переименовании») – в Киевском окружном административном суде и в судах последующей инстанции (Верховный суд принял в целом решение в пользу УПЦ)². Однако в связи с тем, что Закон 2662-VIII формально не отменён («поставлено на паузу» только решение Минкульта, обязывающее ряд религиозных организаций внести изменения в свои названия), УПЦ лишена возможности совершать юридически значимые действия (например, регистрировать новые приходы или вносить изменения в уставы действующих приходов). По мнению митрополита Климента (Вечери), «закон о переименовании» принимался для последующей ликвидации Церкви (УПЦ)³.

Помимо принятия дискриминационных законов, администрация Порошенко предприняла значительные усилия, чтобы «перевести» максимальное число приходов УПЦ в ПЦУ. В конце 2018 – начале 2019 г. по Украине прокатилась волна захватов храмов УПЦ, которые власть и многие СМИ называли «добровольными переходами». На сайте Религиозно-информационной службы Украины (РИСУ – униатский проект) регулярно обновлялась интерактивная карта этих «переходов». «Добровольные переходы» прекратились после поражения на выборах П. Порошенко и избрания В. Зеленского президентом Украины в апреле 2019 г. (см. табл. 1).

¹ Анонс. Конституційний Суд України розпочне розгляд справи щодо конституційності змін до Закону України «Про свободу совісті та релігійні організації». URL: <https://ccu.gov.ua/novyna/anons-konstytuciynyy-sud-ukrayiny-rozpochne-rozglyad-spravy-shchodo-konstytuciynosti-zmin-do> (дата обращения: 03.01.2022)

² Переименовання УПЦ (МП). Чому закон України досі не запрацював? (30.03.2021). URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/tserkva-moskovskoho-patriarkhatu-pereyrenuvannya/31175863.html> (дата обращения: 03.01.2022)

³ Авторское интервью с митрополитом Климентом (Вечерей). Киев, 10.05.2021. Полная версия интервью: <https://pravoslavie.ru/142023.html>

Таблица 1

Переходы из УПЦ МП в ПЦУ

Дата	Число переходов
Вторая половина декабря 2018 г.	35
Январь 2019 г.	153
Февраль 2019 г.	236
Март 2019 г.	95
Апрель-декабрь 2019 г.	33
2020 г.	5
2021 г.	11

По утверждению секретаря Тернопольской епархии УПЦ протоиерея Стефана Балана, «после образования ПЦУ сложилась ситуация беззакония, возобновились активные попытки отобрать наши приходы. И жаловаться нам было некуда. При Порошенко из Киева шли прямые указания: перерегистрировать, отбирать у УПЦ имущество». Как было отмечено отцом Стефаном, УПЦ, действительно, теряла храмы, однако число приходов не уменьшилось, так как в подавляющем большинстве случаев священники и прихожане никуда не переходили. «Конечно, в сёлах люди настроены по-разному и нередко на собрании села (где были не только наши прихожане, но и нецерковные и даже неправославные люди) голосовали за переход в ПЦУ. Власть охотно шла навстречу, проводила процесс перерегистрации, отбирала помещения»¹.

Согласно отчёту Комиссара по правам человека ООН, «в ряде случаев переходы (из УПЦ в ПЦУ) не были добровольными и были инициированы республиканскими или местными властями, или даже представителями праворадикальных групп». Сотрудники офиса Комиссара по правам человека зафиксировали случаи, «которые могут восприниматься как угрозы по отношению к представителям УПЦ МП», включая инициирование (со стороны Службы безопасности Украины) уголовного преследования и обысков в помещениях УПЦ и местах проживания священнослужителей»².

После избрания В. Зеленского президентом Украины обстановка стала в целом более спокойной. Однако в регионах многое зависит от позиции местных властей, поэтому, невзирая на смену президентов, в ряде областей Украины (особенно на западе страны) дискриминация УПЦ не прекратилась. К примеру, в Тернополе пра-

¹ Авторское интервью с прот. Стефаном Баланом. Тернополь, 15.05.2021. Полная версия интервью: <https://pravoslavie.ru/142616.html>

² Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (2019) Report on the human rights situation in Ukraine. 16 November 2018 to 15 February 2019. URL: <https://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/ReportUkraine16Nov2018-15Feb2019.pdf> (дата обращения: 03.01.2022)

вославные МП много лет не могут добиться получения участка для строительства второго храма, и на весь город с населением более 220 тыс. чел. действует только один храм УПЦ МП (на фоне около 50 храмов ПЦУ и Греко-католической церкви). Кроме этого, как отмечали собеседники автора на Украине, в 2021 г. ситуация стала меняться в тревожную для УПЦ сторону. Например, возобновился процесс захвата храмов. По словам архиепископа Иова (Смакоуза), «сейчас непонятное время тревожного ожидания. Националисты видят, что президент не относится к ним по букве закона»¹. Вместе с тем следует отметить, что были и положительные моменты, среди которых – непринятие дискриминационной для УПЦ поправки в «Закон о службе военного капелланства»². Однако вопрос доступа священников УПЦ в Вооружённые силы Украины остаётся открытым: в настоящее время УПЦ представлена в ВСУ всего одним капелланом.

Результаты: глобальные и местные

По прошествии более трёх лет с момента выдачи Томоса об автокефалии можно говорить о результатах как в локальном, так и глобальном измерении. Соотнося эти результаты с изначальными целями проекта по созданию ПЦУ, можно отметить появление (вместо заявляемого примирения) новых сложностей и конфликтов.

Во-первых, издание Томоса об автокефалии не достигло своей главной цели: преодоления разделённости украинского православия. На Украине сейчас существуют две крупные параллельные юрисдикции: одна из них (УПЦ МП) признана всем православным миром, вторая (ПЦУ) признана Константинополем и ещё тремя поместными церквями из 15 – Элладской и Кипрской церквями и Александрийским патриархатом. Третья «юрисдикция» никем не признана (как и до января 2019 г.), но она тоже существует – в явном меньшинстве, но с тенденцией к росту. Речь идёт о Киевском патриархате во главе с Филаретом Денисенко: «патриарх Киевский», восстановленный в своём архиерействе Константинополем в 2018 г., откололся от ПЦУ в июне 2019 г., заявив о продолжении деятельности КП и вернувшись к практике рукоположения епископов и священников в рамках «Киевского патриархата». При этом конфликтные ситуации на Украине возникают не только между представителями ПЦУ и УПЦ, но и между представителями ПЦУ и КП, вплоть до силовых действий и попыток захвата храмов.

Во-вторых, украинская власть, поддержав автокефальный проект, продолжила политику притеснения УПЦ, стремясь к минимизации её влияния и приветствуя «переходы» из УПЦ в ПЦУ. Результатом этой политики стала дальнейшая разобщённость украинского общества. Вопреки прогнозам, только два архиерея (из 97) и

¹ Авторское интервью с архиепископом Иовом (Смакоузом). Почаев, 15.05.2021. Полная версия интервью: <https://pravoslavie.ru/142228.html>

² Священникам УПЦ разрешили пастырскую опеку военнослужащих – комментарий юротдела (30.11.2021). URL: <https://life.znaj.ua/ru/409847-svyashchennikam-upc-dozvolili-pastirsku-opiku-viyskovosluzhbovciv-komentar-yurviddil> (дата обращения: 03.01.2022)

несколько десятков священников (из более 12 тысяч) перешли из УПЦ в ПЦУ. Не взирая на давление и угрозы, УПЦ демонстрирует тенденции к росту (см. табл. 2).

Таблица 2

Религиозная статистика Украины – православные¹

Январь 2018 года	Количество приходов	Количество священно-служителей	Количество монастырей/монашествующих
УПЦ	12069	12283	251/4412
КП	5167	3640	62/216
УАПЦ	1167	693	12/15
Январь 2021 года			
УПЦ	12374	12456	255/4548
ПЦУ	6981	4572	79/233

Таким образом, УПЦ, несмотря на попытки представить её в качестве «Церкви страны-агрессора», сохраняет значимое присутствие на украинском религиозном поле, объединяя две трети всех православных общин страны. Стремление украинских властей слепить из УПЦ образ врага² действительно привело к некоторому снижению общеукраинского доверия к этой Церкви, однако практически не повлияло на поведение воцерковлённых православных, для которых бесспорная каноничность и неполитизированность УПЦ являются приоритетными факторами при выборе юрисдикции. Речь идёт о вполне сознательном, порой выстраданном выборе, особенно если учитывать те проблемы, которые могут возникать для верующих МП в отдельных регионах Украины³. Как подчёркивал архиепископ Н.К. из Киева, прихожане УПЦ хорошо понимают свою юрисдикционную принадлежность, так как «прекрасно слышат, что мы поминаем на службах патриарха Кирилла»⁴. Митрополит Климент (Вечеря) отмечал, что его прихожане «знают, к какой Церкви я отношусь, кто у меня патриарх, кто у меня митрополит Киевский. И они уже давным-давно определились с этим»⁵.

В-третьих, одностороннее вмешательство Константинополя в украинские церковные дела, мотивированное скорее политически, нежели религиозно, привело к росту напряжённости в межправославных отношениях. Так, РПЦ разорвала евхари-

¹ Сведения Государственной службы Украины по этнополитике и свободе совести и Управляющего делами УПЦ.

² В контексте предложенной С. Крофтом концепции «радикального иного» (Croft 2012).

³ Как отмечал протоиерей Стефан Балан, «если на работе узнают, что ходишь к нам, то проблем не оберёшься. На Тернопольщине можно ходить куда угодно, даже к сектантам, но если в Церковь Московского патриархата – то нет, нельзя».

⁴ Авторское интервью с архиепископом Н.К. [имя изменено]. Киев, 27.04.2021.

⁵ Авторское интервью с митрополитом Климентом (Вечерей). Киев, 10.05.2021.

стическое общение с церквями, признавшими ПЦУ. В некоторых Церквях (например, в Кипрской) намечались разделения, связанные с тем, что ряд иерархов выразили несогласие с признанием ПЦУ. В Александрийском патриархате признание ПЦУ привело к росту непонимания между иерархами-греками и священниками-африканцами. Многие священники решили в этой связи перейти в Московский патриархат – в декабре 2021 г. Синод РПЦ принял в юрисдикцию Русской Церкви 102 клирика из Александрийского патриархата и образовал Патриарший экзархат Африки¹. Отдельные поместные Церкви (например, Сербская и Польская) заявили, что признание раскольников в том виде, как это произошло в 2018–2019 гг., не является приемлемым. Таким образом, в мировом православии намечился раскол по украинскому церковному вопросу без реалистичных перспектив его преодоления [Bordeianu, 2020].

В украинском обществе сохраняется региональная и юрисдикционная разобщённость. Опросы дают противоречивые сведения, не позволяющие сделать однозначные выводы о числе приверженцев определённой юрисдикции. Согласно данным Киевского международного института социологии (на июнь 2020 г.), среди православных верующих к ПЦУ себя относят 48%, а к УПЦ – 21,5%². Опрос *Active Group* (апрель 2021 г.) даёт иные цифры: 35% – ПЦУ, 27,4% – УПЦ и, как ни парадоксально, 17,1% – КП³. По результатам исследований Центра Разумкова, в августе 2020 г. 43,3% опрошенных не отнесли себя ни к одной из юрисдикций, заявив, что они «просто православные». В качестве верующих ПЦУ себя идентифицировали 29,8%, УПЦ – 21,7%, а КП – 3,7% респондентов. Число верующих МП возрастает на востоке страны (29,1%), а ПЦУ – на западе (52,7%) и в центре (33,7%). Очень существенны региональные различия в поддержке Томоса об автокефалии: от 65% на западе страны до 10,7% на востоке. При этом наиболее высокая поддержка Томоса (76,6%) отмечена среди верующих Греко-католической Церкви – даже выше, чем среди верующих ПЦУ (62,2%) – Церкви, о признании которой было объявлено в документе Константинополя. Эти цифры свидетельствуют не только о существенных региональных отличиях в отношении к автокефалии, но и отражают политико-идеологическое значение Томоса. Именно среди униатов (наиболее активно поддерживающих Томос) регистрируется самый высокий процент тех, кто считает, что религия должна быть «национально ориентированной» (66,3% по сравнению с 48% среди верующих ПЦУ и 25,5% среди верующих УПЦ)⁴.

¹ Журналы Священного Синода от 29 декабря 2021 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5877047.html> (дата обращения: 03.01.2022)

² Релігійна самоідентифікація населення і ставлення до основних церков України: червень 2021 року. URL: <https://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=1052&page=1> (дата обращения: 03.01.2022)

³ Более трети украинцев являются прихожанами ПЦУ, тогда как к Онуфрию ходят менее 30% (19.05.2021). URL: https://24tv.ua/ru/kakuju-cerkov-hodjat-ukrainskie-verujushhie-socopros_n1631106 (дата обращения: 03.01.2022)

⁴ Особливості релігійного і церковно-релігійного самовизначення громадян України: тенденції 2000–2020 pp. URL: https://razumkov.org.ua/uploads/article/2020_religiya.pdf (дата обращения: 03.01.2022)

Спустя три года после издания Константинополем Томоса об автокефалии религиозная ситуация на Украине не претерпела изменений к лучшему. Продолжаются попытки дискриминации и информационного давления на УПЦ. По мнению протоиерея Василия Русинки, представителя УПЦ при Верховной Раде, «президент Зеленский не выполняет свои предвыборные обещания по отношению к Церкви»¹. Есть все основания утверждать, что решение Константинополя о признании объединения КП и УАПЦ в качестве автокефальной Церкви Украины законсервировало ситуацию разделений и конфликтов, выведя при этом проблему на более глобальный уровень, с противостоянием РПЦ и Вселенского патриархата (а также их сторонников в разных странах мира). С учётом принципиальных позиций обеих сторон² прекращение противостояния и разделений представляется в настоящее время практически невозможным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Грива О., Н. Якса (2020) Борьба Украины за автокефальную церковь в контексте политизации религии. *Проблемы постсоветского пространства*. № 7(2). С. 250–258.

Лункин, Р. (2018) Политическая ситуация на Украине в свете церковного раскола. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*, № 6. С. 196–202. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran62018196202>

Лункин, Р. (2020) Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество. Изд-во «Нестор-История», Москва. 504 с.

Мудров, С. (2020) Православные церкви в Украине до и после Евромайдановской революции. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*, № 2. С. 133–141.

Bordeianu, R. (2020) The autocephaly of the Orthodox Church of Ukraine: its impact outside of Ukraine. *Canadian Slavonic Papers*. No 62(3-4), pp. 452–462.

Buciora, J. (2020) The Patriarchate of Constantinople: the Mother Church of the modern Orthodox autocephalous churches. *Canadian Slavonic Papers*. No 62(3-4), pp. 477–487.

Croft, S. (2012) *Securitizing Islam: Identity and the Search for Security*. Cambridge University Press, Cambridge, 278 p.

Metreveli, T. (2019) The Making of Orthodox Church of Ukraine: Damocles Sword or Light at the End of the Tunnel? *Religion & Society in East and West*. URL: <https://www.alexandria.unisg.ch/258588/> (дата обращения: 03.01.2022)

Mudrov, S. (2019) The Confrontation, Intimidation and New Divisions? A Controversial Path to the Creation of the Autocephalous Orthodox Church in Ukraine. *Journal for the Study of Religions and Ideologies*. No 18(54), pp. 62–78.

¹ Авторское интервью с прот. Василием Русинкой. Киев, 27.04.2021. Полная версия интервью: <https://pravoslavie.ru/139543.html>

² Как писал Р.Н. Лункин, «В ближайшем будущем разрыв с Константинополем, скорее всего, сохранится, никто не пойдёт на уступки – ни патриарх Варфоломей, ни патриарх Кирилл. Да и уступки для каждого из лидеров уже означают потерю Украины, чего ни тот, ни другой допустить не могут» (Лункин, 2018).

Mudrov, S. (2019a) The autocephaly of the Ukrainian Orthodox Church: a new dividing line for Ukraine? *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*. No 27(2-3), pp. 271–277.

Stepan, A., J.J. Linz, and Y. Yadav (2010) The Rise of "State-Nations". *Journal of Democracy*. No 21(3), pp. 50–68.

Sysyn, F. (2020) Ukrainian autocephaly: the ramifications of Constantinople's tomos. *Canadian Slavonic Papers*. No 62(3-4), pp. 516–521.

Tromble, R. (2014) Securitising Islam, securitising ethnicity: the discourse of Uzbek radicalism in Kyrgyzstan. *East European Politics*. No 30(4), pp. 526–547.

Church, State and Society in Ukraine: Three Years after the Tomos

S.A. Mudrov*

*Candidate of Science (Sociology), Associate Professor
Department of Social Communications, Polotsk State University,
ul. Blokhina, 29, Novopolotsk, 211440, Republic of Belarus.*

***E-mail:** s.mudrov@psu.by

Abstract. The article contains an analysis of the consequences of the establishment of the autocephalous Orthodox Church of Ukraine (OCU), the recognition of which was announced in the Tomos of the Ecumenical (Constantinople) Patriarch on January 5, 2019. After violent events in Ukraine in 2014, there was a consolidation of the ruling elites in support of the autocephalous movement. However, the recognition of the independence and self-governance of the OCU, created as a result of the merger of the Kiev Patriarchate (KP) and the Ukrainian Autocephalous Orthodox Church (UAOC), did not solve the problem of divisions in the Ukrainian Orthodoxy. In more than three years after the issuing of the Tomos, there are still two large parallel jurisdictions in Ukraine – the UOC MP (recognized throughout the Orthodox world) and the OCU (partially recognized), as well as a small number of parishes within the Kiev Patriarchate. The regional disparities in the number of believers in the UOC MP and OCU still exist, as well as significant regional differences in attitudes towards the Tomos of autocephaly (65% of support in the west of the country compared to 10,7% in the east). The most numerous jurisdiction (UOC MP) has been discriminated, including in connection with the amendments to the Law on Freedom of Conscience and Religious Organizations, adopted in December 2018 – January 2019.

Key words: Ukraine, Orthodox Church, autocephaly, Moscow Patriarchate, Constantinople (Ecumenical) Patriarchate.

DOI: 10.31857/S0201708322030123

EDN: GGUJGL

REFERENCES

- Bordeianu, R. (2020) The autocephaly of the Orthodox Church of Ukraine: its impact outside of Ukraine. *Canadian Slavonic Papers*. No 62(3-4), pp. 452–462.
- Buciora, J. (2020) The Patriarchate of Constantinople: the Mother Church of the modern Orthodox autocephalous churches. *Canadian Slavonic Papers*. No 62(3-4), pp. 477–487.
- Croft, S. (2012) *Securitizing Islam: Identity and the Search for Security*. Cambridge University Press, Cambridge, 278 p.
- Griva O. and N. Yaksa (2020) Bor'ba Ukrainy za avtokefal'nyu tserkov' v kontekste politizatsii religii [The struggle of Ukraine for the autocephalous Church in the context of the politicization of religion]. *Problemy postsovetskogo prostranstva*. No 7(2), pp. 250–258. (in Russian).
- Lunkin, R. (2018) Politicheskaya situatsiya na Ukraine v svete tserkovnogo raskola [The political situation in Ukraine in the light of the church schism]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IYe RAN*, No 6, pp. 196–202. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran62018196202> (in Russian).
- Lunkin, R. (2020) Tserkvi v politike i politika v tserkvyakh. Kak sovremennoye khrisťianstvo menyayet yevropeyskoye obshchestvo [Churches in Politics and Politics in Churches. How contemporary Christianity changes European society]. Izd-vo “Nestor-Istoriya”, Moscow. 504 p. (in Russian).
- Metreveli, T. (2019) The Making of Orthodox Church of Ukraine: Damocles Sword or Light at the End of the Tunnel? Religion & Society in East and West. URL: <https://www.alexandria.unisg.ch/258588/> (accessed: 03.01.2022)
- Mudrov, S. (2019) The Confrontation, Intimidation and New Divisions? A Controversial Path to the Creation of the Autocephalous Orthodox Church in Ukraine. *Journal for the Study of Religions and Ideologies*. No 18(54), pp. 62–78.
- Mudrov, S. (2019a) The autocephaly of the Ukrainian Orthodox Church: a new dividing line for Ukraine? *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*. No 27(2-3), pp. 271–277.
- Mudrov, S. (2020) Pravoslavnyye tserkvi v Ukraine do i posle Yevromaydanovskoy revolyutsii [Orthodox Churches in Ukraine before and after the Euromaidan Revolution]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya*. No 2, pp. 133–141. (in Russian).
- Stepan, A., J.J. Linz, and Y. Yadav (2010) The Rise of “State-Nations”. *Journal of Democracy*. No 21(3), pp. 50–68.
- Sysyn, F. (2020) Ukrainian autocephaly: the ramifications of Constantinople’s tomos. *Canadian Slavonic Papers*. No 62(3-4), pp. 516–521.
- Tromble, R. (2014) Securitising Islam, securitising ethnicity: the discourse of Uzbek radicalism in Kyrgyzstan. *East European Politics*. No 30(4), pp. 526–547.

УДК 322.261.7

МАРИЯ 2.0. ФЕМИНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ГЕРМАНИИ: НОВЫЙ ВЫЗОВ?

© 2022 ШИМАНСКАЯ Ольга Константиновна*

Кандидат философских наук

Отдел социальных и политических исследований

Центр по изучению проблем религии и общества

Институт Европы РАН, 125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.

**E-mail: shimansk@mail.ru*

Поступила в редакцию 18.12.2021

После доработки 22.02.2022

Принята к публикации 15.03.2022

Аннотация. Статья посвящена современному состоянию Католической церкви Германии, её взаимодействию с обществом и вопросам гендерного равенства в католицизме через анализ деятельности радикального феминистского движения Мария 2.0. Установлено, что активистки в Церкви создают богословские концепции, объясняющие возможность женского священства. Их задача – осовременить каноническое право Церкви в связи с открытыми фактами сексуального насилия некоторых клириков в отношении женщин и детей в прошлом. Папа Франциск проявляет гибкость в отношении проблем гендерного равенства и женского вопроса, называя всех крещённых или принявших крещение детьми Божиими, как бы они себя не позиционировали в вопросах пола. В последних документах он расширил полномочия женщин в Церкви, допустив их до выполнения обязанностей чтецов и аколитов. Однако понтифик настаивает на принципе взаимодополнительности в Церкви мужчин и женщин, объясняя невозможность женского священства. Католическая церковь Германии, теряя прихожан, инициировала в 2019–2022 гг. дискуссионную площадку для клириков и мирян «Синодальный путь» для обсуждения возникших проблем. В этих условиях заявило о себе радикальное феминистское движение Мария 2.0, требующее женского священства и ультралиберального решения вопросов гендерного равноправия в Церкви, характерного для западного общества сегодня.

Ключевые слова: Католическая церковь, Германия, общество, католический феминизм, гендер, Мария 2.0, священство, христианство.

DOI: 10.31857/S0201708322030135

EDN: GGVIEL

Исторически Германия – христианская страна, культура которой утверждалась с раннего средневековья, пройдя в Новое время через горнило ожесточённых дискуссий и столкновений сторонников католицизма и протестантизма. В Новейшее время Германия, как и вся Европа, прошла через секуляризацию массового сознания граждан и уход религии из публичной сферы. Для современной кооперационной модели ФРГ, по мнению исследователя Е.М. Мирошниковой, «характерно стремление найти баланс между индифферентностью и идентификацией» [Мирошникова, 2007: 27] в отношении к мировоззренческим религиозным или светским установкам личности и сообществ людей. Необходимость баланса очевидна, учитывая разнообразный и изменчивый мировоззренческий выбор граждан.

Согласно официальным католическим источникам, в 2020 г. в Германии было свыше 22,1 тыс. католиков, что составляет 26,7% от численности населения страны в 83 млн человек¹. Эта значительная часть граждан влияет на политический процесс, выборы и политический курс в различных землях Германии и в целом по стране. Среди немецких католических прихожан активными верующими выступают женщины, которые с начала XX столетия создавали католические общественные объединения, такие как Ассоциация католических немецких женщин (KDFB) (независимая ассоциация, насчитывающая 180 тыс. членов). С основания в 1903 г. ассоциация выступала за равное участие женщин в политике, общественной и церковной жизни. Последним по времени возникновению и самым радикальным по требованиям увеличения роли женщин в Католической церкви стало движение Мария 2.0, зародившееся в феврале 2019 г. и привлекающее в свои ряды сторонниц в Германии и других немецкоязычных странах.

Цель статьи – проследить зарождение движения Мария 2.0 внутри Католической церкви Германии, дать характеристику его деятельности, обозначить его место среди разнообразных инициатив, связанных с миром Католической церкви на основании анализа массива новостей, исходящих от движения Мария 2.0, и их оценок в СМИ. Теоретической базой для анализа движения Мария 2.0 стали работы классиков зарубежного религиоведения П. Бергера, Г. Дэви, Э. Фокас [Berger, Davie, Focas, 2008], Х. Казановы [Casanova, 1994], Д. Эрвье-Леже [Эрвье-Леже, 2015], отечественных исследователей Д.В. Журавлёва [Журавлёв, 2018], Р.Н. Лункина [Лункин, 2020], Е.М. Мирошниковой [Мирошникова, 2007], Б.А. Филиппова [Филиппов, 2016], В.Е. Языковой [Языкова, 2021]. Исследователи показали, что религия играет важную роль в обществе и политических процессах, её трансформация порождает новые социокультурные явления, такие как религиозный феминизм, а применительно к нашей теме – католический феминизм.

Тема христианства и феминизма приобрела популярность среди зарубежных исследователей со второй половины XX в. Ей посвящён значительный перечень работ, в том числе исследования А. Шарма и К. Кэтрин «Феминизм и мировые религии» [Sharma, Katherine, 1999], С. Диннан и Д. Мейерс [Dinan, Meyers, 2001], Э.

¹ More than 220,000 people left the Catholic Church in Germany in 2020. URL: <https://www.catholicnewsagency.com/news/248368/more-than-220000-people-left-the-catholic-church-in-germany-in-2020> (дата обращения: 10.12.2021)

Бер-Сижель [Бер-Сижель, 2002] и др. Среди отечественных исследователей можно отметить раскрытие сюжета о христианстве и феминизме у Т.Б. Коваль [Коваль, 2006], В.А. Суковатой [Суковатая, 2002], Е.В. Беяковой, Н.В. Беяковой и Е.Б. Емченко [Беякова, Беякова, Емченко, 2011], в сборнике статей «Гендер и религия» [Гендер, 2008]. Как отмечала Рут А. Уоллес [Wallace, 1988], благодаря женской борьбе за свои права в отношении религии значительно изменилась роль женщины за последние десятилетия в Католической церкви, и эти изменения продолжают происходить по сей день. Женщины стремятся не только к усилению своей роли в религиозной общине, но и к созданию богословских концепций, объясняющих возможности женского религиозного учительства и священства. По мнению итальянских исследователей А. Джорджи и С. Палмизано [Giorgi, Palmisano, 2020], активизация дискуссий в Европе о месте и роли женщин в Католической церкви в последнее время связана с успехом движения Мария 2.0.

Мария 2.0 и позиция Католической церкви

Исследователи полагают: «Сегодня католицизм демонстрирует готовность к внутренним институциональным изменениям» [Кондратенко, 2014]. Но так ли это и каковы границы допустимых изменений? Можно отметить, что из новаций видное место в Католической церкви заняло харизматическое движение, что стало возможным благодаря гибкости конструкции современного католицизма, позволяющего сочетать иерархическую вертикаль во главе с Папой Римским с разнообразным и, в известной мере, автономным горизонтальным уровнем. Подобная гибкость позволила папе Франциску пообещать изменить положение женщин в Церкви, однако речь не шла о возможности рукоположения женщин в сан.

Второй Ватиканский собор (1962–1965) принял декрет «Об апостольстве мирян» (Apostolicam Actuositatem), им была дана установка на активизацию роли мирян в Церкви, в том числе и женщин. С этого момента вопрос о роли женщин в Церкви стоит в повестке дня богословских размышлений римских понтификов и документах Ватикана. В 1976 г. Конгрегация доктрины веры с одобрения папы Павла VI приняла документ «Среди заслуживающих внимания» (Inter Insigniores) о допущении женщин к священству. В нём были собраны аргументы на основе Священного Писания и Предания о невозможности рукоположения женщин в сан священников и епископов. Одним из знаковых документов следующего понтификата было Апостольское письмо папы Иоанна Павла II «О достоинстве и призвании женщин – 1988 г.» (Mulieris dignitatem), в котором он рассуждает о взаимодополнении в акте творения «по образу и подобию Божию». Он, в частности, указал: «Личностные ресурсы женственности, безусловно, не меньше, чем ресурсы мужественности, они просто другие»¹. В этом их ценность, если говорить о призвании и до-

¹ Apostolic letter Mulieris Dignitatem of the Supreme Pontiff John Paul II on the Dignity and Vocation of Women on the Occasion of the Marian Year. URL: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/en/apost_letters/1988/documents/hf_jp-ii_apl_19880815_mulieris-dignitatem.html (дата обращения: 20.01.2022)

стоинстве женщин на фоне значительных перемен современности. По словам Иоанна Павла II, их «высшее призвание» в сохранении чувствительности к человеку. В папском «Письме к женщинам» 1995 г. понтифик вновь подчёркивает дополнительность общественной и духовной ролей мужчин и женщин: «Предстают два существенных измерения Церкви: “марианское” начало и апостольско-петровское начало», а мужское священство, установленное Христом, не умаляет роли женщин, приобщённых к церкви таинством крещения: «Эти ролевые различия не следует рассматривать в соответствии с критериями функциональности, типичными для человеческих обществ»¹. Их следует понимать как символизм божественного присутствия в мире. Папа отвечает на запрос либерального общества с его идеологией гендерного равенства и взглядам нового феминизма, говорящего с позиций рационализма и прагматизма о равенстве полов в Церкви. В приведённых документах Римско-Католическая церковь очертила границы своего понимания гендерной проблематики в широком контексте, на этой основе развивается католический феминизм как антитеза светскому либеральному феминизму.

Гендерная проблематика остаётся в фокусе внимания современного общества и Церкви. Она затронута в постсинодальном апостольском увещании Папы Франциска «Querida Amazonia» (Возлюбленная Амазония) в феврале 2020 г. Цель увещания, по словам Папы, состоит в том, чтобы «направить к гармоничному, творческому и плодотворному восприятию всего синодального пути»². В увещании затронуты четыре модели взаимодействия католической церкви с регионом: идеальное воплощение социальных и культурных вопросов, решение экологических проблем и призвание Церкви «сопровождать народы Амазонии». В разделе «Сила и дар женщины», оценена их выдающаяся роль в сохранении католических общин в условиях нехватки священнослужителей в Амазонии. Однако понтифик высказывается против функционального подхода к роли женщин в Церкви, напоминая о сотериологической миссии христианства, воплощаемой через дуальное единство Сына Божьего и его Матери Марии. В общинах Амазонии женщины имеют центральную роль и «должны иметь доступ к задачам, а также к церковным службам, которые не требуют священнических хиротоний и позволяют им лучше выражать свое собственное место. Следует помнить, что такое служение предполагает постоянство, общественное признание и назначение епископом. Это также означает, что женщины могут иметь реальное и эффективное влияние в организации, в принятии ключевых решений и в управлении сообществами, не отказываясь, однако, от своего собственного женского стиля»³. Папа высказался против женского священства, но допустил возможность занятия женщинами других должностей в Церкви.

¹ Letter of Pope John Paul II to Women. URL: https://www.vatican.va/content/john-paul-ii/en/letters/1995/documents/hf_jp-ii_let_29061995_women.html (дата обращения: 21.01.2022)

² Esortazione Apostolica Postsinodale Querida Amazonia del Santo Padre Francesco al popolo di dio e a tutte le persone di buona volontà. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/it/apost_exhortations/documents/papa-francesco_esortazione-ap_20200202_querida-amazonia.html (дата обращения: 16.11.2021)

³ Esortazione Apostolica Postsinodale Querida Amazonia del Santo Padre Francesco al popolo di dio e a tutte le persone di buona volontà. URL:

В январе 2021 г. Франциск изменил Кодекс канонического права, придав законный статус тому, что происходит на практике: доступу мирянок к служению чтецами и у алтаря (аколитами)¹. Папа объяснил эти изменения динамизмом церковного учения, прислушивающегося к веяниям времени и актуальным нуждам. Понтифик подчеркнул: «Предоставление мирянам обоих полов возможности доступа к служению аколита и чтеца в силу их участия в священстве крещеных будет способствовать признанию, также посредством литургического акта (назначения), того драгоценного вклада, который в течение долгого времени многие миряне, в том числе женщины, вносят в жизнь и миссию Церкви. <...> Решение предоставить также и женщинам эти обязанности, что влечёт за собой стабильность, общественное признание и мандат со стороны епископа, делает более эффективным в Церкви всеобщее участие в трудах благовестия»². Полномочия женщин в Церкви расширены, что уже существовало в практике католических приходов.

1 января 2022 г. в праздник Богородицы и 55-ый Всемирный день мира Франциск возглавил литургию в храме Св. Петра и произнёс проповедь во славу Матери Божией. Он говорил о значении Марии для всего мира, Церкви и спасения, которая стоит на пути каждого при переходе от идеального видения происходящего к реальному, связывая хорошее и плохое, поэтому её можно назвать матерью католичества: она объединяет, а не разделяет. Папа призвал трудиться над продвижением женского достоинства и защищать женщин от насилия, подчеркнув: «Обидеть женщину – значит оскорбить Бога, Который принял человеческое естество от женщины»³. Выступление понтифика стало напоминанием о сакральном значении Марии, нуждающейся не в революционном обновлении, а осмыслении её роли для христианства. Речь Папы представляет основополагающий взгляд на женский вопрос в его всеобщности и ответ Церкви на вопросы, которые ставит перед ней зародившееся в Германии движение Мария 2.0.

Католическая церковь Германии перед актуальными вызовами времени

Сегодня Католическая церковь в Германии переживает непростые времена, по официальным данным, опубликованным в июле 2021 г. в 2020 г. её покинули более

https://www.vatican.va/content/francesco/it/apost_exhortations/documents/papa-francesco_esortazione-ap_20200202_querida-amazonia.html (дата обращения: 16.11.2021)

¹ Папа: женщины могут быть чтецами и аколитами. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/pope/news/2021-01/papa-zhenshiny-mogut-byt-chtecami-i-akolitami.html> (дата обращения: 26.01.2022)

² Lettera del Santo Padre Francesco al Prefetto Della Congregazione per la Dottrina Della Fede circa L'accesso Delle Donne ai Ministeri del Lettorato E Dell'accollito. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/it/letters/2021/documents/papa-francesco_20210110_lettera-donne-lettorato-accollito.html (дата обращения: 26.01.2022)

³ Папа «Обидеть женщину – значит оскорбить Бога». URL: <https://www.vaticannews.va/ru/pope/news/2022-01/papa-obidet-zhenshinu-znachit-oskorbit-boga.html> (дата обращения: 26.01.2022)

220 тыс. человек, в 2019 г. эта цифра была на 19% больше и составляла почти 273 тыс. человек, в 2018 г. – 216 тыс. человек. С утратой части верующих уменьшается и количество приходов – в 2018 г. насчитывалось 10 тыс. приходов, в 2019 г. их было 9,9 тыс., в 2020 г. – 9,8 тыс. За 2020 г., на который пришлось самые жёсткие ограничения в деятельности религиозных организаций в условиях пандемии, уменьшился и списочный состав духовенства на 418 человек с 12,9 тыс. до 12,5 тыс. священников. Падение количественных показателей касается совершения большинства христианских таинств: крещения, первого причастия, конфирмаций (таинств миропомазания), венчаний. Немного увеличилось лишь число отпеваний в условиях пандемии коронавируса. «Статистику оттока из Церкви я считаю весьма болезненной для нашего сообщества, – признал епископ Георг Бетцинг, президент Конференции немецких епископов в заявлении от 14 июля 2021 г. – Многие утратили уверенность в будущем и своим уходом из Церкви сообщают ей об этом. Мы воспринимаем этот отток очень серьезно, стремимся открыто и честно смотреть фактам в лицо, чтобы найти ответы на возникающие вопросы. Это вопрос беспристрастного и тщательного расследования случаев сексуальных преступлений; вопрос о церковной власти и разделении властных полномочий. Я очень надеюсь, что “Синодальный путь” поможет нам выстроить новую основу доверия»¹. «Синодальный путь» (Synodaler Weg) сформировался на фоне скандала, связанного с сексуальными злоупотреблениями католического духовенства, о которых стало известно в 2010 г. Это дискуссионная площадка, запущенная в Католической церкви Германии с 2019 г. по февраль 2022 г. с участием духовенства и мирян, для обсуждения злободневных тем: организация власти в Церкви; сексуальная мораль и случаи сексуального насилия; священническая жизнь; роль женщин в Церкви. Его цель – восстановить доверие между духовенством и паствой, активизировать неформальную приходскую жизнь. Вместе с тем, согласно опросу католической еженедельной газеты «Die Tagespost», в сентябре 2020 г. о заинтересованности в реформировании заявили 11% немецких католиков, а 53% не увидели в этом необходимости². Заинтересованные католики активны в исповедании веры и социальных начинаниях в приходах. Они выступают локомотивами перемен и обновления церковных практик, к ним прислушивается духовенство и видит в них опору для Церкви.

«Синодальный путь» был предметом дискуссий иерархов и богословов в Германии и за её пределами. Одним из его инициаторов стал предшественник еп. Бетцинга на посту главы католического епископата Германии и ключевая фигура, стоящая за «Синодальным путем», кардинал Рейнхард Маркс (архиепископ Мюнхенский), а ведущим критиком – кардинал Кёльна Райнер Мария Вёльки. Свои опасения по поводу обсуждаемых реформ высказали авторитетные прелаты –

¹ More than 220,000 people left the Catholic Church in Germany in 2020. URL: <https://www.catholicnewsagency.com/news/248368/more-than-220000-people-left-the-catholic-church-in-germany-in-2020> (дата обращения: 10.12.2021)

² Кардинал Вёльки предупреждает, что «Синодальный путь» может вызвать раскол в Католической Церкви Германии. 20.09.20. URL: <https://sedmitza.ru/text/9925668.html> (дата обращения: 13.12.2021)

немецкий кардинал Вальтер Каспер¹, занимавший пост президента Папского совета по содействию христианскому единству в 2001–2010 гг., итальянский кардинал Камилло Руини², генеральный викарий Рима с 1991 по 2008 гг. и президент Конференции итальянских католических епископов. Скептики напоминают, что Церковь не только общественный институт, она мистическое тело Христово, её духовная трансцендентная основа непреходяща и в полноте сохраняется во Вселенской церкви. Многие усматривают в итогах «Синодального пути» возможность раскола в Католической церкви, не отказываясь при этом от необходимости обсуждать насущные социальные и богословские вопросы перед лицом кризиса, переживаемого в Германии.

Актуальность этой проблемы для Германии подтверждается данными Института исследования общественного мнения INSA Consulere (г. Эрфурт). Так, 33% опрошенных, принадлежащих к Католической церкви, рассматривают возможность ухода из неё из-за скандалов, связанных с сексуальным насилием со стороны священнослужителей. Молодые люди могут отказаться от регистрации в качестве католиков, чтобы избежать уплаты обязательного церковного налога³. Каждый католик, зарегистрированный церковью Германии, перечисляет, в зависимости от федеральной земли, до 9% своего подоходного налога Церкви. Средства из церковного налога идут на финансирование Церкви и её социальное служение: больницы, дома для престарелых, хосписы, детсады, школы, помощь малоимущим и мигрантам. Отказаться от церковного налога можно, заявив о выходе из церкви, после чего человек утрачивает право на причастие и таинства. Использование средств от поступления церковного налога один из вопросов, в котором прихожане хотели бы большей прозрачности.

Наряду с этими вопросами уже два года общественное внимание граждан Германии шумными и яркими акциями привлекает связанное с католической церковью женское движение Мария 2.0, требующее равноправия для женщин во всех церковных структурах, их допущения к рукоположению и обретению сана священников.

Движение Мария 2.0 радикальный активизм католических женщин Германии

Движение Мария 2.0. зародилось в феврале 2019 г. по инициативе Лизы Кёттер и Андреа Фосс-Фрик из прихода Св. Креста Римско-Католической церкви в Мюнстере, изучавших в группе первое апостольское послание папы Франциска 2013 г. «О провозглашении Евангелия в современном мире» (*Evangelii Gaudium*). Название выбрано по имени матери Иисуса Св. Марии, традиционно воспринимаемой как покорная и молчаливая. 2.0 означает обнуление подобного образа женщин в Церк-

¹ Кардинал Каспер «очень обеспокоен» «Синодальным путем» Католической Церкви в Германии 11.06.2021. URL: <https://sedmitza.ru/text/10008108.html> (дата обращения: 13.12.2021)

² Кардинал Руини видит «риск раскола» в Католической Церкви Германии. 6 мая 2021. URL: <https://sedmitza.ru/text/9997762.html> (дата обращения: 13.12.2021)

³ Каждый третий католик в Германии задумывается о том, чтобы покинуть Церковь. URL: <https://sedmitza.ru/text/9977766.html> (дата обращения: 13.12.2021)

ви в силу их активности. Группа составила онлайн петицию папе Франциску, выступив за расширение доступа женщин в церковные учреждения, отмену безбрачия приходского духовенства и расследование случаев злоупотреблений в церкви, связанного с сексуальным насилием и жестоким обращением. Согласно официальному сайту движения, открытое письмо собрало 42,3 тыс. подписей и 25 октября 2019 г. было передано активисткой Лизой Кёттер Апостольскому нунцию в Берлине, архиепископу доктору Никола Этерович. По состоянию на ноябрь 2020 г. ответа на него не поступило. Богослов Мария Месриан подчеркнула: «У нас нет кризиса веры. Это церковный кризис»¹. Возникающие в Германии реформистские группы в церкви утверждают необходимость перемен на всех уровнях: «канонический закон создан людьми и, следовательно, может быть изменён»². Эти требования, кроме Марии 2.0, подписали Экуменическая рабочая группа гомосексуалистов в церкви, Группа действий из 160 пасторов и диаконов в епархии Роттенбург-Штутгарт (AGR), Инициатива пасторов в Германии, Ассоциация католических священников и их жён и еще более десяти групп, занимающихся поддержкой жертв сексуального насилия, вопросами гендерного равноправия.

С 2019 г. движение Мария 2.0 организует недели протестов в мае и октябре, именуемые «церковными забастовками», которые представляют собой демонстрации и молитвы перед храмами. Символом акций служит изображение Девы Марии с заклеенным ртом, что означает долгое молчание женщин в Католической церкви и пробуждение их активности за реформирование Церкви. Участники акций облачаются в одежду белого цвета, что связано в христианском искусстве с Девой Марией. На промоакциях они требуют демократизации церковных структур, увеличения роли женщин в церковном управлении, начиная с приходов, и ожидают ответа от Церкви на свои требования. Так, в 2021 г. специальные недели действий прошли с 8 по 16 мая и с 11 по 18 сентября. В ходе акций была показана выставка скульптур «Я достойна – женщины занимают позицию», проведены дискуссии с единомышленниками из Цюриха, митинг «Делаю всё новое». В разных городах прослушаны и обсуждены лекции: «Церковь и демократия – как это сочетается?», «Оказавшись в водовороте насилия – сексуальное насилие в церкви: преступники, жертвы и структуры», «Духовное насилие – что можно изменить!» и др. 16 сентября в Кёльне прошла ночная политическая молитва – Мария 2.0 «Правосудие поколений – ключ к демократии». 23 сентября была организована демонстрация с тезисами Мария 2.0 в г. Фульде, где проходило пленарное заседание немецких епископов.

Движение Мария 2.0. существует как сетевое сообщество, информация о котором распространяется через официальный сайт и через группу в Facebook, где размещены программные документы, сведения о проведенных и планируемых меро-

¹ Newsletter Maria 2.0 22.09.2019. URL: http://newsletter.mariazweipunktnull.de/newsletter_view.php?id=28 (дата обращения: 16.03.2022)

² Newsletter Maria 2.0 03.12.2019. URL: http://newsletter.mariazweipunktnull.de/newsletter_view.php?id=45 (дата обращения: 16.03.2022)

приятиях. В выпущенных с сентября 2019 г. более сорока Информационных бюллетенях Мария 2.0 обозначены цели движения: гендерное равенство, благотворительность, верность и готовность к реформированию Церкви. Лозунги движения: «2.0 означает новое начало. Сбросить все до нуля. Мы больше не такие», «Вставайте! Не молчите больше!», «Менять можно только вместе!». Бюллетени информируют об активности Марии 2.0 по епархиям, публикуют заявления, молитвы, вопросы и ответы о вере. С декабря 2019 г. Мария 2.0 выпускает электронный и печатный журнал объёмом 6–8 страниц, освящая деятельность организации, полемизируя с консерваторами в Католической церкви¹.

Начавшись в Мюнстере, группы Мария 2.0 охватывают всё больше католических епархий в Германии и за её пределами в Австрии и Швейцарии. С января 2020 г. после конференции, организованной в Риме Советом католических женщин (основан в ноябре 2019 г. в Штутгарте), к феминистскому движению католичек присоединяются участницы из Австралии, Новой Зеландии, Перу, Италии, Ирландии и других стран. По мнению богослова Марии Месриан: «Мария 2.0. становится глобальной»². Формы участия в этом движении разнообразны: передвижные выставки, дискуссионные группы «Женщины говорят СЕЙЧАС!», лекции «Женский бунт – почему женщинам в Католической церкви нужно больше власти», симпозиум в Федерации католической молодёжи «Женщины и священство», женские демонстрации по окончании совещаний католических епископов, молитвенные бдения за перемены и др. Как борцы за права женщин феминистки Марии 2.0 отмечают Международный женский день 8 Марта. Так, в 2020 г. прошли акции протеста в Мюнхене, в которых приняли участие 300 человек, в Мюнстере – 600, в Кёльне – 700. «Без допуска к церковным должностям женщины – католики второго сорта»³, – заявила представитель мэрии Кёльна Эльфи Шо-Антверпес (СДПГ) в своем ответственном обращении. Пандемия коронавируса внесла коррективы в развитие движения за равноправие в Католической церкви, но не остановила его. Участницы перешли к онлайн встречам и совместным молитвам, первой стала «Глобальная молитва за равенство» из монастыря Фарр.

Женская инициатива Мария 2.0 всколыхнула католиков Германии, которые начали открыто высказываться о проблемах в церкви и идеальном её видении. Инициативу Мария 2.0. поддержала Ассоциация католических женщин Германии, запустив 22 июля 2019 г. в день праздника Св. Марии Магдалины кампанию «Мария, не молчи!». По словам Марии Флахсбарт, президента Католического союза немецких женщин (KDFFB), Мария 2.0 стало ответом на «глубокий кризис католической церкви, абсолютную утрату доверия».

¹ Maria 2.0. URL: <http://newsletter.mariazweipunktnull.de/#page-top> (дата обращения: 16.03.2022)

² Newsletter Maria 2.0 30.01.2020. URL: http://newsletter.mariazweipunktnull.de/newsletter_view.php?id=49 (дата обращения: 16.03.2022)

³ Newsletter Maria 2.0 15.03.2020. URL: http://newsletter.mariazweipunktnull.de/newsletter_view.php?id=54 (дата обращения: 16.03.2022)

Встречу с участницами Марии 2.0. 14 августа 2019 г. провёл епископ Майнца Кольграф, заявивший о необходимости продолжать диалог и обсуждать их программу с Центральным комитетом немецких католиков. Камнем преткновения стал протест борцов за права женщин против отказа кардинала Райнера Марии Вёльки из Кёльна в ноябре 2020 г. опубликовать отчет о злоупотреблениях в Кёльской архиепископии.

Во время акций в феврале 2021 г., подобно Мартину Лютеру, на дверях более тысячи соборов в Германии участницы движения Мария 2.0 разместили семь разработанных ими тезисов¹. Их положения:

1. Равные права в церкви для женщин и мужчин и доступность для них церковных должностей;
2. Общая ответственность за миссию церкви и противостояние клерикализму;
3. Гласность в вопросах касающихся злоупотреблений в Церкви, привлечение виновных к ответственности;
4. Реабилитация нетрадиционных брачных отношений для членов церкви;
5. Отказ от безбрачия при занятии церковных должностей;
6. Большая прозрачность финансовой деятельности церкви;
7. Действовать в интересах человека, общества и окружающей среды, проявлять милосердие, выполнять миссию послания Иисуса в соответствии с социальным дискурсом².

В марте 2021 г. последовали акции в поддержку жертв сексуального насилия в одежде чёрного цвета перед дверями храмов в разных городах. Ответа от Кёльской архиепископии не последовало. После чего инициатор Марии 2.0 Лиза Кёттер заявила о выходе из церкви, поскольку пребывание в ней означает соучастие во всем негативном, что в ней происходит.

По сообщениям Deutsche Welle от 24 января 2022 г., в Германии 125 католических священника и церковных сотрудника заявили о своей гомосексуальной ориентации и потребовали прекратить дискриминацию представителей ЛГБТ в церкви³. По их мнению, Церковь должна продвигать культуру многообразия. Ещё в 2013 г. папа Франциск пообещал не осуждать священников за нетрадиционную ориентацию, но он выступил против признания однополых браков и, тем более, их благословения. Дискуссия вокруг гендерной проблематики продолжается.

В ответ на деятельность Марии 2.0 в мае 2019 г. было создано объединение католиков Мария 1.0, выступающее за единство и верность Церкви. Его инициатор учитель из Шонгау Йоханна Штер⁴. Сторонники Марии 1.0 считают теологиче-

¹ Initiative "Maria 2.0" fordert Kirchenreformen. 21.02.2021. URL: <https://www.tagesschau.de/multimedia/video/video-826967.html> (дата обращения: 12.12.2021)

² Thesenanschlag 2.0 Maria 2.0. URL: <https://www.mariazweipunktnull.de/thesenanschlag-2-0/> (дата обращения: 07.11.2021)

³ German Catholic priests come out as queer, demand reform. URL: <https://www.dw.com/en/german-catholic-priests-come-out-as-queer-demand-reform/a-60531857> (дата обращения: 24.02.2022)

⁴ Initiative Maria 1.0. URL: <https://mariaeinspunktnull.de/about> (дата обращения: 24.02.2022)

ски некорректной общенациональную волну протестов, в том числе «церковную забастовку» против «мужской католической церкви», видят в термине Мария 2.0 недопустимую инструментализацию Девы Марии, которая проявляет себя в смирении и непорочности, подчиненной божественной воле. Инициатива Мария 1.0 полагает, что обновление возможно только через евангелизацию и выступает оппонентом Марии 2.0. Таким образом, дискуссия о современном состоянии Католической церкви в Германии продолжается.

Заключение

Католическая церковь Германии – мощная часть вселенского католицизма, но сегодня она переживает непростые времена, связанные с обнародованными в 2010 г. свидетельствами о случаях сексуальных преступлений, оттоком верующих и, в целом, секуляризацией сознания европейцев. Национальные сложности этой части Католической церкви привели её руководство к необходимости обсуждения церковно-общественной жизни в «Синодальном пути», для увеличения роли мирян в приходах и церковном управлении. На фоне дискуссий в католическом мире Германии и возникло в феврале 2019 г. женское движение Мария 2.0, требующее допущения женщин к занятию должностей в церковных офисах и женского священства, как у многих протестантов. Наряду с этим активистки Марии 2.0 выступили за широкое гендерное равноправие в церкви не только женское, но и признание гомосексуального партнёрства и браков, поскольку это реальность, в которой живёт современный мир.

Подобная позиция противоречит учению Католической церкви, однако Церковь не обрушила на протестующих активисток запрещения или отлучения она не может. Это противоречит и духу современного европейского общества с принципами толерантности, и позиции самой церкви, нацеленной на увещевание и катехизацию. Волею судеб этот диалог выпал на долю, прежде всего, немецкой церкви, пытающейся сохранить лицо, находясь между признанием вины за сексуальные скандалы, настроениями традиционного католического большинства и ультралиберальным радикализмом активисток из Марии 2.0.

Появление и развитие движения Мария 2.0 в Германии с его радикальными гендерными требованиями свидетельствует о глубоком проникновении в идейный арсенал верующих Католической церкви либеральной модели феминистских теорий. Можно также говорить и о бикультурной модели поведения современных верующих, соединяющих в своих взглядах и требованиях светские принципы антропоцентризма с теоцентризмом церкви. В этом смысле позиция Ватикана, папы Франциска представляется взвешенной, напоминающей о сотериологической, трансцендентной миссии христианства, где возможные и необходимые институциональные изменения не должны противоречить его вневременной сущности. Церкви Германии придётся вести диалог с любыми группами и движениями внутри неё или исходящими из неё, поскольку Церковь постоянно сталкивается с диалектически присутствующими тенденциями обмирщения церкви и своей постоянной борьбой за воцерковление окружающего мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белякова Е.В., Белякова Н.В., Емченко Е.Б. (2011) *Женщина в православии: церковное право и российская практика*. Кучково поле, Москва, Россия. 704 с.
- Бер-Сижель Э. (2002) *Служение женщины в церкви*. Библейско-Богословский Институт св. апостола Андрея, Москва, Россия. 215 с.
- Гендер и религия. Сборник статей*. (2008) РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; Ответственный редактор И.М. Семашко. Москва, Россия. 327 с.
- Журавлёв Д.В. (2018) Трансформация гендерного дискурса в современном католицизме *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, № 2. С. 77–104. DOI: <http://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-77-104>
- Коваль Т.Б. (2006) *Гендер. Культура. Религия. (Традиция и современность)*. ИИЦ МГУДТ, Москва, Россия. 219 с.
- Кондратенко С.Е. (2014) К истокам политической аргументации современного католицизма. *Вестник СПбГУ*. Сер. 6, Вып. 2. С. 120–127.
- Лункин Р.Н. (2020) *Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество*. ИЕ РАН: Изд-во «Нестор-История», Москва, Санкт-Петербург, Россия. 504 с. DOI 10.15211/9785981631559
- Мирошникова Е.М. (2007) *Кооперационная модель государственно-церковных отношений: опыт и проблемы*. Институт Европы РАН; Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, Москва, Тула, Россия. 181 с.
- Суковатая В. А. (2002) Феминистская теология и гендерные исследования в религии: перспективы новой духовности. *Общественные науки и современность*, № 4. С. 183–192.
- Филиппов Б.А. (2016) Папа Франциск, II Ватиканский собор и новая модель Католической Церкви. *Вестник ПСТГУ*, Вып. 1 (63). С. 102–119. DOI: 10.15382/sturII201668.102-119
- Эрвье-Леже Д. (2015) В поисках определённости: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. № 1 (33). С. 254–268.
- Язькова В.Е. (2021) *Католическая церковь в Италии перед вызовами современности: эволюция подходов и интерпретаций*. Доклады Института Европы № 385, ИЕ РАН, Москва, Россия, 182 с. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report72021_385
- Berger P., Davie G., Focas E. (2008) *Religious America, Secular Europe?* USA: Ashgatt Publishing Company, 168 p.
- Casanova J. (1994) *Public Religion in the Modern World*. Chicago: University of Chicago Press, 320 p.
- Dinan S., Meyers D. (2001) *Women and religion in old and new worlds*. NY&L, 248 p.
- Giorgi A., Palmisano S. (2020) Women and gender in contemporary European Catholic discourse: Voices of faith. *Religions*. 11(10). URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/11/10/508/htm> (дата обращения: 27.02. 2022) DOI: <https://doi.org/10.3390/rel11100508>
- Sharma A. Y. Katherine K. (1999) *Feminism and world religions*. NY., 1999, 333 p.
- Ruth A Wallace. (1988) Catholic women and the creation of a new social reality *Gender and Society*. Vol. 2., No 1, pp. 24–38.

Maria 2.0. feminist movement in the Catholic Church in Germany: a new challenge?

O.K. Shimanskaya*

Candidate of Science (Philosophy)

Department of Social and Political Studies

Center for Religion and Society Studies

Institute of Europe RAS. 11-3, Mokhovaya st., Moscow, Russia, 125009.

***E-mail:** shimansk@mail.ru

Abstract. The article sheds the light on the modern state of the Catholic Church in Germany, its interaction with the society and emergence of the radical feminist movement Maria 2.0 inside of it. The author analyses gender equality in contemporary Catholicism. The aim of the article is to trace back the birth of Maria 2.0 movement inside the Catholic Church in Germany, define its activities and relation to the other initiatives connected to the Catholic world, based on the newsreel of the movement itself and assessments of the mass-media. Active group of women in the Church seeks empowerment of their role in the religious society, creation of theological concepts that would explain the opportunities of the female priesthood. They argue that canonical laws of the Church require modernization especially with respect to the uncovered facts of sexual harassment of women and children by several clerics. Papa Francis maintains a flexible position on this matter insisting on equality of all baptized people regardless of their gender. His last documents expand the rights of women in Church to being able to act as readers and acolytes. However, he emphasizes the principle of intercomplementarity of men and women in Church, which rules out the female priesthood. The article reveals that the Catholic Church in Germany has been losing the congregation and that is why in 2019–2020 a new discussion platform was established for clerics and laymen to speak about arising problems. It is highlighted that during church-wide discussions in Germany radical feminist movement Maria 2.0 turned out to be one of the most vocal proponents of female priesthood and ultraliberal approach to the gender equality matters in Catholic Church. They conduct public actions, demanding significant liberalization of the religious teachings and practices. The movement also acts as a network community constantly attracting new followers. It is concluded that throughout history the Catholic Church encountered several attempts of secularization, but firmly defended teocentrism.

Keywords: Catholic Church, Germany, society, Catholic feminism, gender, Maria 2.0, priesthood, Christianity.

DOI: 10.31857/S0201708322030135

EDN: GGVIEL

REFERENCES

- Belyakova E.V. Belyakova N.V. Emchenko E.B. (2011) *Zhenshchina v pravoslavii: cerkovnoe pravo i rossijskaya praktika [Woman in Orthodoxy: church law and Russian practice]*. Kuchkovo pole, Moscow, Russia, 704 p. (in Russian).
- Berger P., Davie G., Focas E. (2008) *Religious America, Secular Europe?* USA: Ashgate Publishing Company, 168 p.

- Ber-Sizhel' E. (2002) Sluzhenie zhenshchiny v cerkvi [Women's ministry in the church]. Biblejsko-Bogoslovskij Institut sv. apostola Andrey, Moscow, Russia, 215 p. (in Russian).
- Casanova J. (1994) *Public Religion in the Modern World*. Chicago: University of Chicago Press, 320 p.
- Dinan S., Meyers D. (2001) *Women and religion in old and new worlds*. NY&L, 248 p.
- Erv'e-Lezhe D. (2015) V poiskah opredelyonnosti: paradoksy religioznosti v obshchestvakh razvitogo moderna [In Search of Certainties: The Paradoxes of Religiosity in Societies of High Modernity]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. No 1 (33), pp. 254–268. (in Russian).
- Filippov B.A. (2016) Papa Francisk, II Vatikanskij sobor i novaya model' Katolicheskoy Cerkvi [Pope Francis, Vatican II and the New Model of the Catholic Church]. *Vestnik PSTGU*, Vol. 1 (63), pp. 102–119. (in Russian).
- Gender i religiya*. (2008) *Sbornik statej [Gender and Religion. Digest of articles]*. RAN, Institut etnologii i antropologii im. N.N. Mikluho-Maklaya; Otvetstvennyj redaktor I.M. Semashko. Moscow, Russia, 327 p. (in Russian).
- Giorgi A., Palmisano S. (2020) Women and gender in contemporary European Catholic discourse: Voices of faith. *Religions*. 11(10). URL: <https://www.mdpi.com/2077-1444/11/10/508/htm> (accessed: 27.02.2022) DOI: <https://doi.org/10.3390/rel11100508>
- Koval' T.B. Gender. Kul'tura. Religiya. (Tradiciya i sovremennost') [Gender. Culture. Religion. (Tradition and modernity)]. (2006) IIC MGUDT, Moscow, Russia, 219 p. (in Russian).
- Kondratenko S.E. (2014) K istokam politicheskoy argumentacii sovremennogo katolicizma [To the origins of the political argumentation of modern Catholicism.]. *Vestnik SPbGU*. Ser. 6, Vol. 2, pp. 120–127. (in Russian).
- Lunkin R.N. (2020) *Cerkvi v politike i politika v cerkvayah. Kak sovremennoe hristianstvo menyaet evropejskoe obshchestvo [Churches in politics and politics in churches. How modern Christianity is changing European society]*. IE RAN: Izd-vo «Nestor-Istoriya», Moscow, Sankt-Peterburg, Russia, 504 p. DOI 10.15211/9785981631559 (in Russian).
- Miroshnikova E.M. (2007) *Kooperacionnaya model' gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij: opyt i problemy [Cooperative model of state-church relations: experience and problems.]*. Institut Evropy RAN; Izd-vo Tul. gos. ped. un-ta im. L.N. Tolstogo, Moscow, Tula, Russia, 181 p. (in Russian).
- Sharma A. Y. Katherine K. (1999) *Feminism and world religions*. NY., 1999, 333 p.
- Sukovataya V. A. (2002) Feministskaya teologiya i gendernye issledovaniya v religii: perspektivy novoj duhovnosti [Feminist Theology and Gender Studies in Religion: New Spirituality Perspectives]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, No 4, pp. 183–192. (in Russian).
- Wallace R. A. (1988) Catholic women and the creation of a new social reality. *Gender and Society*. Vol. 2., No 1, pp. 24–38.
- Yazkova V.E. (2021) Katolicheskaya cerkov' v Italii pered vyzovami sovremennosti: evolyuciya podhodov i interpretacij [The Catholic Church in Italy facing modern challenges: the evolution of approaches and interpretations.]. *Doklady Instituta Evropy*, No 385, IE RAN, Moscow, Russia, 182 p. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report72021_385 (in Russian).
- Zhuravlyov D.V. (2018) Transformaciya gendernogo diskursa v sovremenном katolicizme [Transformation of gender discourse in contemporary Catholicism]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, No 2, pp. 77–104. DOI: <http://doi.org/10.22394/2073-7203-2018-36-2-77-104> (in Russian).

РАЗМЫШЛЯЯ О ПРОЧИТАННОМ

УДК 930.2, 93, 327

**ОБЪЯСНЕНИЕ РОССИИ: ВЗГЛЯД
ИЗ НЕСОСТОЯВШЕГОСЯ БУДУЩЕГО**

© 2022 ОБИЧКИНА Евгения Олеговна *

Доктор исторических наук

*Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД Российской Федерации (МГИМО).*

119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

***E-mail:** obitchkina@mail.ru

Поступила в редакцию 03.10.2021

После доработки 11.01.2022

Принята к публикации 27.01.2022

Аннотация. Зарубежные публикации отечественных историков-страноведов являются особым жанром научной деятельности. Их предназначение – дать ответ на острые вопросы, связанные с российской темой и находящиеся в центре внимания зарубежной аудитории. Изучение комплекса французских публикаций ведущего отечественного франковеда и дипломата Ю. И. Рубинского, написанных большей частью в 1997–2000-х гг. и собранных в едином издании, позволяет выделить главный вопрос – о европейском будущем России. Владение универсальными методологическими приёмами историко-политического анализа позволяет преодолеть стереотипное восприятие мотивов внешней политики России. Истоки кризиса отношений в треугольнике Россия – Украина – Запад видятся в столкновении энергетических и политических интересов, распад СССР вписан в глобальный процесс распада колониальных империй, а перспективы ситуативного сотрудничества России и США в Центральной Азии рассматриваются в логике «большой игры». Основой, на которой построено «послание» русского европейца, является видение европейской перспективы, особенно близкое французской аудитории. Это сосуществование «европейской» (а не атлантической) Европы (ЕС) с Россией на основе прагматичной гармонизации экономических, энергетических интересов и общего пространства безопасности. Историческая слабость либеральной традиции в России препятствовала её ускоренной конвергенции с Западной Европой, что не отменяло прагматичного стремления опереться на Запад в интересах экономического развития. Это стремление относительно, поскольку зависело от готовности Запада к встречному движению, а маргинализация России лишает ЕС перспективы стать самостоятельным центром силы.

Ключевые слова: Россия и Запад, концепция суверенитета, внешняя политика России, политика России в Центральной Азии, конфликт энергетических интересов России, Украины и ЕС, Россия – Турция – Европа.

DOI: 10.31857/S0201708322030147

EDN: GH AUGI

Осмыслить настоящее, основываясь на уроках прошлого и планов на будущее – суть ремесла историка, который занимается современностью. Международный аналитик, интегрированный в международное (европейское) научное сообщество, неизбежно выступает в двоякой роли: для отечественной аудитории он является исследователем и толкователем зарубежных реалий, а для зарубежной – ретранслятором и толкователем российской политики, стремящимся преодолеть «трудности перевода», сопрягая свои суждения и аргументы с иным, но не чуждым ему нарративом. Глубокое знание другой страны неотделимо от эмпатического её восприятия, которое предполагает поиски взаимопонимания как оптимального условия сотрудничества двух социумов, от которого зависит благоприятная среда для его профессиональной деятельности. Мало кто из специалистов-страноведов откажется от возможности высказаться, предоставляемой публикациями в зарубежных изданиях, тем более что подобное разъяснение «из первых рук» является очень востребованным. Информационный повод, тема или формулировка поставленных вопросов указывают на болевые точки отношений, провоцирующие обострённый интерес зарубежных наблюдателей и заинтересованных читателей. Зарубежные публикации отечественных экспертов-страноведов являются особым материалом для сравнительного исследования историко-политических нарративов, а их сведение воедино позволяет не только составить картину как отечественного, так и зарубежного политического запроса, но и определить «нерв» взаимодействия двух социумов в решающий период становления новой России и складывания нынешней парадигмы её отношений с Западом.

В фокусе данного исследования – вышедший во Франции сборник французских публикаций ведущего отечественного франковеда – уникальной личности: историка, дипломата и внешнеполитического аналитика Ю.И. Рубинского [Обичкина, 2020: 191–201]. Хотя перевод названия («Приметы времени») может звучать аналогично русскому трёхтомнику того же автора, вышедшему в Москве в 2018 г. [Roubinski, 2020; Рубинский, 2018] и также приуроченного к 90-летию автора, два издания содержат совершенно разные работы, объединённые периодом их создания: 1997–2020 гг., но продиктованные различными запросами, отвечающими двум национальным повесткам: российской и французской, а в более широком смысле – европейской. В то же время они объединены центральным вопросом, составляющим суть «русского вопроса» в глазах европейцев и большой вопрос российской самоидентификации – проблему европейской принадлежности России не в географическом, а в органическом смысле этого понятия. Тексты, адресованные французскому читателю, вышли в момент, когда высокий градус напряжённости между Россией и Евросоюзом сделал неактуальной парадигму общего развития Европы в логике конвергенции, предло-

женную Парижской хартией СБСЕ для новой, постялтинской Европы. Между тем большая часть вошедших в книгу публикаций была написана в 1990–2000-е гг., когда направление движения казалось встречным, а точка невозврата (2014 г.) была ещё впереди. Общий пафос определяется убеждением русского европейца в конечной общности судеб России и Европы. Автор намеренно отказался редактировать текст в соответствии с современным состоянием отношений России с Европой, и читатель поставлен перед вопросом, дальнейший путь разрешения которого известен.

Во Франции в силу исторических и геополитических причин восприятие посткоммунистической России было связано с надеждой на общее развитие в общем «европейском доме». Проект преодоления раскола Европы на путях конвергенции применительно к России упирался в вопрос о совместимости. Прежде чем окончательно утвердиться в образе «другого», чуждого, если не враждебного Западной Европе, Россия рассматривалась как возможное поле для этого грандиозного эксперимента, однако уже в 1990-е гг. его успех вызывал сильные сомнения. В ельцинские годы требовалось разъяснить причины торможения либеральных реформ, а в 2000-е речь шла о самой их возможности в российской политике.

Об отказе от либеральной парадигмы в пользу державного консерватизма

Размышления о российской идентичности неизбежно начинаются с истории, постоянно прорастающей в настоящее, и это особенно заметно в переходный период. Первая часть книги Ю.И. Рубинского названа «Россия или непрошедшее прошлое», и франкофоны оценят точность и изящество переданной оценки (*le passé présent*). Одним из болезненных вопросов российской политики, от которого намеренно отворачивались советские историки и который не может не занимать наблюдателей современных трансформаций, является относительная слабость не только либерального, но и близкого ему своим гуманитарным пафосом и реформизмом социал-демократического направления мысли, недолговечность либерального реформаторства и неизменное возвращение к консерватизму: монархическому, коммунистическому или иному, но неизменно объединяющему государство, элиты и общество.

Книгу открывают размышления о печальной русской судьбе масонства, с XVIII в. объединяющего представителей европейских элит в интернациональное трансграничное сообщество либералов в поисках построения универсального и рационального миропорядка. Симбиоз власти и идеологии, будь то православие или ленинизм, по мнению автора, делал государство и при царе, и при большевиках нетерпимым к любым духовным поискам либеральной альтернативы, особенно если они исходили из зарубежного источника и претендовали на универсальность. Либерализм в России в неизменном столкновении с государственной идеей, как революционной, так и реакционной (консервативной), терпел поражение, поскольку последняя в большей степени совпадала с российскими политическими традициями [Roubinski, 2020: 17].

Зеркальным отражением судьбы либералов является судьба их антиподов — коммунистов, которым в новой России была уготована активная «жизнь после

смерти». Название соответствующей главы отражает один из парадоксов, на котором строилась современная политическая система России. Издержки «шоковой терапии» могли бы обеспечить им широкий протестный электорат, однако руководители партий отказались от активной оппозиционной борьбы, предпочитая участие во власти. Таким образом, отказ нового правящего класса России от конвергенции в смысле встраивания в ансамбль западных демократий носил системный характер. Российское великодержавие могло бы найти понимание во Франции, которая, невзирая на снижение потенциала, сама следовала «политике престижа», но европоцентризм мешал сочувствовать подобному самоутверждению. Идеологическое противостояние с Западом ушло в прошлое, но природа новых расхождений порождала вопросы у тех, кто задумывался о формуле отношений между двумя окончечностями Европы.

Поискам русского ответа на эти вопросы была посвящена работа, вышедшая (судя по контексту) в середине 2000-х, когда можно было подвести итоги 15-летней истории нового государства и первого срока правления В.В. Путина. Преемственность цели от Ельцина к его преемнику состояла в обеспечении статуса великой державы и свободы манёвра на международной арене. «Русская исключительность» навсегда ушла в прошлое» [Roubinski, 2020: 75] – утверждал автор в том смысле, что разрыв с советским прошлым знаменовался отказом от какого-либо идеологического лидерства, от неоимперской политики в пользу *Realpolitik*, преследующей национальные интересы, но исходящей из трезвой оценки сокращения экономического, демографического и военного потенциала. Первоначальная ориентация исключительно на Запад привела к глубокому разочарованию, поскольку тот не согласен был щедро оплачивать саморазрушение «Империи зла».

Тяжёлый итог ельцинского периода заставил В.В. Путина, несмотря на его первоначальное «западничество», открыть новую главу в истории России. Впечатляющее восстановление экономики облегчило укрепление «вертикали власти», что неотделимо от восстановления международного веса страны. На этой основе Путин стремился примирить кооперативный дух начала 1990 гг. и строгость в отстаивании российских интересов. На первый план среди приоритетов вышло постсоветское пространство, а к его удачам на западном направлении автор относит активную поддержку США в борьбе против талибов, подключение к G7, возобновление сотрудничества с НАТО в новом формате (20 вместо 19+1), принятие плана строительства четырех общих пространств с ЕС. Последующее охлаждение автор объясняет реакцией на политику Запада, затрагивающего чувствительные интересы Москвы: выход США из Договора по ПРО и движение НАТО на восток. Вместе с тем, как отмечает автор, Москва избегала прямого разрыва с Вашингтоном. Например, её позиция в иракском кризисе 2003 г. совпадала с мнением Парижа и Берлина: осуждая военную интервенцию, никто из них не желал поражения США.

Характерно, что несмотря на то что в период с 2001 по 2003–2004 гг. во внешней политике Москвы постфактум можно разглядеть явную тенденцию нарастающего противодействия *Pax Americana*, текст Рубинского сконцентрирован на преемственности от первоначальной идеи солидарности с Западом, скорректированной прагматичным стремлением отстаивать во всех комбинациях собственные интересы и соб-

ственные пути развития. Явный отказ от прозападной парадигмы был впереди, но остаётся вопрос о его причинах. Касаясь перспектив продолжения курса Путина в его втором президентском сроке, Ю. И. Рубинский указал, что «ответ зависит не только от президента, даже не от его страны, но от их партнёров», поскольку попытки решать международные проблемы, затрагивающие интересы России, «без неё или против неё» возродят атмосферу взаимного недоверия и системной конфронтации, которыми прежде были отмечены отношения России и Запада» [Roubinski, 2020: 93].

Четыре года спустя, в начале президентского цикла Д.А. Медведева и после знаменитой Мюнхенской речи В.В. Путина, автор возвращается к теме внешнеполитического выбора. Европейцев волновал вопрос о преемственности политики при новом президенте. Прогноз Ю.И. Рубинского оказался абсолютно точным. Для него преемственность внешней политики при смене президента определялась отсутствием реальной альтернативы избранному курсу, поскольку абсолютными приоритетами оставались суверенитет и безопасность [Roubinski, 2020: 72]. Начавшийся мировой финансовый кризис вывел на первый план продвижение национальных интересов в сфере экономики. Ограниченность ресурсов определяла самоограничение в амбициях: защиту национальных интересов без конфронтации, отказ от бесполезных попыток сравняться с США, быть противовесом США или Запада, соразмерность расходов на модернизацию армии экономическим возможностям, разумную достаточность ядерного арсенала сдерживания. Однако самоограничение оказалось преходящим и соответствовало времени приобщения к глобальному рынку, где правила поведения диктовали те, кто стоял у его истоков.

Экономика, как правило, не является сильной стороной политических аналитиков, несмотря на доказанность определяющей роли экономических факторов в формировании политического курса и дипломатических приоритетов современного государства. Между тем в книге Рубинского экономическому фактору, как важнейшему ресурсу российской власти и одновременно как источнику проблем, отведено значимое место, поскольку первым и главным козырем и одновременно камнем преткновения в отношениях России с Европой было превращение в «энергетическую гипердержаву». К середине 2000 гг. в прямой связи с «оранжевой революцией» на Украине и парламентскими и президентскими выборами в России энергетические интересы России и ЕС стояли в центре обсуждения, поскольку в этой сфере были сосредоточены основные финансовые и политические рычаги российской власти. В то же время роль нефтяной ренты в российском обществе вызывала опасения относительно превращения страны в сырьевой придаток развитых стран. Европейцы в свойственной им манере построения энергетических партнёрств считали естественным полным контроль надо всей энергетической цепочкой – от разведки и производства до распределения конечному потребителю. Российская сторона стремилась вернуть себе контроль не только над добычей, но и над трубопроводными сетями, обеспечить участие в прибылях западных распределительных компаний.

Рост энергетической взаимозависимости между Россией и ЕС был не только благом, но и источником напряжённости. Не менее сложным было сотрудничество-соперничество в энергетических проектах, связывавших Россию и США. Высшая

точка их развития приходится на первые годы правления Дж. Буша-мл., и автор прямо указывает на роль в этом усиленного российско-американского партнёрства против исламского терроризма в период острого кризиса американо-арабских отношений. Каждое из трёх главных направлений энергетической политики России, указанных Рубинским (усиление госконтроля над отраслью, привлечение иностранных инвестиций для строительства трубопроводов как на западе, так и на востоке, проникновение русских капиталов в энергетический сектор постсоветских государств) вызывало негативную реакцию партнёров [Roubinski, 2020: 101]. Российским экспертам постоянно приходилось защищаться от упрёков европейских коллег в использовании «энергетического оружия» для давления на импортёров и транзитные государства Восточной Европы. В то же время развёрнутость российских трубопроводов исключительно на запад создавала обязывающую зависимость от энергетической политики потребителей, которые не скрывали стремления диверсифицировать поставщиков и пути доставки в обход России. Отвечая этим претензиям, следовало показать, что неуступчивость России исходит не из политических, а экономических оснований, поскольку она имеет в сравнении с ближневосточными поставщиками более высокие издержки на добычу и доставку энергоносителей, что требует колоссальных инвестиций для их разработки. К этому добавляется высокая доля внутреннего энергопотребления. Таким образом, Россия не может обойтись без постоянного наращивания производства и продажи энергоносителей, а её экономический рост напрямую связан с неподконтрольным ей мировым рынком.

Почему Россия не может отказаться от имперской политики?

Львиная доля книги посвящена судьбе имперского наследия России, её политике в «ближнем зарубежье» — на огромном пространстве, первоначально объединённом в СНГ. Поведение России здесь вызывало два главных вопроса. На начальном этапе её развития в качестве постсоветского государства, разделившего судьбу бывших республик распавшегося СССР, это был вопрос её способности вписаться в новую, европейскую геополитическую комбинацию. Интегрировать Россию — огромную и веками чуждую сущность на основе конвергенции с Западом можно было только, опираясь на «нормы», т.е. на её отказ от великодержавных амбиций, что казалось разумным из-за качественного снижения экономического, военного и технологического потенциала, гибели большевизма с его универсальной коммунистической миссией. Понятие «нормы», отражаясь эхом от этого запроса, неоднократно всплывает в работах французских аналитиков, посвящённых российской внешней политике от Ельцина к Путину [Обичкина, 2021: 180–191]. Для европейцев было очевидным, что страна, обладавшая в конце 1990-х гг. ВВП, равным показателям Нидерландов, должна была смириться с положением заурядного игрока, направляемого солидарным Западом. Другой вопрос, также поставленный в рамках западной парадигмы — о способности России расстаться с имперской политикой в ближайшем окружении. Он касается не только экзистенциального выбора России, но затрагивает интересы её западных партнёров, оспаривающих влияние на постсоветском пространстве.

Отталкиваясь от понятной любому французскому гуманитария формулы Ж.-Б. Дюрозеля «каждая империя погибнет»¹, российский историк в подробном анализе распада СССР добавляет в духе Толстого: «но каждая погибает по-своему». Разъяснение особенностей российской политики сопровождения этого процесса призвано преодолеть её упрощённое восприятие на Западе. Комплексное изучение его истории, в силу её крайней политизированности, в отечественной историографии долгое время было отложено на будущее, отдано на откуп политикам и политологам. Тем ценнее предпринятый Ю.И. Рубинским исторический труд по осмыслению недавнего прошлого, построенный на универсальных методологических принципах исторической науки, благодаря которым распад СССР органично вписан в глобальную историю – во всемирный процесс деколонизации, что идёт вразрез с мнением о решающей роли в нём националистически настроенных элит бывших союзных республик. Исходный посыл Ю.И. Рубинского состоит в том, что главным фактором распада СССР был крах самой советской системы, слабая экономическая эффективность которой не позволила режиму справиться с грузом внутренних проблем и множасьихся международных обязательств, ответить на военно-технологический вызов Запада. Я бы ещё добавила к этому, что советская «империя» держалась на уникальной модели «государства-партии», и одряхлевший идеологический скелет, на протяжении 70 лет цементирующий многонациональное единство, рассыпавшись, вызвал смерть всего организма.

В то же время крайне важна мысль автора об органичных истоках и вызревавших длительное время предпосылках националистического взрыва в союзных республиках в конце 1980-х гг. Он указывает, что движение за национальное самоопределение колониально зависимых народов, с начала 1950-х гг. активно поддержанное и использованное Москвой для ослабления мирового капитализма, «не могло остановиться на границах СССР» [Roubinski, 2020: 128], отчего в момент крушения советского режима партийной номенклатуре в национальных республиках потребовалось срочно «переодеться в национальные одежды», чтобы остаться у власти. С политической точки зрения сравнительно безболезненную смену власти обеспечивал союз реформаторов из советской номенклатуры и российских либералов с умеренными националистами на местах. На начальном этапе (в начале 1990-х гг.) второй за XX в. распад империи в России не повторил кровавой истории первого, в первую очередь, потому что его главной движущей силой стала сама метрополия. Создание СНГ помогло избежать хаоса и войн, подобных тем, которые сопровождали гибель великих империй прошлого, в том числе французской. Эти обстоятельства определили характер «развода»: добровольного со стороны России, поскольку либеральные реформаторы первой волны в своём стремлении на Запад видели в бывших азиатских окраинах, менее развитых и склонявшихся к авторитарному правлению, главное препятствие на пути рыночных реформ и демократии в России. Убеждение, что путь совместного развития потребовал бы отвлечения огромных средств, необходимых для модернизации самой России, на поддержание бывших окраин, дополнялось уве-

¹ Отсылка к классической книге Ж.-Б. Дюрозеля (Duroselle J.-B. Tout Empire périt. Théorie des relations internationales / J.-B. Duroselle. Paris : Armand Collin, 1992. 346 p.).

ренностью в безальтернативности сохранения их связи с Москвой. Эти расчёты в краткосрочной перспективе оказались верными, главным образом, из-за первоначально слабой заинтересованности внешних игроков в проблемных экономиках бывших союзных республик Азии и Кавказа.

В среднесрочной перспективе центробежные процессы, сопровождавшие становление новых независимых государств, ускорились: поиск ими собственной идентичности, источников развития и внешних партнёров, и, как одно из следствий, – дискриминация на местах и массовый исход русского населения. История взаимоотношений между новыми независимыми государствами в рамках СНГ и вне их, также как их отношений с Россией освещена в книге во всех подробностях. Этим сюжетам посвящена львиная доля текста, центральная часть, озаглавленная «После СССР». Здесь хотелось бы остановиться на двух главных вопросах, связанных с политикой России на постсоветском пространстве и определивших характер её нынешних отношений с Западом: сохранение её «имперских» амбиций в ближнем зарубежье; поиск формулы отношений с Западом в обеспечении российских интересов в условиях постсоветской реорганизации региона.

Ю.И. Рубинский показывает, что выдвижение СНГ на первое место среди внешнеполитических приоритетов Москвы имело глубокие причины, органичные новой российской геополитике, учитывающей изменения международного контекста, прежде всего, в области безопасности. Победитель выборов 2000 г. В.В. Путин видел в СНГ, прежде всего, расширенное пространство безопасности: на востоке – перед лицом сильного Китая, на юге – из-за роста исламистской угрозы, а на западе – из-за расширения НАТО. Не менее важным, как отметил автор, являлся рост встречного интереса к усиленному сотрудничеству с Россией со стороны ряда стран СНГ, наиболее зависимых от неё в финансовой, энергетической и военной областях. В то же время разновекторность интересов участников СНГ, асимметрия их отношений с бывшей метрополией при недостатке экономического потенциала самой России препятствовали становлению СНГ в качестве жизнеспособной интеграционной матрицы, способной умножить потенциал его членов. Возможные финансовые и технологические «спонсоры» их модернизации находились за его пределами. От этого более узкие форматы сотрудничества, а в ещё большей степени – двусторонние договоры, направленные на поддержание прежних связей и реализацию взаимных интересов, были предпочтительнее объединения двенадцати стран СНГ.

Российские интересы в Центральной Азии: возможность игры с положительной суммой

Заслуживает особого внимания также диверсификация методологических подходов в анализе различных географических направлений политики России на разнородном постсоветском пространстве, в первую очередь, два самых острых досе, посвящённых отношениям с Украиной и политике в Центральной Азии. Речь идет о защите интересов России в начале 2000-х гг. в регионе, который стал центром «большой игры» планетарного масштаба. Помимо России, в ней участвовали Китай и США, в геополитике которых он фигурирует под названием «Большой Ближний

Восток». Нестабильность, изменчивость соотношения сил в регионе не допускают статичного подхода в затверделых категориях «вечных» интересов и «исторических прав», отчего автор берёт на вооружение методы анализа и прогнозирования, соответствующие динамике игры. Им предложен горизонтальный срез, с детальным анализом интересов и политических комбинаций с участием России и США в тот момент, когда отношения между ними подошли к развилке, от которой отходили два пути: кооперативный и конфронтационный. Первый был продиктован здравой оценкой соотношения сил. По мнению Ю.И. Рубинского, «Россия отдаёт себе отчёт в ограниченности своих возможностей, которые уже не те, что были при СССР. Поэтому она предпочитает компромисс бесплодному и разорительному противостоянию, допуская, что может делить влияние в своей “заповедной зоне”» [Roubinski, 2020: 410]. Читателю предоставлена возможность посмотреть начальную партию игры, заранее зная результат. Но тем интереснее заглянуть в расчёты игроков. Пользуясь этой метафорой, Ю.И. Рубинский предлагает выйти за рамки анализа в привычной логике игры с нулевой суммой, в которой выигрыш одного означает проигрыш другого. Автор видит иные комбинации в соответствии с перспективами, которыми открылись вследствие окончания холодной войны и теракта 11 сентября. Это было время, когда на Западе ожидали конфликта интересов России и Китая, а главным политическим игроком считали США. В Москве тогда не определились с приоритетным стратегическим партнёром, но желали, чтобы им был Запад при условии, что партнёрство будет равноправным.

В Кремле рассчитывали, что нарастание противоречий с Китаем и «малыми» игроками в регионе прижимает Запад к тесному партнёрству с Россией. Несмотря на возражения в связи с расширением НАТО на восток, абсолютным приоритетом безопасности была борьба с международным терроризмом. России западные силы отводили второстепенную роль в «большой игре» в Центральной Азии, поскольку зеркально полагали, что потенциальный конфликт интересов с Китаем на Дальнем Востоке и в Центральной Азии ослабляет её позиции, что снижало мотивацию к компромиссам, к соблюдению российских интересов. Между тем, итог «большой игры» мог быть сведён с положительной суммой [Roubinski, 2020: 404]. Новые независимые государства, граничащие с Афганистаном, не могли самостоятельно отразить вооружённое наступление исламских экстремистов, а сами Соединённые штаты не хотели отвлекать ресурсы от приоритетного – ближневосточного направления. В тех условиях полное вытеснение России из Центральной Азии не входило в планы США, которые предпочитали найти там способ сосуществования с Россией. В свою очередь, Москва стремилась продемонстрировать незыблемость своих интересов активизацией усилий по военной (ОДКБ) и экономической (Евразийское экономическое сообщество) интеграции, приуроченных, как отмечает автор, к официальному визиту Дж. Буша-мл. в Москву в мае 2002 г. Имплиcitное «послание» Москвы в итоге определило дальнейшее развитие игры. Подобное сопоставление, казалось бы, разнородных событий является «фирменной» чертой Ю.И. Рубинского – аналитика, поскольку позволяет из частных случаев создать целостную картину, не всегда очевидную для наблюдателя с более узким горизонтом. С одной стороны, отношения России и США в регионе не сводились к простому балансу «выиграв-

ший – проигравший». С другой стороны, Россия превратилась в ключевого игрока в деле безопасности региона, а географические границы, в которых она обеспечивает свою безопасность на южном фланге, существенно шире, чем постсоветское пространство. Таким образом, «большая игра» отошла от первоначальных правил, как предсказано в одном из сценариев, рассмотренных Ю.И. Рубинским. В то же время продолжение сотрудничества вокруг Афганистана не отменило главного, расходящегося вектора отношений России с Западом, которые на прочих направлениях всё более тяготели к игре с нулевой суммой. В те годы она уже была обозначена активным военным сотрудничеством США с Грузией, и усилившаяся борьба за постсоветское пространство определялась не столько соотношением сил между Москвой и солидарным Западом, сколько, совместимостью перспектив развития новых независимых государств с выбором самой России.

Геополитика на службе геоэкономики: «трубопроводная война» как источник развода с Украиной

Острейший кризис европейской безопасности 2021–2022 гг., эпицентром которого стали российско-украинские противоречия, заставляет задуматься о его истоках, потому что упрощением было бы сводить его к расходящимся векторам постсоветского развития двух стран или к более конкретной причине – воссоединению Крыма с Россией в 2014 г. С политической точки зрения его зарождение вписывается в столкновение двух расходящихся геополитик: российской, заинтересованной в совместном развитии и усилении интеграции, и украинской, выбравшей западный путь развития, – выбор, психологически неприемлемый для российской элиты. Однако это объяснение не может быть исчерпывающим, так же как не объясняет оно и крайнюю степень вовлечённости Запада в это досье. Ключ к разгадке Ю.И. Рубинский видит в геоэкономике¹. Он исследует энергетические интересы, лежавшие в основе российско-украинских трений в связи с первым конфликтом вокруг цены на газ между «Газпромом» и «Нафтогазом» в январе 2006 г. через отношения в «треугольнике», третьей вершиной которого является ЕС. Несмотря на быстрое разрешение на путях компромисса тот конфликт был воспринят в Брюсселе очень остро, поскольку затрагивал энергетическую безопасность ЕС, и экономические трения в газовой области стали постоянным раздражителем в отношениях России как с Украиной, так и с другими транзитными странами и одновременно потребителями из Восточной Европы, а также источником тревоги в странах ЕС, треть газowych потребностей которого обеспечивается Россией. Мотивы ужесточения ценовой политики «Газпрома» автор видит в экономике. Это потребность в модернизации изношенной трубопроводной системы «Газпрома» – главной артерии, питавшей российский бюджет, что требовало инвестиций, в разы превосходивших возможности страны. Ю.И. Рубинский приводит астрономическую сумму, равную трём ВВП

¹ Под геоэкономикой понимается экономическая стратегия государства, поставленная на службу геополитическим интересам (Luttwak E. From Geopolitics to Geoeconomics. Logics of Conflict, Grammar of Commerce. *The National Interest*, summer 1990).

России [Roubinski, 2020: 341], которая не могла позволить себе льготные цены на газ для восточноевропейских транзитёров.

Главной в этой цепи была Украина, которой был предложен выбор: согласиться с рыночной ценой на газ, отказавшись от прежних привилегий, или подчинить национальные газораспределительные сети «Газпрому», а также вступить в Евразийский экономический союз. Поскольку укрепление суверенитета в глазах Киева исключало энергетическую интеграцию с Россией, особенно после «оранжевой революции», команда Ющенко перевела газовый вопрос в стратегическую плоскость, причём, в самой чувствительной точке, связав рост цены на российский газ с ценой аренды Севастополя. Для ЕС заинтересованность в собственной энергетической безопасности одновременно и повышала стремление к созданию общего энергетического пространства с Россией, и требовала сдерживания давления «Газпрома» на транзитёров. Частный вопрос о цене газовых поставок, таким образом, вышел за рамки двусторонних экономических разногласий и грозил отравить общий климат отношений России, стран общего соседства и ЕС.

Выход на путях гармонизации энергетических интересов в то время виделся автору в духе исторической формулы Эдгара Фора «независимость во взаимозависимости», что позволило бы избежать повторения газовых кризисов. Поскольку этот сценарий не удался, кризисы эти неоднократно повторялись. То, что газовый кран в разгар зимы перекрывала Россия, порождало у европейцев представление об использовании энергетического шантажа и привело к ускорению сближения Украины с ЕС и НАТО, прочертив «красную линию» между Россией и Западом. Украина не станет «мостом между Россией и Западом», а, как предсказал автор, «к своему несчастью, превратится в поле столкновения между ними» [Roubinski, 2020: 381]. Написанное сразу после прихода к власти Ющенко в 2004 г., сбылось в 2013 г. Украинский вопрос стал показателем общего ухудшения отношений России с Западом и параллельной смены геополитических ориентиров самой России. Её причинам и содержанию в книге Ю.И. Рубинского посвящена отдельная часть: «Двуглавый орёл».

Геополитический разлом в новой парадигме международного развития

Два практически одновременных события весной-летом 1997 г. – подписание Основопологающего акта отношений между Россией и НАТО и решение Атлантического совета о приглашении в НАТО трёх первых кандидатов из Восточной Европы стали поводом для размышлений о будущем европейской безопасности. Ю.И. Рубинский отметил, что ими открыт новый этап в создании системы коллективной безопасности в Европе, требующей от руководителей США, России и европейских стран «ответственности, мудрости и воображения» [Roubinski, 2020: 436]. Возникает вопрос о причине столь болезненной реакции России на расширение. Камнем преткновения Ю.И. Рубинский считает отказ России от предложенного Западом ограничения государственного суверенитета. Добровольно согласившись делегировать его атрибуты Брюсселю, члены ЕС и НАТО закрепили за собой право на «ту-

манитарное вмешательство» в третьих странах в случае, если там грубо нарушаются права человека. На фоне начала военной операции в Чечне приближение Альянса к границам России развязало самый серьёзный кризис доверия между Россией и НАТО, тем более острый, что Москва не имела средств ему сопротивляться. Автор предсказывал, что это сделало неотвратимым начало новой холодной войны. Снизить издержки от расширения для России мог статус «привилегированного партнёра» НАТО, который бы обеспечил тесное сотрудничество и прозрачность в сфере безопасности. Параллельно Россия стремилась усилить роль ОБСЕ и была заинтересована в усилении европейской оборонной идентичности в опоре на Западноевропейский союз, вне американской опеки. Огромный дипломатический опыт автора не позволял ему увлечься мечтами, что не мешало адресовать европейским читателям предупреждение об опасности строить отношения с Россией как с побеждённой в холодной войне державой, поскольку «победители и побеждённые могут, как это неоднократно было в XX в., поменяться местами» [Roubinski, 2020: 457].

Неудача «разделённой мечты» в треугольнике Россия – Турция – ЕС

В становлении новой мировой иерархии особое значение приобретают различные комбинации центров силы. Мне уже приходилось говорить о методологическом вкладе Ю. И. Рубинского в изучение франко-российских отношений в историческом европейском треугольнике Париж – Берлин (Бонн) – Москва [Обичкина, 2020: 191–201]. Наряду с этим, в книге подробно рассмотрена многовековая история большого евро-азиатского «треугольника» Россия – Турция – Западная Европа. Россию и Турцию роднит пограничное положение между Европой и Азией, так же как острота вопроса о выборе идентичности между вестернизацией и автохтонным развитием и, следовательно, нерешённый вопрос о принадлежности европейской семье. В обеих странах источник модернизации видели, прежде всего, на Западе, и «разделённая мечта» сблизиться с европейским полюсом развития стала стержнем эссе. Поводом для его написания стало включение Турции в лист ожидания на вступление в ЕС в декабре 1999 г.

В этой связи автора интересует вопрос о том, где кончаются границы Европы? Он волновал как «западников» в России, так и европейцев – противников приёма Турции, прежде всего, во Франции. Сразу же возникал вопрос о том, почему в качестве кандидатов рассматривалась не Россия или Украина, а мусульманская Турция. Автор скептически относился к возможности интеграции в ЕС Турции, так же как России или Украины при жизни этого поколения, но считал, что Россия и Турция могли бы, каждая по-своему, стать мостиками между Европой и регионами Азии через Ближний Восток, Центральную Азию и Кавказ, если отношения на этих пространствах будут развиваться в логике сотрудничества, а не соперничества. Вместе с тем, он указал на вероятность, что диалог Запада с Россией с позиции силы может, как это неоднократно бывало в истории, вернуть Турции былое значение в антироссийском фронте. Последующий опыт показал, что отношения с ЕС у Турции и России развивались в иной логике, в намеченной, но не утвердившейся ещё

парадигме расходящегося геополитического, если не цивилизационного, развития. Двойной отказ от «европейской мечты» двух евро-азиатских держав стёр инклюзивные силовые линии в «треугольнике». Последствия были предсказаны Ю.И. Рубинским около двадцати лет назад: «всякое решение, оставляющее одну или другую страну в роли маргинала или выталкивающее их из Европы, будет означать конец амбициозным стремлениям европейцев превратить когда-нибудь свой Союз в настоящий центр силы» [Roubinski, 2020: 634].

Каждая книга после публикации из высказывания превращается в предмет изучения. На первый взгляд, в этом издании читателю не хватает датировки вошедших в неё публикаций, но, видимо, это не упущение, а замысел. Высказывание в реальном времени теряет преходящий характер и, лишённое налёта злободневности, выводится на более высокий уровень актуальности. Умение историка устанавливать причинно-следственные связи в двух перспективах – горизонтальной, в которой можно понять, почему события, происходящие в одной части мира, отзываются в других, и ретроспективной, позволяющей рассмотреть процесс в динамике, дает возможность выстроить сценарии последующего развития в новой системе координат, намеченной в книге пунктиром. Резкое обострение дискуссии России и Запада по вопросам европейской безопасности в связи с украинской проблемой с осени 2021 г., как и общий тренд расходящегося движения России и стран НАТО диссонируют с общей идеей европейской общности, отстаиваемой Ю.И. Рубинским. Однако то, что послание современникам и будущим поколениям не воспринято в тот момент, когда у автора возникла потребность его сформулировать, не означает тщетности усилия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Рубинский Ю.И. (2018) Приметы времени. В 3-х т. Институт Европы РАН, Москва.
- Обичкина Е.О. (2020) Связь времён через “приметы времени”: о методологии исторического анализа настоящего. *Современная Европа*, № 1. С. 191–201.
- Обичкина Е.О. (2021) Россия и мир в зеркале французских исследований: наблюдение за наблюдателями. Е.О. Обичкина. Текст: непосредственный. *Полис*, № 2. С. 180–191.
- Duroselle J.-B. (1992) Tout Empire périt. Théorie des relations internationales / J.-B. Duroselle. Paris : Armand Collin, 346 p.
- Luttwak E. (1990) From Geopolitics to Geoeconomics. Logics of Conflict, Grammar of Commerce. *The National Interest*, summer 1990.
- Roubinski Yu.I. (2020) Les signes du temps. Pour le compte du Globe, Paris. 781 p.

How to Understand Russia: a View from the Failed Future

Е.О. Obichkina*

Doctor of Science (History)

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. 76, Vernadskogo prospect, Moscow, Russia, 119454.

***E-mail:** obitchkina@mail.ru

Abstract. Foreign publications of Russian historians-specialists in country studies are a special genre of scientific research. They are designed to address pressing issues that are in the focus of attention of foreign audience and connected to Russia. The collection of publications on France by one of the best Russian specialists of French history Yu. Rubinsky, written mostly in 1997-2000s, is devoted to the topic of European future of Russia. The author employs a wide array of history-political analysis methods in order to overcome prejudice and stereotypical understanding of Russian foreign policy interests. He believes that the roots of the crisis in the tri-lateral relationship of Russia – Ukraine – West lie within clashing political and energy interests. The fall of USSR is positioned as part of the global dissolution of colonial empires. Possible cooperation of Russia and USA in Central Asia is considered in the context of the Big game. Ideas of Yu. Rubinsky are based on his understanding of European perspective, which is not very different from the views of French scholars. The core of them is coexistence of European union (unlike North Atlantic Alliance) and Russia in accordance with the pragmatic harmonization of economical, energy interests and common security space.

Keywords: “Russian question”, the foreign policy of Russia, the concept of sovereignty, Russia and the West, Russia's policy in Central Asia, conflict of energy interests of Russia–Ukraine–EU, Russia–Turkey–Europe.

DOI: 10.31857/S0201708322030147

EDN: GHAUGI

REFERENCES

- Duroselle J.-B. (1992) *Tout Empire périra. Théorie des relations internationales* / J.-B. Duroselle. Paris : Armand Collin, 346 p.
- Luttwak E. (1990) From Geopolitics to Geoeconomics. Logics of Conflict, Grammar of Commerce. *The National Interest*, summer 1990.
- Obichkina E.O. (2020) *Cvyaz' vremyon cherez “primety vremeni”*: o metodologii istoricheskogo analiza nastoyashchego [The connection of times through “signs of time”: on the methodology of the historical analysis of the present]. *Sovremennaya Evropa*, No 1, pp. 191–201. (in Russian).
- Obichkina E.O. (2021) *Rossiya i mir v zerkale francuzskih issledovaniy: nablyu-denie za nablyudatelyami* [Russia and the World in the Mirror of French Studies: observation of observers]. E.O. Obichkina. *Tekst: neposredstvennyj. Polis*, No 2, pp. 180–191. (in Russian).
- Rubinski, Yu.I. (2018) *Primety vremeni* [Sings of times], Institute of Europe RAN, Moscow, Russia. (in Russian).
- Roubinski Yu.I. (2020) *Les signes du temps* [Sings of times]. Pour le compte du Globe, Paris. 781 p.

УДК 327

ИНСТИТУТ ВЫСОКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ КАК ВЫЗОВ РАЗВИТИЮ СОВРЕМЕННОЙ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

© 2022 **ЕРЁМИН Денис Павлович***

Отдел Черноморско-Средиземноморских исследований

Институт Европы РАН. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3.

***E-mail:** *eremindp1994@gmail.com*

Поступила в редакцию 17.02.2022

После доработки 12.03.2022

Принята к публикации 15.03.2022

Аннотация. В статье рассмотрена эволюция Администрации Высокого представителя (АВП) по Боснии и Герцеговине (БиГ) в орган исполнительной власти. Данный процесс обусловлен не мирным урегулированием, а стремлением ряда внешних сил к интеграции БиГ в евроатлантические структуры. С этой целью Совет по выполнению Мирного соглашения (СВМС), правопреемник Международной конференции по бывшей Югославии (МКБЮ), наделил Высокого представителя «боннскими полномочиями», превратив АВП в орган внешнего управления, что сомнительно с точки зрения международного права. Наиболее активное использование «боннских полномочий» пришлось на первые 10 лет существования Дейтонской БиГ. Их ограниченное использование с середины 2000-х гг. обусловлено изменением ситуации в регионе и обострением международных отношений. Смена элит и приход к власти в 2006 г. в Республике Сербской правительства М. Додика позволили республике заблокировать процесс централизации БиГ на фоне референдумов о независимости в Черногории и самопровозглашенной «Республике Косово». В данном вопросе РС пользуется поддержкой РФ, так как централизация БиГ предполагает вступление не только в ЕС, но и в НАТО. Это объясняет интерес России сохранить Дейтонский status quo и упразднить наднациональную структуру управления в БиГ. Актуальность темы также обусловлена обострением политической обстановки в Боснии: в ходе бойкота работы федеральных органов власти сербскими политиками, боснийские и хорватские представители приняли антироссийскую резолюцию, при этом на октябрь 2022 г. запланированы всеобщие выборы. Данные события предопределяют критическую важность анализа эволюции АВП и ее деятельности. Методологическую основу работы составил историко-генетический метод как наиболее соответствующий принципу историзма.

Ключевые слова: Босния и Герцеговина, Дейтонские соглашения, политическая система, Высокий представитель, европейская интеграция, ЕС, НАТО.

DOI: 10.31857/S0201708322030159

EDN: GHREJW

Становление и эволюция наднациональной структуры управления в БиГ

Ход мировых событий поместил Балканы в перекрестье интересов великих держав [Волков, 2004: 75]. Сегодня в регионе непосредственно присутствуют пять внешних игроков: ЕС, США, Россия, Турция и Китай [Энтина, 2015: 42]. Окончание холодной войны и распад Югославии предопределили включение Балкан в сферу влияния коллективного Запада, прежде всего Европейского союза, для которого Балканы – замыкающее звено в системе безопасности, а также направление системной конфронтации с Россией [Энтина, 2018: 193]. На данный момент только ЕС предлагает Балканам комплексную программу развития¹, однако завершение евроинтеграции региона невозможно без включения в этот процесс Боснии и Герцеговины, искусственного образования [Пономарева, 2011: 72–74], функционирование которого обеспечивает, определяет и направляет наднациональная структура управления, претерпевшая определенную эволюцию на рубеже XX–XXI вв.

Политическая система БиГ создана соглашениями в Дейтоне 1995 г., включавшими «Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине» (11 статей) и еще 19 документов, преимущественно приложений. Они определили облик новой, послевоенной Боснии уже в качестве формально независимого государства.

Де-факто Дейтонские соглашения представляли собой решение всех «жизненно важных вопросов» для всех народов страны международными структурами [Bildt, 1998: 139]. Одним из приложений являлась конституция послевоенной Боснии. Дейтонская конституция стала компромиссом, согласовавшим основные требования конфликтовавших боснийских сторон, что позволило обеспечить мир, однако ее текст на референдум не выносился, одобрения населения она не получила [Сидоренко, 2009: 393]. Таким образом, конституция изначально носила недемократический характер, так как народы БиГ в принципе не стремились к совместному проживанию в рамках единого государства.

Дейтонские соглашения предусматривали период «гражданской имплементации», т. е. перехода от структур военного времени к новым органам власти, предусмотренным Дейтонской конституцией. Предполагалось сохранение созданных в ходе кризиса Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской в качестве особых административных единиц – энтитетов², наделенных весьма широкими полномочиями.

Отдельное место занимал институт Высокого представителя (ВП): должность была учреждена в соответствии с «Соглашением об осуществлении гражданских

¹ См. подробнее: [Кандель, 2021].

² General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina (Dayton Agreement). URL: <https://peacemaker.un.org/bosniadaytonagreement95> (дата обращения: 23.01.2021)

аспектов мирного урегулирования» (приложение 10¹). Согласно документу², Высокий представитель – особое должностное лицо, основной задачей которого было облегчение гражданских аспектов урегулирования путем координации деятельности организаций и учреждений. В обязанности ВП входило, прежде всего, участвовать во встречах с организациями-донорами, особенно по вопросам восстановления. Непременным условием финансирования послевоенной реконструкции обозначалось выполнение основными политическими силами положений Дейтонских соглашений.

Дейтонские соглашения, во-первых, наделяли ВП правом «давать рекомендации» гражданским организациям и учреждениям (можно понимать, что и органам управления Боснии и Герцеговины) по их действиям для мирного урегулирования, во-вторых – полномочиями действовать от имени государства Боснии и Герцеговины (население БиГ ни прямо, ни косвенно не имело отношения к процедуре выбора и назначения ВП), в-третьих – право выносить «окончательное решение на месте в отношении толкования «Соглашения об осуществлении гражданских аспектов мирного урегулирования» [Барабанов, 2018: 103–104].

Таким образом, приложение 10 Дейтонских соглашений заключало в себе потенциал постепенной ревизии, а значит, процесс трансформации института ВП по БиГ становился вопросом времени: эволюция института ВП из особого должностного лица, осуществляющего контроль и координацию мирных аспектов урегулирования, в исполнительный орган власти БиГ произошла уже на протяжении мандата первого ВП – Карла Бильдта [Энгельгардт, 2015: 145]. Эта трансформация была юридически закреплена в Заключении Боннско-Петерсбергского заседания (PIC Bonn Conclusions)³ Совета по выполнению Мирного соглашения (СВМС, Peace Implementation Council): прежние полномочия ВП были не только подтверждены, но и значительно расширены.

СВМС, в состав которого была включена Международная конференция по бывшей Югославии, был создан в декабре 1995 г. решением Лондонской конференции по выполнению Мирного соглашения [Барабанов, 2018: 104].

Именно в руках Руководящего Совета СВМС оказались реальные рычаги принятия решений по гражданским и политическим аспектам мирного урегулирования [Барабанов, 2018: 106]. Необходимо отметить, что деятельность СВМС, возложившего на себя полномочия по разработке указаний для ВП и определению его полномочий, сомнительна с точки зрения международного права. Дейтонские соглашения не предусматривали СВМС и его Руководящий Совет в качестве механизма реализации указаний. СВМС легитимизировался как правопреемник МКБЮ, что отражено в Заключении Лондонской конференции по выполнению Мирного со-

¹ General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina.

² Там же.

³ PIC Bonn Conclusions. PIC Main Meeting Bonn. 12/10/1997. URL: <http://www.ohr.int/pic-bonn-conclusions/> (дата обращения: 23.01.2021)

глашения¹ и резолюции 1031 СБ ООН². Необходимо подчеркнуть, что МКБЮ не была уполномочена принимать решения по вопросам урегулирования: окончательные решения мог принимать только Совет Безопасности ООН. Так, Дейтонские соглашения предусматривали, что именно СБ ООН будет осуществлять назначение ВП³. Постепенно была сформирована следующая практика назначения на данную должность: РС СБМС предлагал кандидатуру, а СБ ООН ее утверждал специальной резолюцией.

Участники урегулирования предполагали временный характер деятельности наднациональных структур в управлении БиГ, однако уже в первые послевоенные годы дисфункциональный характер общепоснийских государственных учреждений [Holbrooke, 1999: 352] свидетельствовал о том, что в Дейтоне не было достигнуто реальное примирение национальных общин. Дейтонская БиГ представляла собой вынужденное сосуществование в недавнем прошлом воевавших друг против друга народов. Таким образом, ожидать каких бы то ни было положительных результатов от «процесса примирения» было сложно. Вместе с тем недосказанности Дейтонских соглашений обеспечивали свободу маневра «международному сообществу». Так, Дейтонской конституцией четко не оговаривалось, является ли БиГ федерацией или конфедерацией. Непосредственно Дейтонские соглашения предполагали технический характер должности ВП, однако, необходимо отметить, что ими не был определен порядок оценки выполнения положений мирного соглашения и роли ВП в этом процессе.

Полномочия ВП были вновь расширены решением заседания СБМС в Мадриде 16 декабря 1998 г.⁴ Отдельного внимания и анализа заслуживает деятельность на посту ВП по БиГ Вольфганга Петрича. Он инициировал целый ряд поправок в конституционное законодательство энтитетов БиГ, направленных на фактическое ограничение их автономии.

Процесс укрепления общепоснийских институтов власти за счет ослабления энтитетов был продолжен преемником В. Петрича – лордом Пэдди Эшдауном. П. Эшдаун наиболее активно использовал «боннские полномочия» как при отстранении должностных лиц, особенно в РС, так и при издании указов. По инициативе П. Эшдауна была проведена реформа конституционного устройства БиГ и ФБиГ с РС как ее составных частей [Энгельгардт, 2015: 211–217]. Реформа предопределяла качественное расширение полномочий центральных органов власти за счёт энтитетов. Другим результатом П. Эшдауна на посту ВП стало принуждение властей РС официально признать ответственность сербской стороны за массовые убийства в Сребренице [Энгельгардт, 2015: 214]. Серия политических скандалов позволила

¹ PIC London Conclusions. Conclusions of the Peace Implementation Conference Held At Lancaster House London. 12/08/1995. URL: <http://www.ohr.int/pic-london-conclusions-6/> (дата обращения: 23.01.2021)

² Резолюция СБ ООН. S/RES/1031(1995).

³ General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina.

⁴ PIC Madrid Declaration. PIC Main Meeting Madrid. 12/16/1998. URL: <http://www.ohr.int/pic-madrid-declaration/> (дата обращения: 23.01.2021)

П. Эшдауну сломить сопротивление руководства РС и инициировать реформу полиции. Таким образом, на практике права энтитетов как автономных субъектов политической системы БиГ были значительно ограничены.

Отдельного рассмотрения заслуживает инициированная Администрацией ВП (АВП) военная реформа, предполагавшая создание единых вооруженных сил и общегосударственного министерства обороны¹, а также реформа спецслужб².

После П. Эшдауна АВП возглавил Кристиан Шварц-Шиллинг, предпочитавший прямому использованию своих полномочий самостоятельное соглашение боснийских сторон³. Попытка К. Шварц-Шиллинга реформировать конституционное законодательство без использования «боннских полномочий» потерпела неудачу, и внести очередной пакет поправок в конституционное законодательство не удалось⁴. Весьма показательно, что мандат ВП, воздерживавшегося от прямого вмешательства в вопросы политической жизни БиГ, оказался весьма непродолжительным – чуть более полугода. К. Шварц-Шиллинг подвергался критике и обвинениям в политической слабости⁵, тогда как силовая политика его предшественника высоко оценивалась СВМС.

Данную ситуацию можно объяснить тем, что самостоятельное соглашение боснийских сторон по ряду ключевых вопросов оказалось малореальным: для подавляющего большинства населения страны национальная идентичность оставалась первичной по отношению к гражданской, что входит в принципиальное противоречие с концепцией «гражданской» БиГ. Политические партии остаются разделенными прежде всего по национальному, а не политико-идеологическому принципу [Романенко, 2015: 162]. Их настоящее, прошлое и будущее в БиГ напрямую связано с проведением национально-ориентированной политики, так как она представляет собой ресурс выживания для каждой общины. Именно поэтому характер взаимоотношений ведущих национальных партий спустя практически 27 лет с момента подписания соглашений в Дейтоне оставался конфронтационным. В этих условиях АВП эволюционировала в наднациональную структуру управления, которая позволяет «международному сообществу» осуществлять политику преобразования стра-

¹ OHR. High Representative Acts to Ensure that Military in BiH Are Under Effective Civilian Control. 04/02/2003. URL: <http://www.ohr.int/high-representative-acts-to-ensure-that-military-in-bih-are-under-effective-civilian-control/> (дата обращения: 23.01.2021)

² 25th Report by the High Representative for Implementation of the Peace Agreement to the Secretary-General of the United Nations. 03.03.2004. URL: <http://www.ohr.int/25th-report-by-the-high-representative-for-implementation-of-the-peace-agreement-to-the-secretary-general-of-the-united-nations-4/> (дата обращения: 23.01.2021)

³ Interview: Christian Schwarz-Schilling, High Representative for BiH: “I WON’T IMPOSE LAWS”. 02/06/2006. URL: <http://www.ohr.int/interview-christian-schwarz-schilling-high-representative-for-bih-i-wont-impose-laws/> (дата обращения: 23.01.2021)

⁴ OHR. HR/EUSR Comments on HoR Failure to Adopt Constitutional Amendments. 04/27/2006. URL: <http://www.ohr.int/hreusr-comments-on-hor-failure-to-adopt-constitutional-amendments/> (дата обращения: 23.01.2021)

⁵ “Bosnia Cannot Carry Responsibility on its Own” // Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/en/bosnia-cannot-carry-responsibility-on-its-own/a-2648366> (дата обращения: 23.01.2021)

ны в соответствии с концепцией «гражданской» БиГ с целью ее последующей интеграции в евроатлантические структуры.

Весьма показательно, что сломленная В. Петричем и П. Эшдауном Сербская демократическая партия очень быстро утратила свои лидирующие позиции в РС и к власти пришёл Союз независимых социал-демократов (СНСД) во главе с М. Додиком. СНСД стал ведущей политической силой боснийских сербов, а её лидер возглавил сопротивление политике централизации БиГ. М. Додик смог заблокировать реформу полиции, сохранив за РС собственное МВД. Параллельно с этим он начал выстраивать политические и экономические связи с Сербией и РФ, чем обеспечил властям Республики Сербской свободу действий.

19 июня 2007 г. состоялось заседание РС СВМС в г. Сараево: следующим ВП стал Мирослав Лайчак, а завершение деятельности АВП предполагалось 30 июня 2008 г.¹ Однако еще в феврале 2008 г. РС СВМС данное решение было пересмотрено: деятельность АВП не ограничивалась конкретным сроком; свертывание наднациональной структуры определялось рядом условий, позднее оформленных в виде программы «План 5+2»².

При М. Лайчаке 16 июня 2008 г. было подписано Соглашения о стабилизации и ассоциации с ЕС [Пономарева, 2011: 226], несмотря на тот факт, что реформа полиции, ставшая одним из основных условий подписания соглашения³, так и не была до конца реализована. Сменил М. Лайчака австрийский дипломат Валентин Инцко. Приход нового ВП был ознаменован вмешательством «международного сообщества» в политическую жизнь БиГ: в октябре 2009 г. состоялись переговоры в Бутмире [Пономарева, 2011: 228]. Переговоры не имели успеха⁴. Тем не менее БиГ подала официальную заявку на предоставление Плана действие по членству в НАТО и уже 23 апреля 2010 г. стала официальным кандидатом на вступление в Альянс. Таким образом, нельзя не согласиться с утверждением, что переговоры в Бутмире стали этапом евроатлантической интеграции БиГ, предполагающей ее дальнейшую централизацию [Пономарева, 2011: 228–230].

Тем не менее В. Инцко аналогично М. Лайчаку и К. Шварц-Шиллингу не использовал свои широкие полномочия напрямую для внесения поправок в законодательство БиГ. Данный факт был обусловлен, во-первых, укреплением политических и экономических позиций Бая Луки, а во-вторых, сменой США внешнеполитических приоритетов: Вашингтон потерял интерес к округу Брчко, военная база в Тузле была закрыта, а американские войска покинули БиГ.

¹ Declaration by the Steering Board of the Peace Implementation Council. 06/19/2007. URL: http://www.ohr.int/ohr_archive/declaration-by-the-steering-board-of-the-peace-implementation-council-3/ (дата обращения: 23.01.2021)

² OHR. Agenda 5+2. URL: <http://www.ohr.int/agenda-52/> (дата обращения: 23.01.2021)

³ Lajčák: Without police reform, the door to the EU will be closed. 21.09.2007. URL: http://www.ohr.int/ohr_archive/lajak-without-police-reform-the-door-to-the-eu-will-be-closed-4/ (дата обращения: 23.01.2021)

⁴ Statement by the HR/EUSR following the end of Butmir talks. 10/21/2009. URL: <http://www.ohr.int/statement-by-the-hreusr-following-the-end-of-butmir-talks/> (дата обращения: 23.01.2021)

Ослабление интереса США к региону и, в частности, к БиГ происходило на фоне проведения референдумов о независимости в Черногории и т. н. «Республике Косово»: референдум в Черногории в РС стали называть прецедентом¹, которым могут воспользоваться для противодействия давлению [Кандель, 2011: 81]. Референдум 2008 г. в Косово укрепил переговорные позиции сербской стороны: в РС стали напрямую увязывать вопрос независимости с ситуацией в Косово². Вероятно, опасения, что руководство РС воспользуется «косовским прецедентом», предопределили усилившееся давление на политические силы БиГ форсировать процесс интеграции в евроатлантические структуры. АВП, формально представляющее «международное сообщество», напрямую угрожала применить «боннские полномочия» в случае, если территориальная целостность БиГ будет поставлена под угрозу.

Деятельность АВП и позиция России

До середины 2000-х гг. АВП пользовалась единогласной поддержкой РС СВМС. Ситуация изменилась в связи с обострением международных отношений и, в частности, эволюцией внешнеполитической линии РФ. Администрация президента Б.Н. Ельцина формулировала внешнюю политику с расчетом на выстраивание стратегического партнерства РФ и США. Однако, при таком подходе, Россию не рассматривали в качестве равнозначного партнера: Запад воспринимал ее как сторону, проигравшую холодную войну [Энтина, 2015: 39], и ее реальное политическое влияние стремились нивелировать. Участие РФ в международных делах признавалось необходимым, но только для того, чтобы легитимизировать и претворить в жизнь решения, которые разрабатывались без ее прямого участия, о чем красноречиво говорит процесс урегулирования Боснийского кризиса³.

Позиция, которую ей определили «западные партнеры», не могла быть и не стала приемлемой для власти и общества в РФ, поэтому взаимоотношения по линии Россия – ЕС – США в первые 20 лет XXI в. преодолели целый ряд «точек бифуркации», таких как «разворот над Атлантикой» Е. М. Примакова в 1999 г., вторжение США в Ирак в 2003 г., расширение НАТО за счет бывших советских республик в 2004 г., кризис в Грузии 2008 г., конфликт в Сирии 2011 г., кризис на Украине 2014 г., а также «Крымская весна» того же года. Краеугольным камнем внешней политики РФ стала идея многополярного мира, в котором особое место должна занимать ООН. Таким образом, внешнеполитическая линия РФ в БиГ является прямым продолжением политики Москвы в Европе, что, в свою очередь, предопределило поддержку властей Республики Сербской.

¹ Prebl: Referendum u Crnoj Gori bi mogao da se koristi kao presedan na Balkanu // Glas Amerike. URL: <https://www.glasamerike.net/a/a-34-2006-05-30-voa15-86803192/739472.html> (дата обращения: 23.01.2021)

² Međunarodna zajednica neće dopustiti referendum u RS // Radio Free Europe / Radio Liberty. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/718555.html> (дата обращения: 23.01.2021)

³ См. подробнее: [Никифоров, 1999].

АВП представляла «международное сообщество» ровно до тех пор, пока РФ стремилась привести свою внешнеполитическую линию к общему знаменателю с США и ЕС, исходя из логики «солидарности». Пока существовала надежда на равноправное сотрудничество (до Мюнхенской речи В.В. Путина в 2007 г.), в России закрывали глаза на силовую политику АВП, переход же к отношениям конфронтационного характера стран-членов РС СБМС не мог не отразиться на АВП.

РФ заинтересована в сохранении status quo, закреплённого в Дейтоне: в таком случае Республика Сербская становится гарантом внеблокового статуса БиГ¹. В свою очередь, это обусловило как давление на ее руководство со стороны США и ЕС, так и на дальнейшую демонизацию Сербии. Именно с этой целью ВП В. Инцко, незадолго до ухода с поста, использовал «боннские полномочия» для внесения поправок в законодательство БиГ, предусматривающих уголовную ответственность за отрицание якобы имевшего место геноцида в Сребренице, спровоцировавших правительственный кризис в БиГ²: для сербской стороны, опирающейся на выводы независимой комиссии³, трактовка событий в Сребренице как геноцида неприемлема.

Вполне логично, что в этих обстоятельствах дальнейшее функционирование АВП противоречит российским интересам в регионе и именно этим объясняется ситуация с назначением Кристиана Шмидта на должность ВП. Кандидатура К. Шмидта не получила единогласного одобрения в РС СБМС⁴. Проблема заключается не в кандидатуре, а в самом институте. РФ заинтересована во внеблоковом статусе БиГ и потому последовательно выступает за ликвидацию АВП. В конце июля 2021 г. СБ ООН был предложен российско-китайский проект резолюции, предусматривающий упразднение АВП в июле 2022 г. и назначение до указанного срока на должность ВП К. Шмидта с оговоркой, что его полномочия будут ограничены и останутся в рамках функций, предусмотренных ранее одобренными СБ ООН документами о мирном урегулировании⁵. Данный проект резолюции одобрения СБ ООН не получил и, таким образом, не получила одобрения кандидатура К. Шмидта.

Предложение РФ об упразднении АВП не нашло и вряд ли найдет понимание в западном мире, однако российская сторона может максимально его дискредитировать и маргинализировать. В этой связи показательно продление мандата Сил ЕС в ноябре 2021 г. Для РФ вопрос продления европейской военной миссии стал эффек-

¹ Два члена боснийского президиума отказались от встречи с Лавровым // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/12/2020/5fd891a49a79471ed0ecd8bba> (дата обращения: 23.01.2021)

² Захарова: выходом из кризиса в БиГ стала бы отмена запрета отрицания геноцида в Сребренице // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/12534997> (дата обращения: 23.01.2021)

³ Почему России важна реабилитация сербов // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/07/25/879493-reabilitatsiya-serbov> (дата обращения: 23.01.2021)

⁴ Посольство РФ: Кристиан Шмидт как Высокий представитель нелегитимен // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/08/23/posolstvo-rf-kristian-shmidt-kak-vysokij-predstavitel-nelegitimen.html> (дата обращения: 23.01.2021)

⁵ Совет Безопасности ООН не поддержал российско-китайскую резолюцию по Боснии и Герцеговине // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11967213> (дата обращения: 23.01.2021)

тивным рычагом влияния¹: российская сторона не позволила выступить К. Шмидту в качестве ВП перед СБ ООН с докладом о ситуации в БиГ², а в тексте резолюции 2604 СБ ООН в принципе отсутствуют упоминания АВП³.

* * *

Текущая ситуация в БиГ красноречиво свидетельствует о мнимой эффективности наднациональной структуры управления и ее результатах: для АВП характерно игнорирование интересов ряда национальных общин, выраженное в последовательной централизации страны с целью ее интеграции в евроатлантические структуры. Вопреки официальным заявлениям, АВП, ставшая инструментом реализации интересов внешних сил, не способствовала мирному урегулированию. БиГ вновь оказалась в центре столкновения интересов великих держав, что способствует дальнейшей эскалации напряженности не только в стране, но и в регионе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барабанов О.А. (2018) Послевоенные формы внешнего вмешательства в кризисные процессы на территории БиГ (1995–2008) и СРЮ (1999–2008), Диссертация кандидата исторических наук, Институт славяноведения РАН, Москва. 461 с.

Волков В.К. (2004) Многострадальный регион: Балканы. *Современная Европа*, № 4. С. 75–93.

Кандель П.Е. (2011) Босния и Герцеговина, ЕС и НАТО. *Вестник МГИМО*, № 1. С. 77–86. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-1-16-77-86>

Кандель П.Е. (2021) Уроки балканского расширения Евросоюза и перспективы отношений Украины с ЕС. <http://ieras.ru/pub/analitika/kandell.pdf> (дата обращения: 23.01.2021).

Никифоров К.В. (1999) Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). Институт славяноведения РАН, Москва. 262 с.

Пономарева Е.Г. (2011) Босния и Герцеговина: государство без государственности. *Вестник МГИМО-Университета*. № 1 (16). С. 72–74.

Пономарева Е.Г. (2011) Ловушки и дилеммы Мирного соглашения, или Какое будущее ждет Боснию и Герцеговину? *Политеиа*, Бр. 2. С. 219–234.

Романенко С.А. (2015) Постъюгославское пространство 1992–2014 гг.: проблемы национального самоопределения и непризнанных государств. *Актуальные проблемы Европы*, № 1. С. 154–171.

Сидоренко А.В. (2009) «Навязанный федерализм» как инструмент конфликто-разрешения. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 6. Вып. 2. С. 391–400.

Энгельгардт Г.Н. (2015) Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.), Диссертация кандидата исторических наук, Институт славяноведения РАН, Москва. 334 с.

¹ Moscow Wins Diplomatic Tussle over Bosnia Peacekeeping Troops // *BalkanInsight*. URL: <https://balkaninsight.com/2021/11/04/moscow-wins-diplomatic-tussle-over-bosnia-peacekeeping-troops/> (дата обращения: 23.01.2021)

² Rusija ušutkala Christana Schmidta // *Deutsche Welle*. URL: <https://www.dw.com/bs/rusija-u%C5%A1utkala-christana-schmidta/a-59704548> (дата обращения: 23.01.2021)

³ Резолюция СБ ООН. S/RES/2604(2021).

- Энтина Е.Г. (2015) Балканы вчера и завтра. *Современная Европа*, № 1. С. 37–45.
- Энтина Е.Г. (2018) Евро-атлантическая интеграция республик бывшей Югославии и российский фактор. *Актуальные проблемы Европы*, № 1. С. 192–208.
- Bildt C. (1998) *Peace Journey: The Struggle for Peace in Bosnia*. Weidenfeld & Nicholson, London, 423 p.
- Holbrooke R. (1999) *To End a War*. Modern Library, New York, 408 p.
- Vukoja I., Sitarski M. (2016) *Bosna i Hercegovina – Federalizam, Ravnopravnost, Održivost: Studija preustroja BiH u cilju osiguravanja institucionalne jednakopravnosti konstitutivnih naroda*. Institut za društvenopolitička istraživanja (IDPI), Mostar. 406 p.

The High Representative Institution as a Challenge to the Development of Modern Bosnia and Herzegovina

D.P. Eremin *

Department of the Black Sea Region and the Mediterranean Studies

Institute of Europe, Russian Academy of Science

11-3, Mokhovaya str., Moscow, Russia, 125009.

***E-mail:** *eremindp1994@gmail.com*

Abstract. The article explores the problem of the evolution of Office of the High Representative (OHR) into executive power of Bosnia and Herzegovina (BiH). The author argues that this process is not driven by the peaceful settlement, but is determined by intention of several external powers to integrate BiH into euroatlantic structures regardless of the internal political situation. Peace Implementation Council (PIC), the successor of International Conference on the Former Yugoslavia (ICFY), empowered the High Representative with the “Bonn powers” thus turning making OHR into a body of external administration, questionable in terms of international law. The Bonn powers were used most intensively during the first decade of existence of post-war Bosnia and Herzegovina, i.e., the mid-2000s. Limited use of the Bonn powers since then is conditioned by rapidly changing situation in the region and international tensions. The rotation of elites and rise to power of Milorad Dodik’s cabinet in 2006 in Republika Srpska allowed RS to block the process of centralization in BiH, while Independence referendums in Kosovo and Montenegro were held. RS is supported by the Russian Federation since centralization of BiH presupposes entry not only into the EU, but also into NATO. It explains the concern of Russia over preservation of Dayton’s status quo and determines its intention to dismantle supranational structure of governance in BiH. The relevance of the topic is defined by political tensions in Bosnia: during the boycott of the federal-level bodies of state administration by Serbian politicians, Croat and Bosniak representatives adopted anti-Russian resolution. In addition, general elections are scheduled for October 2022. These events make it critical to analyze the evolution of the OHR and its activity.

Key words: Bosnia and Herzegovina, Dayton Accords, political system, High Representative for Bosnia and Herzegovina, European integration, EU, NATO.

DOI: 10.31857/S0201708322030159

EDN: GHREJW

REFERENCES

- Barabanov O.A. (2018) Poslevoennye formy vneshnego vmeshatel'stva v krizisnye processy na territorii BiG (1995–2008) i SRYU (1999–2008) [Postwar forms of external interference in crisis processes on the territory of BiH (1995–2008) and the FRY (1999–2008)], PhD thesis, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, 461 p. (in Russian).
- Bildt C. (1998) Peace Journey: The Struggle for Peace in Bosnia. Weidenfeld & Nicholson, London, 423 p.
- Engel'gardt G.N. (2015) Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya (1990–2006 gg.) [Republika Srpska in Bosnia and Herzegovina. Emergence and evolution (1990–2006)], PhD thesis, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, 334 p. (in Russian).
- Entina E.G. (2015) Balkany vchera i zavtra. [The Balkans yesterday and tomorrow]. *Sovremennaya Evropa*, No 1, pp. 37–45. (in Russian).
- Entina E.G. (2018) Evro-atlanticheskaya integraciya respublik byvshej Yugoslavii i rossijskij faktor. [Euro-atlantic integration of republics of the former Yugoslavia and the russian factor]. *Aktual'nye problemy Evropy*, No 1, pp. 192–208. (in Russian).
- Holbrooke R. (1999) To End a War. Modern Library, New York, 408 p.
- Kandel' P.E. (2011) Bosniya i Gercegovina, ES i NATO. [Bosnia and Herzegovina, the EU and the NATO]. *Vestnik MGIMO*, No 1, pp. 77–86. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-1-16-77-86>
- Kandel' P.E. Uroki balkanskogo rasshireniya Evrosoyuza i perspektivy otnoshenij Ukrainy s ES. [Lessons of the European union enlargement to the Balkans and prospects for Ukraine's relations with the EU]. URL: <http://ieras.ru/pub/analitika/kandel1.pdf> (accessed: 23.01.2021) (in Russian).
- Nikiforov K.V. (1999) Mezhdru Kremlem i Respublikoj Serbskoj (Bosnijskij krizis: zavershayushchij etap). [Between the Kremlin and Republika Srpska (Bosnian crisis: the final phase)]. Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, 262 p. (in Russian).
- Ponomareva E.G. (2011) Bosniya i Gercegovina: gosudarstvo bez gosudarstvennosti. [Bosnia and Herzegovina: state without statehood]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No 1 (16), pp. 72–74. (in Russian).
- Ponomareva E.G. (2011) Lovushki i dilemmy Mirnogo soglashiia, ili Kakoe budushchee zhdet Bosniiu i Gertsegovinu? [Traps and dilemmas of the Peace agreement, or what future awaits Bosnia and Herzegovina?]. *Politeia*, Vol. 2, pp. 219–234. (in Russian).
- Romanenko S.A. (2015) Post'yugoslavskoe prostranstvo 1992–2014 gg.: problemy nacional'nogo samoopredeleniya i nepriznannyh gosudarstv. [Area of the former Yugoslavia 1992–2014: the problems of national self-determination and unrecognized states]. *Aktual'nye problemy Evropy*, No 1, pp. 154–171. (in Russian).
- Sidorenko A.V. (2009) «Navyazannyj federalizm» kak instrument konfliktorazresheniya. [«Imposed federalism» as a conflict resolution tool]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Seriya 6. Vol. 2, pp. 391–400. (in Russian).
- Volkov V.K. (2004) Mnogostradal'nyj region: Balkany. [Long-suffering region: the Balkans]. *Sovremennaya Evropa*, No 4, pp. 75–93. (in Russian).
- Vukoja I., Sitarski M. (2016) Bosna i Hercegovina – Federalizam, Ravnopravnost, Održivost: Studija preustroja BiH u cilju osiguravanja institucionalne jednakopravnosti konstitutivnih naroda. Institut za društvenopolitička istraživanja (IDPI), Mostar. 406 p.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 327

**БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПРОСТО «ПОСОЛ В ПАРИЖЕ»
(о воспоминаниях российского посла
во Франции Александра Орлова)**

© 2022 **ФЕДОРОВ Сергей Матвеевич ***

Кандидат политических наук

Отдел социальных и политических исследований

Центр партийно-политических исследований, Институт Европы РАН

125009, Россия, Москва, Моховая ул., 11-3.

***E-mail:** *smfedorov@list.ru*

Поступила в редакцию 26.01.2022

После доработки 12.03.2022

Принята к публикации 15.03.2022

Ключевые слова: дипломатия, Франция, франко-российские отношения, Европейский союз, «трианонский диалог».

DOI: 10.31857/S0201708322030160

EDN: GHVYRI

Литературный жанр воспоминаний всегда пользовался у читателя большой популярностью, вызывал неподдельный интерес. По вполне понятным причинам – это встреча с исповедальными размышлениями автора о себе, своих взглядах, оценках исторических или просто знаменательных, резонансных событий, к которым он был причастен. Порой незначительные, на первый взгляд, детали, о которых рассказывает автор, вдруг воссоздают картину прошлого во всём цвете – это даёт возможность лучше понять минувшее, а порой по-новому посмотреть на те или иные события, провести ревизию своих представлений, отбросить сложившиеся стереотипы. Словом, воспоминания – это всегда открытие.

Приведённые выше размышления родились у автора этих строк в процессе прочтения книги воспоминаний известного российского дипломата Александра Константиновича Орлова «Посол в Париже»¹.

А.К. Орлов, наверное, один из немногих отечественных дипломатов, чья профессиональная деятельность на протяжении практически всей его дипломатической карьеры была связана с Францией. В 1971 г. его, молодого начинающего дипломата, направили на работу в посольство СССР в Париже, а закончил он свою дипломатическую карьеру в ранге Чрезвычайного и полномочного посла России во Франции и княжестве Монако в 2008–2017 гг.

Таким образом, воспоминания автора охватывают почти полвека советско- и российско-французских отношений, вместивших в себя эпохи Помпиду – Жискард д’Эстен – Брежнев, Миттеран – Горбачёв, Ельцин – Ширак, Ширак/ Саркози – Путин. Это позволяет автору изложить своё видение событий на длительном историческом отрезке времени, дать их оценку.

На протяжении всех 16 глав книги читатель узнаёт о жизненном и профессиональном пути дипломата, подробностях отдельных важных этапов в политической жизни России и франко-российских отношениях. Практически в каждой главе читателя ждёт какое-то открытие: малоизвестные факты и зарисовки событий, наблюдения и размышления автора.

Так, в первых главах автор рассказывает об истории своей семьи и своих родителях, о крестьянских корнях отца, родившегося в многодетной семье, о том, как его отец учился на рабфаке при Московском архитектурном институте, специально открытым для детей рабочих и крестьян.

Нельзя не отметить объективной и одновременно по-человечески доброй оценки советских реалий и жизни в СССР, которую мы находим на страницах воспоминаний. Например, касающейся образования – «Мы можем многое говорить о революции и Советском Союзе, но одно неоспоримо: в области образования и науки это был несомненный успех. Благодаря государственной политике миллионы людей незнатного происхождения смогли получить хорошее образование и добиться успеха в жизни» (с. 22) – или пионерской организации, о которой автор вспоминает с теплотой и гордостью (с. 37, 58).

Вообще главы посвящённые истории своей семьи, детским воспоминаниям, учёбе в школе и институте получились у автора очень тёплыми и искренними. На читателя, помнящего 1960-70-е гг., наверняка нахлынут ностальгические воспоминания при знакомстве со страницами книги, посвящёнными Москве и бытовым зарисовкам того времени.

Конечно, главное место в воспоминаниях А.К. Орлова уделено его дипломатической работе: первой командировке во Францию в 1970-е гг., работе в первом европейском департаменте МИДа (в 1998–2001 гг. в качестве директора департамента), пребыванию в Страсбурге в должности постоянного представителя РФ в Совете Европы (в начале 2000-х гг.) и, несомненно, в Париже в ранге Чрезвычайного и полномочного посла России во Франции в 2008–2017 гг.

¹ Орлов А.К. Посол в Париже. М., Эксмо, 2021. 170 с.

Примечательно, что рассказы о дипломатической работе, о впечатлениях от общения с первыми лицами государств, высокопоставленными чиновниками и дипломатами органично сочетаются с многочисленными попутными отступлениями и комментариями автора, связанными с малоизвестными (а потому особо интересными) широкой публике историческими фактами из жизни известных российских и французских деятелей культуры, политики, искусства.

В этом плане характерна глава VII «Совет Европы», в которой автор рассказывает о своей работе в этой организации, её истории, положительных и проблемных моментах её деятельности. Нельзя не согласиться в целом с выводом А.К. Орлова, который он вынес из работы в этой представительной организации о значении гражданского общества, которое, по его мнению, «превращается в крупную политическую силу, более влиятельную, чем традиционные политические партии» (с. 123). Правда, с одной оговоркой, что всё-таки политические партии по своему назначению отличны от организаций гражданского общества, ведь главное в деятельности политических партий – это борьба за власть. Сам автор на той же странице воспоминаний с этим косвенно соглашается – «Из моего собственного опыта контактов с неправительственными организациями я знаю, что главное, чего хочет гражданское общество, – это выразить себя и быть услышанными» (с. 123).

Можно поспорить с чрезмерно оптимистичными оценками автора будущего Совета Европы, не говоря уже о его современном состоянии. Тем более что автор вступает в спор с самим собой: «На мой взгляд, вопреки расхожему мнению, Совет Европы может иметь большое будущее...», а далее: «Пришло время уточнить роль полномочия каждой организации, существующей сегодня в Европе. Их очень много. Проблема в том, что все эти организации занимаются, по сути, одним и тем же, и без особой эффективности. Определяя роль каждой из них, необходимо исходить из её целей, компетенции и той добавленной стоимости, которую она может иметь по сравнению с другими» (с. 122–123). Что касается Совета Европы и Европейского союза – организаций различных по своей природе, истории и назначению, то говорить о том, что они могли бы стать «двумя лёгкими Европы», дискуссионно.

В целом критически настроенный читатель, ознакомившись с изложением некоторых эпизодов постсоветской политической истории России, возможно, найдёт их знакомыми. Однако стоит напомнить, что книга воспоминаний предназначалась, в первую очередь, французской публике, малознакомому с российскими политическими реалиями, – российское издание появилось после французского.

Культурно-исторические экскурсы, которыми изобилуют воспоминания, украшают книгу и, несомненно, вызовут большой читательский интерес. В упомянутой выше главе VII «Совет Европы» А.К. Орлов рассказывает об истории многочисленных культурных связей России и Страсбурга, города, находящегося на границе Эльзаса с немецкой землёй Баден-Вюртемберг. Так, наверное, немногие знают, что в замке города Монбельяр провела юные годы София Доротея Вюртембергская – немецкая принцесса, ставшая императрицей под именем Мария Фёдоровна, выйдя замуж за будущего императора России Павла I. Любопытно, что Екатерина Великая также провела в Эльзасе несколько детских лет, когда училась в монастырской школе в г. Масево. Император Александр I в начале января 1814 г., когда русские

войска переходили Рейн, из любви к своей матери специально заехал в Монбельяр, чтобы посетить замок, где она провела юные годы.

Читателя вряд ли оставит равнодушным рассказ автора о замке Жоржа-Шарля Дантеса в г. Сульце (департамент Верхний Рейн), недалеко от г. Мюлуза, и его контактах с одним из потомков семьи Дантеса – Лоттером Дантесом. Совместно с генконсулом посольства РФ в Страсбурге А.К. Орлов организовал поездку Лоттера Дантеса в Россию. Дальний потомок своего печально известного предка боялся ехать туда, так как опасался, что его арестуют прямо на границе, но вернулся из своей поездки глубоко тронутым и очарованным нашей страной. К этому историческому сюжету хотелось бы добавить одно уточнение: правильное написание фамилии Дантес – д'Антес, так как приставка «де» обозначает дворянское происхождение.

Последние главы книги, посвящённые современным событиям, когда автор представлял интересы РФ во Франции в ранге посла, наверное, особенно понравятся читателю, интересующемуся международными отношениями и особенно франко-российскими связями. В них А.К. Орлов подробно описывает встречи между президентами России и Франции, делится с читателями своими впечатлениями от контактов с высшими руководителями двух стран.

Так, если вначале (при вручении верительных грамот) президент Н. Саркози произвёл на российского посла впечатление «человека, который вечно спешит», то позже, в других обстоятельствах, он «открыл для себя другого Саркози – тёплого, эмоционального, харизматичного» и «оценил его профессиональные и человеческие качества, которые позволили ему достичь вершины государства». Любопытно, что, по мнению автора, Саркози был единственным главой французского государства, которого он знал лично, «кто упоминал о религии, когда перечислял общие моменты, которые связывают наши страны» (с. 147).

Совсем иное мнение сложились у российского посла от общения с Фр. Олландом – об этом красноречиво говорит название главы XII воспоминаний – «Разочарование Олландом». Это разочарование было вызвано не только делом о «Мистральях» (автор подробно рассказывает об этом в отдельной главе), но, как можно предположить, особенностями характера президента-социалиста. Отношения с Олландом не заладились уже при первой его встрече с Владимиром Путиным 1 июня 2012 г. По мнению автора, она «проходила на фоне исторического недоверия со стороны французского президента, который ещё не до конца вышел из роли первого секретаря Социалистической партии» (с. 176). Фр. Олланд, как считает автор, «искренне стремился установить хорошие личные отношения с президентом России, как Николя Саркози. Но, в отличие от последнего, у него ничего не получилось, и вина за это лежит на нём самом» (с. 177).

Не менее интересен и рассказ автора о непростой подготовке первой встречи только что избранного президента Э. Макрона с В. Путиным, приуроченной к открытию выставки в Версале, посвящённой 300-летию визита Петра Великого во Францию.

Наиболее важным моментом в деятельности А.К. Орлова в качестве посла РФ во Франции стало строительство духовно-культурного православного центра в Па-

риже, на набережной Бранли. О сложном пути реализации этого проекта, призванного стать олицетворением российско-французской дружбы, автор рассказывает в отдельной главе воспоминаний «Святая Русь на берегах Сены». Не будет преувеличением сказать, что именно благодаря усердию и настойчивости Александра Константиновича удалось преодолеть многочисленные административные трудности и проблемы и реализовать задуманное. И хотя автор говорит о своём разочаровании в нынешней деятельности центра, тем не менее, думается, что это поправимо.

По прочтению книги у читателя, наверное, возникнет закономерный вопрос: в чём причина успехов работы А.К. Орлова на важном дипломатическом посту? Помимо профессиональных компетенций и, конечно, свободного владения французским языком (автор этих строк не раз наблюдал, как российский посол участвовал в прямых эфирах французских СМИ), секрет своего успеха раскрыл сам автор на последних страницах воспоминаний: «Всю свою жизнь я пытался сделать мою страну близкой и любимой французами и вызвать у моих соотечественников такие же чувства к Франции» (с. 235). Замечательные, точные и искренние слова! Как и сами воспоминания российского посла в Париже, чтение которых никого не оставит равнодушным.

More than just “The Ambassador in Paris”
*(about the memoirs of the Russian Ambassador
to France Alexander Orlov)*

(Review of the book: Orlov A.K. (2021) Ambassador in Paris. Eksmo, 170 p.)

S.M. Fedorov*

Candidate of Science (Politics)

Department of Social and Political Studies

Center for Party and Political Studies

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences

11-3, Mokhovaya street, Moscow, Russia, 125009.

***E-mail:** *smfedorov@list.ru*

Key words: diplomacy, France, Franco-Russian relations, European Union, Trianon dialogue.

DOI: 10.31857/S0201708322030160

EDN: GHVYRI

УДК 327

ИДЕНТИЧНОСТЬ, СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ И ДРУГИЕ ФАКТОРЫ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

© 2022 ТРЕЩЕНКОВ Евгений Юрьевич *

Кандидат исторических наук

Санкт-Петербургский государственный университет.

191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, подъезд 8.

***E-mail:** *e.treschenkov@spbu.ru*

Поступила в редакцию 02.12.2021

После доработки 28.02.2022

Принята к публикации 15.03.2022

Ключевые слова: Европейский союз, Россия, США, санкции, идентичность.

DOI: 10.31857/S0201708322030172

EDN: GIAVWO

В конце 2021 г. в издательстве «Routledge» в рамках серии «Международные справочники» вышла уникальная книга. Речь идет о «Справочнике по отношениям ЕС–Россия» под редакцией известных европейстов Татьяны Романовой и Максина Дэвид¹. Четыре десятка компактных глав, примерно по десять страниц каждая, охватывают практически все разнообразие взаимодействий России и Евросоюза. Книга начинается с пула глав, посвященных эволюции, правилам и участникам взаимодействия ЕС и России. Далее следует раздел с осмыслением этих отношений различными теориями – от реализма до постколониальных исследований. Есть в

¹ *The Routledge Handbook of EU–Russia Relations. Structures, Actors, Issues.* (2021) Ed. by Tatiana Romanova and Maxine David. New York, Routledge. 506 p.

справочнике разделы, охватывающие взаимодействие России и ЕС в области политики и безопасности, экономические отношения, социальное измерение. Отдельным большим блоком идет региональный уровень взаимодействия (от приграничного сотрудничества до Арктики). Завершает книгу раздел по отношениям России и ЕС в срезе глобальных проблем (от Ближнего Востока до многосторонних институтов глобального управления).

Каждая из глав справочника достойна отдельной характеристики, однако с этой задачей уже отлично справились сами редакторы издания. Введение к справочнику, фактически, представляет собой подробный обзор его содержания. Попробуем все же выделить те особенности, которые делают предлагаемый справочник заслуживающим внимания.

Первой отличительной особенностью справочника является фокус именно на проблематике взаимодействия России и ЕС, рассмотренной в максимально возможном разнообразии.

Вторая особенность заключается в подборе авторов. Авторский коллектив, без сомнения, является визитной карточкой справочника. Над главами работало около полусотни ведущих российских и зарубежных исследователей, представляющих широкую палитру организаций. Несмотря на такое разнообразие тем и авторов, справочник отличается целостностью, последовательностью и наличием общей концепции.

Справочник сумел создать общие рамки для дискуссии и анализа, в которые можно встраивать события, происходящие уже после выхода издания в свет. Ярким примером является глава по кибербезопасности, подводящая читателя к мысли о том, что даже в такой сфере серьезных взаимных противоречий России и ЕС в будущем неизбежно сотрудничество (с. 191). Действительно, уже после выхода справочника Россия и страны Запада предложили на рассмотрение в рамках ООН совместный проект резолюции об ответственном поведении государств в киберпространстве¹.

Из сказанного выше проистекает *третья особенность* справочника. Он был подготовлен в условиях крайней политизации современных отношений России и ЕС. В такой ситуации несомненным достижением редакторов является то, что и российские, и зарубежные авторы руководствуются принципами научной объективности и демонстрируют стремление к диалогу.

Есть несколько сюжетов, по которым среди авторов справочника заметно совпадение мнений. Сквозной темой является российская идентичность и место в ней Европы. К этой теме апеллируют многие главы, и общим заключением можно считать логичный, но и не самый утешительный тезис В. Морозова о том, что долгосрочное восстановление отношений России и ЕС, возможно, потребует изменения идентичностей сторон (с. 55).

¹ Shakirov O. (2021) Importance of Russian-U.S. Resolution on Information Security. 08.11.2021 / PIR Center. URL: <http://www.pircenter.org/en/blog/view/id/539> (дата обращения: 22.12.2021)

Сразу в нескольких главах справочника с разных ракурсов дается широкая панорама того, как отношения России и ЕС эволюционировали в сложном геополитическом контексте (Д. Данилов, К. Худолей и М. Ращ, М.Р. Фрейре, Л. Делькур и др.). В первую очередь, важна оценка фактора США. Москва зачастую воспринимает Евросоюз как несамостоятельного актора, чья политика в отношении России и постсоветского пространства реализуется в русле, задаваемом Вашингтоном. После 2014 г. такая оценка только укрепилась.

Региону общего соседства в справочнике уделяется особое внимание. При этом книге все же не хватает взгляда на постсоветские государства как на отдельных участников взаимодействия России и ЕС. В рамках того же постколониального подхода можно было бы обратить внимание на поведение ряда постсоветских республик (Украина, Молдова, Белоруссия), долгое время игравших на противоречиях между двумя имперскими центрами – бывшим и возможным новым. Соответствующий вклад в разрастание конфликта России и Запада был существенным.

В отдельной главе И. Тимофеев делает подробный обзор структуры и динамики санкций в отношении России. Не стоит рассматривать их только как попытку изменить политику России. Введение «ограничительных мер» всегда рассматривалось Брюсселем также и сквозь призму политики идентичности. Оно должно показать и гражданам ЕС, и международному сообществу, что Евросоюз – это единый международный актор, объединенный определенными ценностями.

В справочнике есть ожидаемые разделы, без которых такой проект не мог бы считаться завершенным, но есть и более нестандартные. Так, объясняя причины разногласий России и ЕС по тематике прав человека, Р. Фон отмечает, что у них «один словарь в том, что касается прав человека, но различающиеся значения» (с. 170). Последние спровоцированы институциональными факторами. Как указывает Л. Дериглазова, негативное отношение России к тому, как ЕС интерпретирует права человека и использует эти интерпретации в своей международной деятельности, приводит к усилению давления внутри России на ориентирующиеся на Евросоюз неправительственные организации, правозащитников и СМИ (с. 180–181).

В современном информационном пространстве взаимодействие Москвы и Брюсселя представляется сплошной чередой санкций и контрсанкций. В реальности картина более разнообразна и сложна. Политический уровень отношений, действительно, оказывает деструктивное воздействие на сотрудничество во всех остальных сферах. Вместе с тем, стороны все еще формируют вместе многоуровневую систему взаимосвязей. Эта система не ограничивается взаимодействием на высшем политическом уровне. Хотя разнообразие вовлеченных в процесс акторов поступательно сокращается, в будущем восстановление диалога неизбежно. Предлагаемый справочник вносит существенный вклад в понимание не только проблемных точек в отношениях России и ЕС, но и дает представление о возможностях взаимодействия на разных уровнях в дальнейшем.

**Identity, United States and Other Factors
of Russia-EU Relations**

(Review of the book: The Routledge Handbook of EU–Russia Relations. Structures, Actors, Issues. (2021) Ed. by Tatiana Romanova and Maxine David. New York, Routledge. 506 p.)

E.Yu. Treshchenkov *

Candidate of Science (History)

*Saint Petersburg State University. 7-9, Universitetskaya emb.,
St. Petersburg, Russia, 199034.*

***E-mail:** *e.treschenkov@spbu.ru*

Keywords: European Union, Russia, USA, sanctions, identity.

DOI: 10.31857/S0201708322030172

EDN: GIAVWO

IN MEMORIAM

Ратмир Олегович ОРЕСТОВ
(23.09.1953 – 28.04.2022)

28 апреля ушел из жизни научный сотрудник Института Европы РАН Ратмир Олегович Орестов. На протяжении нескольких лет он был научно-стилистическим редактором и корректором журнала «Современная Европа». Но главное – он стал неотъемлемой частью нашего коллектива.

Ратмир Олегович закончил Институт стран Азии и Африки при МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический факультет, арабское отделение по специальности «историк-востоковед, переводчик-референт». Он работал переводчиком арабского и английского языков, большую часть своей трудовой жизни отдал журналистике. В частности, Ратмир Олегович был корреспондентом ТАСС в Сирии, заведующим Отделениями ТАСС в Египте и Ливане, главой Бюро «РИА Новости» в Израиле. Помимо этого, он занимал должности ответственного секретаря и заместителя главного редактора журналов «Эхо планеты» и «Спорт-Экспресс», был продюсером Русской службы Би-би-си.

В Институте Европы РАН Р.О. Орестов исполнял обязанности научного редактора в журнале «Современная Европа», занимался и научным, и литературным редактированием статей. Помимо этого, он активно участвовал в решении организационных и творческих вопросов, связанных с изданием журнала.

Ратмир Олегович был обаятельным, эрудированным, умудренным опытом наставником своих молодых коллег, умел направить работу в нужное русло, наладить ее систематичность, подсказать, как общаться с тем или иным ученым по поводу его произведения. Он также составил свод правил орфографии и пунктуации, которые отражают специфику журнала и удобны в использовании, и этим сводом редакция теперь пользуется регулярно.

Мы все были благодарны Ратмиру Олеговичу за умение создать непринужденную атмосферу, за наполненные смыслом советы и свойственную ему иронию. Его жизненный опыт и профессионализм стали бесценным приобретением для Института Европы, для всех, чья повседневная работа последние годы была наполнена обаянием этого замечательного человека.

Светлая память.

Журнал «Общественные науки и современность» – один из ведущих российских научных междисциплинарных изданий.

Учредитель – Российская академия наук. Журнал издаётся под руководством Президиума РАН.

«Общественные науки и современность» посвящён актуальным фундаментальным и прикладным исследованиям в социогуманитарных науках. На страницах журнала представлены статьи по политологии, международным отношениям и праву, экономике и социологии, философии и истории, культурологии и психологии.

«Общественные науки и современность» поддерживает самые высокие стандарты отбора материалов, их рецензирования, публикационной этики.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по специальностям:

08.00.00 – экономические науки;
22.00.00 – социологические науки;
23.00.00 – политология

Индексирование: **RSCI, РИНЦ**

ISSN (print): 0869-0499

Год основания: 1976

Импакт-фактор: 0,862

Подписной индекс: 70677

Периодичность: 6 раз в год.

